

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИКА**

НОМЕР 1 (109) 2024

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Белова Л.Г. (Москва, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Ёлкину О. С. (Санкт-Петербург, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Симченко Н.А. (Симферополь, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-02-11

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: theoreticaleconomy@edu.ystu.ru

Содержание

Теоретическая экономика

№1 | 2024

www.theoreticaleconomy.ru

Рубрика главного редактора

- 4 Гордеев Валерий Александрович
Теоретическая экономика: в новый год с новыми мыслями к развитию концепции

Актуальные проблемы теоретической экономики

- 12 Иванцов Юрий Александрович, Наливайченко Екатерина Владимировна
К вопросу о содержательных характеристиках виртуальной экономики
- 24 Бекренёв Юрий Владимирович
Способна ли рыночная экономика обеспечить масштабное развитие промышленного потенциала России в условиях военной опасности

Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект

- 43 Шевченко Светлана Алексеевна, Морозова Ирина Анатольевна, Кузьмина Екатерина Валериевна
Кадровое обеспечение новой индустриализации региона в контексте концепции креативного класса
- 62 Тебекин Алексей Васильевич
Формирование стратегии национального развития на базе концепции управления человеческим капиталом
- 75 Цуриков Владимир Иванович, Скаржинская Елена Матвеевна
Сравнение равновесий Нэша и Штакельберга в модели коллективных действий

Современные проблемы мировой экономики

- 87 Медведев Илья Витальевич
Интеграционные проекты «пояса соседства» России в контексте фрагментации и регионализации постсоветского пространства: часть 1
- 98 Берендеева Алла Борисовна
Институциональная среда устойчивого развития и ESG-трансформации российской экономики: мега-, макро-, мезо- и микроуровни

Творчество молодых исследователей

- 120 Скачков Руслан Альбертович, Ерёмин Александр Владимирович, Новиков Александр Иванович, Старикова Татьяна Владимировна
Теоретические и прикладные аспекты продовольственной безопасности в России
- 128 Карпов Дмитрий Максимович, Вахрушев Дмитрий Станиславович
Долговая устойчивость публично-правового образования в контексте его долговой конкурентоспособности: теоретические аспекты и особенности в Ярославской области на современном этапе

Юбилей ученого

- 141 Гордеев Валерий Александрович
Пороховский Анатолий Александрович – ученый-экономист и друг нашего журнала

Теоретическая экономика: в новый год с новыми мыслями к развитию концепции

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. В этой рубрике предложен обзор материалов очередного, 1-го (109-го), номера журнала, которым мы вступаем в новый, 14-й год нашего общения с читателями. По мнению редактора, публикации данного номера, как и предстоящих в этом году, судя по портфелю заказов, вносят новые мысли к развитию нашей концепции теоретической экономики. Показано, в чем заключается эта новизна на примере каждой публикуемой работы. Отмечено, что она проявляется, разумеется, в разной степени в выступлениях и известных читателям, и новых авторов. Главное внимание традиционно уделено актуальным проблемам теоретической экономики, теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации, современным проблемам мировой экономики, творчеству молодых исследователей.

Ключевые слова: теоретическая экономика; новая индустриализация; современные проблемы мировой экономики, творчество молодых исследователей

JEL codes: A13; A14

Для цитирования: Гордеев, В.А. Теоретическая экономика: в новый год с новыми мыслями к развитию концепции / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №1. - С.4-11. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2024)

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Предлагаем Вашему вниманию очередной, 1-й (109-й), номер, которым мы открываем 14-й год общения с Вами. Содержимое этого номера, на наш взгляд, как и последующих номеров наступившего года, судя по портфелю заказов, вносит новые идеи в разработку теоретической экономики. Тем самым материалы этого номера являются логическим продолжением предыдущих в исследовании современных социально-экономических проблем с позиции разрабатываемой в журнале концепции. Думаем, что такой подход характеризует публикуемые и в этом номере работы. Причем не только хорошо известных Вам, уважаемый читатель, но и новых авторов.

Прежде всего традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономики». Здесь помещены две работы. Во-первых, статья «К вопросу о содержательных характеристиках виртуальной экономики», с которой выступают исследователи из Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, (г. Симферополь, Российская Федерация): Иванцов Юрий Александрович, аспирант кафедры экономики предприятия, и Наливайченко Екатерина Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предприятия. Виртуальная экономика, отмечают они, твердо заняла позиции нового структурного элемента мировой экономики. Целью статьи является комплексное исследование фундаментальных основ формирования и развития виртуальной экономики. Авторами проведен концептуальный, детальный анализ сущности виртуальной экономики на основе системного подхода к терминологии в данной сфере - понятий

«виртуальный», «виртуализация», «виртуальная реальность», «виртуальная экономика». Выделены сущностные черты виртуальной экономики, обусловленные именно статусом ее виртуальности, а также характерные признаки виртуальной экономики. Подробно рассмотрены сферы и структура виртуальной экономики. Определены основные перспективы виртуальной экономики для экономической деятельности в целом. Авторами сделан вывод о том, что содержательные характеристики виртуальной экономики, как особого экономического пространства для осуществления хозяйственных процессов в цифровой форме, отражают процесс трансформации реальной экономики под влиянием цифровой глобализации и заключаются в первоочередной роли интеллектуального капитала и информационно-коммуникационных технологий; непрерывности инноваций как определяющего фактора экономического роста; усилении влияния качества и новизны информации на эффективность экономических процессов.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья под названием «Способна ли рыночная экономика обеспечить масштабное развитие промышленного потенциала России в условиях военной опасности?». Её написал Бекренёв Юрий Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация). В его работе исследуются вопросы возможностей рыночной экономики Российской Федерации обеспечить масштабное и быстрое (в течение ближайших 3-7 лет) наращение промышленного потенциала в виду наличия и разрастания военной угрозы и опасности развязывания против нашей страны масштабных военных действий со стороны недружественных стран коллективного Запада во главе с США. Рассматривается опыт проведения советских индустриализаций, начиная с разработки и реализации плана ГОЭЛРО, до послевоенного (отечественной войны) масштабного восстановления народного хозяйства и наращения промышленного потенциала, созданного в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Исследуется современное состояние обрабатывающей промышленности и её развитие в условиях либеральной рыночной модели 1990-х годов. Сделан вывод, что за тридцать с лишним лет рыночной экономики, Россия-таки не восстановила в полном объеме свой промышленный потенциал после развала экономики 1990-х годов, по многим показателям промышленного производства страна так и не достигла уровня 1990 года (последнего года СССР). Проводится мысль, что в настоящее время страна нуждается в широком и качественном расширении и обновлении производственных мощностей (в первую очередь связанных с ВПК и обеспечением ведения военных действий на Украине в рамках СВО), которых для гарантированного противодействия возникающим и нарастающим военным угрозам явно не хватает. Для это предлагается изменить траекторию экономического развития РФ, отказаться от модели либеральной рыночной экономики и заменить её на государственно-рыночную модель по образу ленинской модели НЭПа. Однако этот вопрос остаётся дискуссионным и требует детальной проработки, что автором планируется сделать в последующих публикациях.

Затем в рубрике «Новая индустриализация ...» Вашему вниманию предлагается три работы. Во-первых, статья под названием «Кадровое обеспечение новой индустриализации региона в контексте концепции креативного класса». Её прислали авторы из ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», (г. Волгоград, Российская Федерация): Шевченко Светлана Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент; Морозова Ирина Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, и Кузьмина Екатерина Валериевна, кандидат экономических наук, доцент. Значимым фактором социально-экономического развития Российской Федерации, резонно отмечают они, является высококвалифицированные кадры. Человек является ключевым ресурсом экономического роста территории, от креативности, ментальности и предпринимательской активности которого зависит научно-технологическое развитие отраслей промышленности. Целью данного исследования

является уточнить понятие и основные характеристики человеческого капитала и выявить потенциал креативного класса для кадрового обеспечения новой индустриализации региона. В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы научного познания, которые позволили выявить и обосновать потенциал креативного класса для кадрового обеспечения новой индустриализации региона. Методической основой исследования являются труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные новой индустриализации, сущности человеческого капитала и его характеристик, креативному классу. В работе определены ключевые параметры новой индустриализации (диверсификация структуры экономики региона, цифровая трансформация отраслей промышленности, развитие крупных промышленных производств и территориально сконцентрированных промышленных зон, кластеризация промышленности и кооперация производства, автоматизация бизнес-процессов и распространение искусственного интеллекта, предпринимательская активность организаций промышленности в создании инновационных идей, наличие системы подготовки кадров (креативность; интеллект, ментальность и квалификация), что послужило основанием для определения компетенций человеческого капитала для новой индустриализации. Уточнено понятие человеческого капитала новой индустриализации как совокупности компетенций человека (технологических, управленческих, информационных, цифровых, коммуникативных, инновационно-творческих и саморазвития), которые позволяют ему осуществлять процессы новой индустриализации в регионе (производственные и технологические изменения в индустриальной базе региона, развитие крупных промышленных производств, автоматизация бизнес-процессов и распространение искусственного интеллекта в направлении повышения производительности труда и конкурентоспособности региона; формирование новых знаний для создания инновационных идей для формирования перспективных видов экономической деятельности). Уточнены характерные признаки и ценности креативного класса, на основе чего выявлен его потенциал для кадрового обеспечения новой индустриализации в регионе, который включает целевую, интеллектуальную, деятельностную, аксиологическую и социальную составляющие. Результаты исследования могут быть использованы при осуществлении процессов новой индустриализации территории. Вектор будущих исследований в изучении условий развития креативного класса в регионе для осуществления целей новой индустриализации.

Во-вторых, в этой рубрике представлена работа под названием «Формирование стратегии национального развития на базе концепции управления человеческим капиталом». Её подготовил Тебекин Алексей Васильевич, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры промышленного менеджмента Национального исследовательского технологического университета МИСИС. Актуальность представленного исследования определяется необходимостью поиска путей выхода национальной экономики из кризиса 2020-х годов с конкурентными преимуществами, который осложнен:

- общемировыми проблемами преодоления глобального мирового экономического кризиса 2020-х годов;

- накопившимися в последние десятилетия внутренние проблемы развития национальной экономики, включая наличие значительного отставания от мировых лидеров, включая существенную утрату позиций технологического суверенитета по технологиям, с одной стороны, уходящих технологических укладов, но, с другой стороны во многом определяющие текущие возможности развития национального хозяйства за счет собственного производства;

- целенаправленное санкционное давление на российскую экономику коллективного Запада, интенсивность которого в последние годы выросла более чем на два порядка.

Целью представленного исследования является формирование стратегии эффективного развития национальной экономики на период роста экономической активности в рамках VI технологического уклада в период 2030-х годов.

Научная новизна представленного исследования заключается в обосновании того, что стратегия национального развития в 2030-е годы будет осуществляться на базе концепции управления человеческим капиталом, а также в формировании основных положений указанной стратегии.

Практическая ценность полученных результатов состоит в возможности их использования при стратегическом развитии национальной экономики в 2030-е годы посредством реализации концепции управления человеческим капиталом, инвариантной к масштабам и направлениям деятельности хозяйствующих субъектов.

В-третьих, завершает эту рубрику статья «Сравнение равновесий Нэша и Штакельберга в модели коллективных действий», которую написали доктора экономических наук, профессора из г. Кострома (Российская Федерация) Цуриков Владимир Иванович (ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия») и Скаржинская Елена Матвеевна, ФГБОУ ВО «Костромской государственной академии». С помощью математического моделирования в их работе проводится сравнение результатов коллективных действий, достигаемых в условиях их различной координации. Предполагается, что члены коллектива получают совокупный доход, величина которого возрастает с ростом прилагаемых ими усилий и подчиняется закону убывающей отдачи. Влияние координации на эффективность их действий обусловлено комплементарностью усилий, которая выражается в том, что рост объема усилий, прилагаемых каждым из агентов, приводит к росту предельного дохода по усилиям любого другого агента. Образование коалиции (малой группы), члены которой стремятся к максимуму коалиционного выигрыша, позволяет коллективу избежать ловушки «плохого равновесия» Нэша, в которую он попадает при автономном выборе каждым участником размера своих усилий. Анализируются и сравниваются результаты двух игр с участием коалиции: одновременной, в которой достигается равновесие по Нэшу, и последовательной с достижением равновесия по Штакельбергу. В последовательной игре члены коалиции играют роль лидера и поэтому первыми осуществляют свои усилия. Все некооперированные агенты играют роль последователей и определяют объемы прилагаемых ими усилий с учетом размеров усилий, уже осуществленных членами коалиции. Соответственно, члены коалиции, учитывая стремление каждого некооперированного агента к максимуму своего индивидуального выигрыша в условиях его информированности относительно размеров коалиционных усилий определяют методом обратной индукции оптимальный объем своих усилий. В результате применения коалицией стратегии Штакельберга величина совокупного дохода и выигрыш каждого члена коллектива в последовательной игре оказываются выше, чем в одновременной коалиционной игре.

В следующей рубрике, «Современные проблемы мировой экономики», Вашему вниманию в этом номере предлагается две работы. Во-первых, статья «Интеграционные проекты «пояса соседства» России в контексте фрагментации и регионализации постсоветского пространства: часть I». Её подготовил Медведев Илья Витальевич, младший научный сотрудник Института экономики РАН, Центр постсоветских исследований, (г. Москва, Российская Федерация). Развитие интеграционных проектов постсоветского пространства (ПСП) на современном этапе, отмечает он, сталкивается со все новыми вызовами в условиях конкуренции на нем глобальных и региональных центров экономического притяжения в лице США, Евросоюза, Китая и Турции, что актуализирует исследование перспектив интеграционных проектов новых независимых государств (ННГ). Целью настоящего исследования является уточнение контуров дальнейшего развития региональной кооперации через обобщение и сравнительный анализ теоретических подходов к интеграции ПСП

с выделением возможной оптимальной модели кооперации ННГ. Для достижения указанной цели работа разделена на два блока которые обусловлены задачами исследования. Первая часть работы сфокусирована на проведении ретроспективного анализа региональной кооперации ПСП в контексте используемых теорий и подходов к региональной интеграции. Вторая часть исследования посвящена сравнительному анализу используемых подходов к региональной кооперации ННГ с целью выявить перспективные модели региональной кооперации в условиях внешнего санкционного давления. В исследовании проводится обобщение некоторых закономерностей в контексте интеграции ПСП и анализ этапов развития постсоветской интеграции в контексте российской концепции поворота на восток. Производится разграничение между фрагментацией и регионализацией постсоветского пространства. Делается вывод, что хотя европейский опыт и продолжает использоваться в проектировании постсоветской интеграции, его применимость существенно ограничена фактором суверенитета, сильной дифференциацией участников по уровню экономического развития, стремлением стран-участниц проводить многовекторную политику. В современных условиях фрагментации и регионализации постсоветского пространства все большую актуальность обретает поиск собственной модели региональной кооперации, которая бы отвечала новым требованиям постсоветской интеграции и адаптации экономики России к внешним вызовам.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Институциональная среда устойчивого развития и ESG-трансформации российской экономики: мега-, макро-, мезо- и микроуровни», которую написала Берендеева Алла Борисовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономическая теория, экономика и предпринимательство» ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», (г. Иваново, Российская Федерация). Рассмотрен в её работе международный аспект развития концепции устойчивого развития (конференции, принятые документы). Обозначены глобальные трансформации, экологические, экономические и социальные вызовы, актуализирующие повестку устойчивого развития и ESG. Представлен обзор теоретических концепций отечественных и зарубежных ученых, связанных с устойчивым развитием. Дано определение понятия «устойчивое развитие» в узком и широком смысле слова, на макро-, мезо- и микроуровнях. Показана взаимосвязь устойчивого развития с ESG-повесткой, этапы развития «зеленой повестки» на международном уровне. Дана характеристика основных этапов государственного регулирования перехода на принципы устойчивого развития в РФ. Отражены возможности и направления движения регионов и муниципалитетов к «зеленой» экономике и низкоуглеродной модели развития, опыт разработки климатических планов городов.

Далее, в рубрике «Творчество молодых исследователей», Вашему вниманию предлагаются две работы. Во-первых, статья под названием «Теоретические и прикладные аспекты продовольственной безопасности России». Её представили трое авторов из Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Владимир, Российская Федерация): Новиков Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор; Старикова Татьяна Владимировна, доктор экономических наук, доцент; Скачков Руслан Альбертович, аспирант. Рассмотрены в их работе вопросы мобилизации имеющегося в России потенциала земельных ресурсов. В плане логического построения исследования был осуществлен обзор публикаций по вопросам продовольственной безопасности и продовольственного обеспечения населения в России в контексте экономической доступности, качества сельскохозяйственной продукции, устойчивости социального устройства и качества жизни на селе. Выявлены тенденции мирового землеустройства и качества плодородия, отмечено выбытие земель сельскохозяйственного назначения на фоне ежегодного прироста численности населения до 80 млн человек, что провоцирует голод. Несмотря на принимаемые мировой общественностью меры, доля голодающих не сокращается, а сохранится

и в ближайшей перспективе. На этом фоне, доказывают авторы статьи, имеющийся потенциал России как никогда востребован. Изучен опыт совместного пользования земельными ресурсами, позволяющий реализовать крупномасштабные проекты на селе. Но в плане реализации проектов требуются соответствующие трудовые ресурсы, которые в силу ряда причин ограничены. Для восполнения трудовых ресурсов предлагается решение дефицита кадров за счет мигрантов, для этого необходимо выстраивать цивилизованные трудовые отношения.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Долговая устойчивость публично-правового образования в контексте его долговой конкурентоспособности: теоретические аспекты и особенности в Ярославской области на современном этапе». Её написали двое исследователей из ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» (г. Ярославль, Российская Федерация): Вахрушев Дмитрий Станиславович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов и кредита, и Карпов Дмитрий Максимович, аспирант 1-го курса кафедры финансов и кредита. Статья посвящена исследованию взаимосвязи двух категорий: долговая устойчивость и долговая конкурентоспособность. Актуальность статьи обусловлена активным осуществлением в настоящее время публично-правовыми образованиями всех уровней заемно-долговой деятельности и наличием у них потребности в обеспечении собственной долговой устойчивости. Целью статьи является установление и описание взаимосвязи, которая имеется между долговой устойчивостью и долговой конкурентоспособностью. Исследование преимущественно проводилось методами понятийного анализа, сбора, изучения и классификации, графического представления, анализа официальных документов, структурно-динамического анализа, эмпирического наблюдения. В статье представлены понятия и сущностные характеристики категорий «долговая устойчивость» и «долговая конкурентоспособность»; исследованы последствия долговой неустойчивости; проанализированы опубликованные в литературе авторские взгляды по вопросам, связанным с долговой устойчивостью; установлен циклический характер заемно-долговой деятельности публично-правового образования; изложены положения действующего бюджетного законодательства РФ в сфере долговой устойчивости; проведен структурно-динамический анализ государственного долга Ярославской области. Научная новизна проведенного исследования заключается в обосновании подхода, предлагающего рассматривать долговую устойчивость публично-правового образования и управлять ее в качестве значимого фактора его долговой конкурентоспособности.

В завершение номера, в рубрике «Юбилей ученого», публикуется мой материал под названием «Пороховский Анатолий Александрович – ученый-экономист и друг нашего журнала». В связи с недавним юбилеем А.А. Пороховского, много лет возглавлявшего кафедру политической экономии МГУ имени М.В. Ломоносова, обращено внимание на факты его биографии. Отмечен круг научных интересов этого выдающегося исследователя. Дается краткая характеристика ряда научных трудов А.А. Пороховского. Отмечается его исключительно важная роль в отстаивании места и роли политической экономии в современных исследованиях экономистов, что имеет важнейшее значение для развития нашей концепции теоретической экономии. Выражается благодарность А.А. Пороховскому за постоянную поддержку нашего журнала. От имени редколлегии, авторов и читателей нашего журнала поздравляю Анатолия Александровича с юбилеем, желаю ему доброго здоровья и новых творческих успехов на благо нашей любимой Родины!

Таково основное содержание материалов 1-го (109-го) номера, которым мы открыли 14-й год общения с Вами, уважаемые читатели. Как видите, они, действительно, представляют собой новые идеи для дальнейшей разработки выдвинутой нами почти 14 лет назад в журнале концепции теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. Таким образом, считаю, материалы этого номера предстают достойным продолжением

всех предыдущих более ста восьми номеров нашего издания.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

Theoretical economy: into the new year with new thoughts to the development of the concept

Valery A. Gordeev

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Annotation. This section offers a review of the materials of the next, 1st (109th) issue of the magazine, with which we are entering the new, 14th year of our communication with readers. According to the editor, the publications of this issue, as well as the upcoming ones this year, judging by the portfolio of orders, bring new thoughts to the development of our concept of theoretical economy. It is shown what this novelty is based on the example of each published work. It is noted that it manifests itself, of course, to varying degrees in the speeches of both well-known readers and new authors. The main attention is traditionally paid to current problems of theoretical economics, theoretical and economic aspects of the study of new industrialization, modern problems of the world economy, and the creativity of young researchers.

Keywords: theoretical economy; new industrialization; modern problems of the world economy, creativity of young researchers

К вопросу о содержательных характеристиках виртуальной экономики

Иванцов Юрий Александрович

Аспирант

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым

E-mail: avtoliga.11@mail.ru

Наливайченко Екатерина Владимировна

доктор экономических наук, профессор

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым

E-mail: katnaliv@yandex.ru

Аннотация. Виртуальная экономика твердо заняла позиции нового структурного элемента мировой экономики. Целью статьи является комплексное исследование фундаментальных основ формирования и развития виртуальной экономики. Задачами исследования являются: детальный анализ сущности виртуальной экономики на основе системного подхода к терминологии в данной сфере – понятий «виртуальный», «виртуализация», «виртуальная реальность», «виртуальная экономика»; выделение сущностных черт виртуальной экономики, обусловленных именно статусом ее виртуальности, а также характерных признаков виртуальной экономики; подробное рассмотрение сфер и структуры виртуальной экономики; определение основных возможностей виртуальной экономики для экономической деятельности в целом. Авторами проведен концептуальный, детальный анализ сущности виртуальной экономики на основе системного подхода к терминологии в данной сфере – понятий «виртуальный», «виртуализация», «виртуальная реальность», «виртуальная экономика». Выделены сущностные черты виртуальной экономики, обусловленные именно статусом ее виртуальности, а также характерные признаки виртуальной экономики. Подробно рассмотрены сферы и структура виртуальной экономики. Определены основные перспективы виртуальной экономики для экономической деятельности в целом. Авторами сделан вывод о том, что виртуализация экономики со все расширяющимся распространением и применением Интернета в предпринимательской деятельности, научных исследованиях и даже в обмене культурными ценностями, представляется достаточно закономерным и мотивированным процессом, и это явление становится все более мощным в эпоху цифровой трансформации. Содержательные характеристики виртуальной экономики, как особого экономического пространства для осуществления хозяйственных процессов в цифровой форме, отражают процесс трансформации реальной экономики под влиянием цифровой глобализации и заключаются в первоочередной роли интеллектуального капитала и информационно-коммуникационных технологий; непрерывности инноваций как определяющего фактора экономического роста; усилении влияния качества и новизны информации на эффективность экономических процессов.

Ключевые слова: виртуальная экономика, виртуализация, виртуальность, виртуальная реальность, признаки виртуальной экономики, сферы виртуальной экономики, составляющие виртуальной экономики, цифровая трансформация, цифровые технологии

JEL codes: O10, O17, F00

Для цитирования: Иванцов, Ю.А. К вопросу о содержательных характеристиках виртуальной экономики / Ю.А. Иванцов, Е.В. Наливайченко. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №1. - С.12-23. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2024)

Введение

В современных условиях развития на этапе формирования информационного общества становятся заметными достаточно значительные перемены во многих сферах человеческой деятельности. Данные перемены обусловлены такими мировыми тенденциями, как всеобщая глобализация рынков, масштабная цифровая трансформация и внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности социума; рост значимости информации и знаний в производстве товаров и услуг; растущая ориентация производителей на удовлетворение предпочтений покупателей в их борьбе за повышение своей конкурентоспособности, а также осознание необходимости и важности формирования устойчивых отношений со своими клиентами.

Однако, стоит отметить, что все эти тенденции следует рассматривать как предпосылки

появления новых форм экономических отношений, в первую очередь, виртуальной. Также необходимо подчеркнуть, что виртуальная экономика твердо заняла позиции нового структурного элемента мировой экономики. Мы считаем, что исследование сущности понятия «виртуальная экономика» необходимо начать с выяснения того, что такое виртуализация и каковы основные свойства виртуальной реальности, которая порождает виртуальную экономику.

Анализ публикаций, материалов, методов.

Вопросами исследования фундаментальных основ формирования и развития виртуальной экономики занимались следующие ученые: О.И. Филимонов, М.В. Кухта, А.В. Маслова, Ю.П. Филякин, В. Ф. Паульман, Д. Б. Бабаев, Е. Ю. Леонтьева, А.И. Бережнова, С. Анчуков, О.В. Ватолина и другие. Непосредственно среди исследователей особенностей и тенденций развития виртуальной экономики в Российской Федерации и на мировой арене необходимо выделить А.А. Михайлова, В.И. Федулова, О.Е. Каленова, Н.П. Кетова и др.

В процессе исследования использовались следующие методы научного познания: общенаучные (анализ, синтез, группировка), сравнительный анализ, логическое обобщение, системный подход. Комбинированное использование данных методов позволяет, на наш взгляд, обеспечить достаточно высокий уровень объективности и полноты исследования фундаментальных основ формирования и развития виртуальной экономики.

Цель и постановка задачи исследования.

Целью статьи является комплексное исследование фундаментальных основ формирования и развития виртуальной экономики.

Задачами исследования являются:

- детальный анализ сущности виртуальной экономики на основе системного подхода к терминологии в данной сфере – понятий «виртуальный», «виртуализация», «виртуальная реальность», «виртуальная экономика»;
- выделение сущностных черт виртуальной экономики, обусловленных именно статусом ее виртуальности, а также характерных признаков виртуальной экономики;
- подробное рассмотрение сфер и структуры виртуальной экономики;
- определение основных возможностей виртуальной экономики для экономической деятельности в целом.

Научная новизна исследования.

Авторами проведен концептуальный, детальный анализ сущности виртуальной экономики на основе системного подхода к терминологии в данной сфере – понятий «виртуальный», «виртуализация», «виртуальная реальность», «виртуальная экономика»; выделены сущностные черты и признаки виртуальной экономики; определены основные перспективы виртуальной экономики для экономической деятельности в целом.

Основной раздел.

Термин «виртуальный» чаще всего в литературе и в интернет-источниках трактуется как мнимый или несуществующий в реальном мире. На данный момент данное понятие применяется для описания различных экономических явлений, таких как виртуальные деньги, продажи, банкинг. Масштабное распространение термина «виртуальность» многие исследователи объединяют с автором термина «виртуальная реальность» Дж. Ланье и метром в области исследования виртуальной реальности М. Крюгером [1].

Можно представить без детального обсуждения следующее определение понятия «виртуализация» – это отображение и имитация объектов и процессов в киберпространстве, которое «одновременно является и инструментом, и средой разработки» [2, с. 58].

Далее приведем высказывание К. Маркса относительно реальной экономики: «Это именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу. Их взаимное отношение в качестве индивидов создало и повседневно воссоздаёт существующие отношения» [3, с. 237]. В этом месте, стоит отметить, что в виртуальной экономике реальные экономические отношения, результаты реальных разработок, процессы и явления, заменяются их «образами». Тем самым, виртуализация непосредственно как процесс является эволюционным переходом из одной формы осуществления экономической деятельности в другую, которая обладает более широкими возможностями, что неизменно проявляется на практике в анализе эффективности виртуальных экономических процессов по сравнению с реальными процессами. При этом новая форма выступает как некий «образ» базовой формы, которая существует реально [1].

Процесс виртуализации в сфере потребления и расширение коммуникаций в обществе автоматизируют производство, экономику и жизнь социума. Также здесь необходимо отметить: автоматизация жизни виртуализирует как социум, так и экономику, что и формирует общее представление о процессе замещения реальности «образами».

Следовательно, суть процесса виртуализации – в замещении традиционных, реальных рыночных институтов их непосредственными «образами», виртуальными моделями-отображениями с помощью цифровых технологий. Также реализуется переход большинства хозяйственных процессов с использованием сети Интернет в виртуальное пространство. Тем самым, основывается виртуальная реальность.

О.И. Филимонов, М.В. Кухта предполагают, что в основе данного процесса лежит растущее влияние мышления людей, расширение их представлений о возможностях реализации процессов, происходящих в традиционной рыночной экономике. Здесь речь идет о процессах формирования рыночного спроса, ценообразовании, распределении произведенного продукта или услуги. Расширение этих представлений обеспечивается распространением и увеличением коммуникации, применением широкого спектра электронных средств, а в особенности сети Интернет. Рост численности и качества коммуникаций, в тоже время, способствует повышению числа сделок (уменьшению срока оборачиваемости капитала), форсированию процессов производства, обмена, распределения и потребления, что, в конечном итоге, способствует росту ВВП, а, следовательно, и экономическому росту государства в целом [4].

Отсюда следует, что именно рост (расширение сферы действия) и ускорение коммуникаций является одной из движущих сил экономического роста, а также фактором ускорения его темпов, благодаря которому реализуется непосредственно процесс виртуализации экономики страны [4].

Принято выделять следующие основные свойства виртуализации [1, 4]:

– во-первых, выполняется замена реальных экономических процессов, продуктов и отношений их образами (к примеру, реальные товары на рынке замещаются в их рекламе товарным знаком). Тем не менее часто данная виртуализация происходит в условиях конкуренции между реальной и виртуальной сферами экономики;

– во-вторых, виртуализация затрагивает экономические отношения как в сфере обмена, так и в сфере производства. Данный процесс также затрагивает инструменты финансового рынка, что масштабирует значимость виртуальных финансовых инструментов (это проявляется в появлении денежных суррогатов, финансовых дериватов). Также, виртуализация проявляется в процессах управления, повышая гибкость и чувствительность компаний, предоставляя им возможность быстрого реагирования на изменения рыночной среды тем самым увеличивая их конкурентоспособность;

– в-третьих, происходит коммерциализация киберпространства, превращение компьютерных сетей в главное средство коммуникаций и в среду экономической деятельности.

Действительно, как представители крупного предпринимательства, так и представители малого и среднего предпринимательства становятся способными реализовывать самые разнообразные заказы и выполнять различные проекты, располагая мгновенным доступом ко всем необходимым

ресурсам: кадрам, технологиям производства, сырью, финансовым средствам, ноу-хау, а также к профессиональному явному и неявному знанию, накопленному персоналом, и иной необходимой информацией.

Здесь необходимо отметить, что неплатежи, хозяйственные риски, бартер, рост разрыва между составляющими хозяйственного комплекса (в особенности между виртуализированным финансовым рынком и реальным сектором) остаются проблемными аспектами виртуализации [2].

Виртуализация экономики и компьютеризация повседневной жизни создают виртуальную реальность, которая обладает рядом свойств, требующих дальнейшего осмысления [5].

В первую очередь следует отметить, что виртуальная реальность порождается активностью материальной реальности, первичной и внешней по отношению к ней. Но она при этом может взаимодействовать с порождающей ее реальностью, что можно определить как ее интерактивность. Для виртуальной реальности характерно и важно ее именно текущее состояние. В итоге, можно говорить и о ее «автономности», то есть для виртуальной реальности определены и «свое время», и «свое пространство» (а тем самым становится возможным говорить об исторических фактах, совсем как в обычной реальности), а также свои законы существования [1].

В этой виртуальной реальности, порожденной процессом виртуализации, сформировалась и интенсивно развивается виртуальная экономика [1].

«На нашей родной планете существуют, пересекаясь и дополняя друг друга, как бы две экономики: реальная и виртуальная», – пишет В.Ф. Паульман [6]. Но деление мирового хозяйства на реальную и виртуальную составные части условно, так как и виртуальная экономика существует реально, уже являясь неотъемлемой частью хозяйственной повседневной деятельности каждого человека.

Виртуальная экономика возникла на базе виртуальной реальности и изначально выразилась в экономических отношениях между геймерами и хозяевами серверов, получающими реальные доходы от купли-продажи и инвестирования реальных денежных средств в экономику виртуального рынка [6].

Термин «виртуальная экономика» вводится в научной зарубежной литературе в конце XX в. (К. Гадди и Б. Икесом). Стоит отметить, что в экономической науке существует большое количество мнений по поводу данного понятия, в содержание которого разные ученые вкладывают различный смысл. Далее рассмотрим сущность виртуальной экономики с позиции разных ученых.

Фундаментом «классического» понимания виртуальной экономики, как выражается Д.Б. Бабаев, является ее понимание как части финансового сектора (или всего денежного сектора) экономики, той части, которая слабо связана с реальным сектором экономики государства. Теоретически похожее описание воспроизводится в идеях К. Маркса и Ф. Энгельса. Данное понимание широко распространилось в конце XIX в. – в первой четверти XX века. Хотя само понятие «виртуальная экономика» появилось немного позднее, «классическое» его содержание осталось представленным в том же смысле [7].

Ввиду того, что термин «виртуальная экономика» все чаще используется как в теории, так и в практике хозяйствования, и при отсутствии общепринятого определения этого понятия, представляется интересным провести анализ и систематизацию существующих точек зрения на сущность данного понятия (таблица 1).

Таблица 1 – Анализ сущности понятия «виртуальная экономика»

Автор	Определение
В.Ф. Паульман [6]	Виртуальная экономика является частью глобального капитализма, порождение финансового спекулятивного капитала. Это экономика «образов», симуляций, зависящая от результатов мышления.

Автор	Определение
Ю.П. Филякин, Н.Ю. Маслова [5]	Виртуальная экономика – это продукт реальной экономики в процессе трансформации, возникновение которой связано с функционированием фиктивного финансового капитала, и проявляется она, в первую очередь, в отсоединении финансового сектора от реального сектора экономики, а также в смягчении причинно-следственных связей и действия принципов индетерминизма.
М. Кеннеди [9]	Виртуальная экономика является одной из форм проявления глобализации, которая создается свободным движением краткосрочных капиталов.
С. Анчуков [10]	Виртуальная экономика – это глобальное доминирование транснационального финансового спекулятивного капитала над капиталом производственной сферы.
Н.П. Кетова [11]	Виртуальная экономика является новым структурным элементом мировой экономики, фундаментом которой является глобальная сеть Интернет.
Г. Клиффорд [12]	Виртуальная экономика построена на иллюзорном представлении практически о всех важнейших экономических параметрах: ценах, объемах продаж, зарплате, налогах и бюджете, работает на нерыночных «виртуальных» ценах, создавая иллюзорные, виртуальные доходы, где никто ничего не платит в срок, зарплата начисляется, но не выплачивается.
Э. Кастронова [13]	Виртуальная экономика – это экономика, которая функционирует в искусственно созданном пространстве, в рамках онлайн-игр, в киберреальности.
А.А. Михайлов, В.И. Федулов [1]	Виртуальная экономика – электронная (компьютеризированная) экономика, функционирующая на базе информационно-коммуникационных технологий.

Источник: составлено автором на основе [14]

Е.Ю. Леонтьева, А.И. Бережнова считают, «что в основу определения виртуальной экономики прежде всего должны быть положены такие понятия как потенциальный, возможный, так как виртуальная экономика расширяет границы, открывает новые возможности для инновационного мышления и развития, дает новые возможности для формирования и развития реальной экономики» [8].

Ученые обозначают следующие сущностные черты виртуальной экономики, обусловленные именно статусом ее виртуальности [15]:

- Во-первых, ее изменчивость и спонтанность, как следствие гибкости, нестабильности самой виртуальности;
- Во-вторых, определенная субъективность и трансцендентность, что определяет нематериальный характер виртуальности;
- В-третьих, амбивалентность и противоречивость, вызванная неопределенностью границ виртуальности;
- В-четвертых, самоорганизация и отсутствие ограничений, обусловленные самой сутью виртуальности.

Французский ученый М. Саломон понимает под виртуальной экономикой область экономики, в которой создаются, распределяются и потребляются виртуальные товары и услуги [16].

Индийские ученые Р. Бхаскар, С. Гуха, С. Лаксман и П. Налдург рассматривают виртуальную экономику как сферу, где виртуальные товары и услуги приобретаются за виртуальную валюту, делая акцент на фондовый рынок как важнейшую часть виртуальной экономики [17].

Финский ученый В. Лехдонвирта связывает понятие виртуальной экономики с онлайн-играми, рассматривая ее как «виртуальный мир», в котором происходит продажа и приобретение объектов и

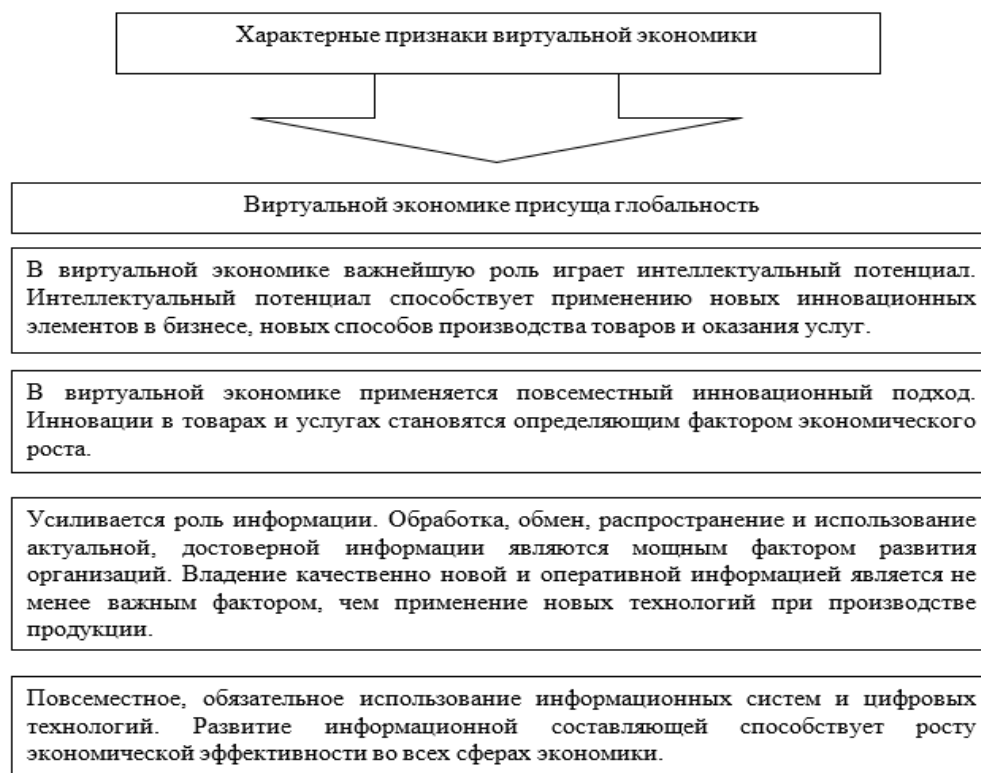

атрибутов для онлайн-игр [18].

Таким образом, под виртуальной экономикой в нашем исследовании мы будем понимать хозяйственную деятельность, а также совокупность реальных экономических действий и отношений, существующую и находящую реализацию в виртуальном пространстве, создаваемом с использованием цифровых технологий. Эта возможность и ее реализация не имеют под собой основы в виде четко определенной правовой базы, конкретных товаров и услуг, предполагает взаимодействие имеющих нематериальную форму субъектов экономических отношений (продавца и покупателя), подразумевает непрямой характер расчетов между ними с применением виртуальных финансовых инструментов (электронных платежных систем) [16].

Выделяются следующие характерные признаки виртуальной экономики (рисунок 1). А.В. Маслова отмечает, что виртуальная экономика складывается поначалу как «вторая экономика», воспроизводящая в отраженных формах процессы и отношения, имеющие место в реальном секторе. Тем не менее, затем она превращается из «второй» в «первую», определяя глобальное доминирование финансового спекулятивного капитала над капиталом производственной сферы. Автор отмечает, что основу виртуальной экономики образует мощный контур кругооборота транснационального финансового капитала, фактически обособившийся от реального сектора [20].

По мнению ряда авторов, основой виртуальной экономики является интерактивный бизнес, то есть бизнес, построенный на совместных действиях бизнес-процесса в лице бизнесмена и компьютера или другого автоматизированного средства связи по обмену информацией [20]. Тмак, Ш. Майтал и Б. Милнер считают, что современные телекоммуникационные системы намного облегчают не только деятельность управляющих и предпринимателей, но и жизнь всего населения, пользующегося Интернетом [21].

Рисунок 1 – Характерные признаки виртуальной экономики

Источник: составлено автором на основе [19]

Стоит отметить, что виртуальная экономика затрагивает все традиционные сферы реальной экономики (промышленная, финансовая, социальная, экономическая и др.), отличительной чертой которых в виртуальной экономике становится замена реальных экономических отношений и

процессов виртуальными проекциями [22]. Сферы виртуальной экономики представлены на рисунке 2.

Далее стоит отметить, что так как Д.Б. Бабаев в виртуальной экономике к сферам производства относит всего лишь производство и монтаж цифрового контента, а также обеспечение связи, то, по нашему мнению, к первой группе необходимо отнести производство, отладку и тестирование программного обеспечения; производство музыкальных произведений, других художественных произведений; съемку клипов, фильмов и передач, а также иную деятельность, имеющую «на выходе» цифровой контент и т.д. Ко второй группе необходимо отнести деятельность, связанную с функционированием отраслей, обеспечивающих научно-технический прогресс, принятие прорывных решений в экономике и т.д. [7].

Ю.П. Филякин, Н.Ю. Маслова полагают, что структура виртуальной экономики формируется из отдельных сегментов, связанных между собой определенной сетью, поэтому иногда виртуальную экономику называют сетевой экономикой. Авторы выделяют следующие основные составляющие виртуальной экономики:

- инфраструктура сети, куда входит производство информационной техники и программного обеспечения, коммуникационного оборудования;
- прикладные разработки – консультационные услуги, разработка серверов, поисковые системы, обучение пользователей;
- посреднические услуги – реклама, сетевые брокеры;
- сетевая торговля – продажа товаров и услуг, подписка, развлечения, профессиональные услуги [5].

Рисунок 2 – Основные сферы виртуальной экономики

Источник: составлено автором на основе [7]

Об активной виртуализации общества в целом, в том числе и его экономической сферы, свидетельствуют такие глобальные тенденции, как ускорение развития Интернет-торговли за счет растущего количества виртуальных торговых площадок и сетей и появления виртуальных финансовых инструментов для оплаты виртуальных продуктов; развитие сервисов виртуального трейдинга; распространение виртуальных организаций; виртуализация знаний и формирование виртуального мышления; создание виртуальной среды и искусственно генерируемых виртуальных потребностей.

Совершенствование диджитал-технологий способствует созданию особого виртуального пространства, где и совершаются виртуальные экономические операции. Это приводит к снижению

возможностей регулирования экономики со стороны государства и переходу к ее саморегулированию, что в свою очередь делает ее более непредсказуемой и подверженной кризисам, снижает ее способность к предоставлению социальных благ и выравниванию дифференциации благосостояния экономических субъектов.

Не смотря на риски, привносимые становлением виртуальной экономики, в первую очередь связанные с негативными последствиями виртуализации глобальных финансов и расширением киберугроз, виртуальная экономика открывает новые возможности для экономической деятельности в целом. Это, прежде всего, удобство (вести бизнес, не выходя из дома); рациональное использование ресурсов (производить только те товары, на которые поступил заказ); доступность (возможность распространять товары и услуги по всему миру); повышение эффективности производства за счет увеличения масштабов производства при фиксированных издержках (возможность копировать цифровую информацию бесчисленное количество раз); минимизация издержек производства (нет необходимости содержать фиксированный штат сотрудников, оплачивать аренду офиса, склада товаров); повышение возможностей диверсификации продукции (возможность создания уникальных товаров, производство товара для конкретного пользователя); ускорение бизнес-процессов (высокая скорость информационных потоков); автоматизация бизнес-процессов (компьютеризация) и др. [23, 24, 25].

Необходимо акцентировать внимание на том, что в Российской Федерации виртуальная экономика начала достаточно активно развиваться в таких областях, как торговое обращение, а также денежное обращение.

В сфере торгового обращения с развитием сети виртуальных супермаркетов реализовываются массовые рекламные кампании в сети Интернет, в сфере маркетинга применяется компьютерное моделирование и различного рода программы для обработки обширных потоков информации. Торговые операции осуществляются в Интернете и приносят огромные доходы, поскольку покупатель, не выходя из дома, может получить всю необходимую информацию о товаре или услуге, цене, местах расположения торговых предприятий и заказать необходимый товар или услугу.

В сфере денежного обращения применяются электронные деньги, которые по своим функциям в экономическом обороте ничем не отличаются от бумажных денег. Они облегчили жизнь большинству людей, упрощая платежные операции, а с другой стороны, привели к новым вызовам. К примеру, риск «взлома банка» хакерами, возможность потери или злонамеренного использования жизненно важной для человека конфиденциальной информации в случае ее передачи банку, где он является клиентом и др. Если наличные деньги обладают свойством абсолютной анонимности, то любой вид электронных денег является источником информации о ее владельце.

Таким образом, в Российской Федерации виртуальная экономика существенно набирает обороты, и в дальнейшем во всех хозяйственных сферах осуществление деятельности при помощи Интернет-технологий будет расширяться. В этой связи государству необходимо поддерживать становление и развитие виртуальной экономики, разрабатывать меры поддержки, направленные на развитие бизнеса, активно внедряющего цифровые технологии, а также внедрять механизмы, обеспечивающие повышение регулируемости виртуальной экономики и сглаживание ее негативных эффектов.

Выводы

Современный этап расширения использования информационно-коммуникационных технологий характеризуется ростом значимости информации и знаний на фоне экспансии Интернет и цифровых технологий во всех сферах жизни общества. В этих условиях виртуализация экономики является закономерным и мотивированным процессом, и это явление становится все более мощным в эпоху цифровой трансформации.

Виртуальная экономика существует одновременно с реальной и опирается на нее, перманентно расширяя зону своего влияния. Увеличение рискованности виртуальной экономики логично

вытекает из увеличения предоставляемых ею возможностей, повышения энтропии в виртуальном пространстве, а также внутреннего усложнения при упрощении внешнем. Не смотря на риски, приносимые становлением виртуальной экономики, в первую очередь связанные с негативными последствиями виртуализации глобальных финансов и расширением киберугроз, виртуальная экономика открывает новые возможности для экономической деятельности в целом.

На основе вышеизложенного можно заключить, что содержательные характеристики виртуальной экономики, как особого экономического пространства для осуществления хозяйственных процессов в цифровой форме, отражают процесс трансформации реальной экономики под влиянием цифровой глобализации и заключаются в первоочередной роли интеллектуального капитала и информационно-коммуникационных технологий; непрерывности инноваций как определяющего фактора экономического роста; усилении влияния качества и новизны информации на эффективность экономических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлов, А.А. Феномен виртуальных организаций в современных условиях / А.А. Михайлов, В.И. Федулов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-10-2020/> (дата обращения: 22.09.2023).
2. Каленов, О.Е. Виртуальные бизнес-организации: потенциал и перспективы / О.Е. Каленов // Экономика знаний: теория и практика. – 2017. № 4. – С. 57-63.
3. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 3. – С. 7- 544.
4. Филимонов, О.И. Виртуальная экономика и ее особенности / О.И. Филимонов, М.В. Кухта // Актуальные исследования. – 2021. – № 9 (36). – С. 36-40.
5. Маслова, А.В. Основные направления и формы виртуализации экономических отношений / А. В. Маслова, Ю.П. Филякин // Век качества. – 2010. – № 1. – С. 12-13.
6. Паульман, В.Ф. Виртуальная экономика и глобальный капитализм / В. Ф. Паульман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/p/paulxman_w_f/text_0230.shtml (дата обращения: 20.08.2023).
7. Бабаев, Д.Б. Об особенностях трактовки содержания термина «Виртуальная экономика» / Д.Б. Бабаев // Современные наукоемкие технологии [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-traktovki-soderzhaniya-termina-virtualnaya-ekonomika> (дата обращения: 22.09.2023).
8. Леонтьева, Е. Ю. Виртуальная экономика: сущность и особенности / Е.Ю. Леонтьева, А.И. Бережнова // VI Международная научно-практическая Интернет-конференция «Проблемы формирования новой экономики XXI века» (19–20 декабря 2013 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.confcontact.com/2013-problemi-novoj-ekonomiki/1-leontjeva.htm> (Дата обращения 23.05.2023).
9. Kennedy, Margrit. Interest and Inflation Free Money / Margrit Kennedy. – Seva International, 1995. – 57 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.socioeco.org/docs/geldbuchenglisch.pdf> (дата обращения: 22.02.2023).
10. Анчуков, С. Виртуальная экономика / С. Анчуков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.whiteworld.ru/rubriki/000116/000/01090404.htm> (дата обращения: 20.02.2023).
11. Кетова, Н.П. Виртуальная экономика: общемировые и российские реалии XXI века / Н.П. Кетова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-48342.html?page=11> (дата обращения: 20.02.2023).
12. Clifford, G.D. Russia's virtual economy / G.D. Clifford [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/russias-virtual-economy> (дата обращения: 20.02.2023).
13. Castronova, E. Synthetic worlds: The business and culture of online games. Munich, Germany : Center for Economic Studies & Ifo Institute for Economic Research, 2001. – 40 p.
14. Ganchenko, D. N. Digitalization of housing and communal services in the context of new industrialization / D. N. Ganchenko, A. A. Bodrov // Proceedings of the 1st International Scientific Conference «Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth» (MTDE 2019), Yekaterinburg, 14–15 апреля 2019 года. – Yekaterinburg: Atlantis Press, 2019. – P. 192-197.
15. Ганченко, Д. Н. Управление устойчивым инновационным развитием региона / Д.Н. Ганченко. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «КОНВЕРТ», 2022. – 160 с.
16. Salomon, M. Why Virtual-World Economies Matter / M. Salomon // Virtual Economies, Virtual Goods and Service Delivery in Virtual Worlds [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academia.edu/1014679/Why_Virtual_World_Economies_Matter (дата обращения 25.06.2023).
17. Bhaskar, R. Practical System for Transparency and Accountability in Virtual Economies / R. Bhaskar, S. Guha, S. Laxman, P. Naldurg // Microsoft Research India. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: research.microsoft.com/apps/pubs/default.aspx?id=175632 (дата обращения 25.06.2023).

18. Lehdonvirta, V. Virtual economics: applying economics to the study of game worlds / V. Lehdonvirta // Helsinki Institute for Information Technology HIIT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hiit.fi/u/vlehdonv/> (дата обращения 25.06.2023).
19. Ватолоина, О.В. Сущность и основные формы проявления новой информационно-виртуальной экономики / О.В. Ватолоина // «Ученые заметки ТОГУ». – 2013. – No 4. – С. 32-35.
20. Маслова, А. В. Виртуальная экономика как проявление виртуализации экономических отношений / А.В. Маслова // Век качества. – 2011. – No 6. – С. 34-39.
21. Майтал, Ш. Решающая роль информации / Ш. Майтал, Б. Милнер // Экономика в переходном периоде. – М., 1999. – С. 9–10.
22. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», 2017. – 87 с.
23. Нестеренко, Е. С. Континуум формирования теоретико-экономического базиса развития цифровой экономики / Е.С. Нестеренко, Н.А. Симченко // Теоретическая экономика. – 2019. – No 1(49). – С. 38-46.
24. Гусар, Е. С. Теоретические основы управления организациями сферы услуг в условиях цифровых трансформаций / Е. С. Гусар, И. Н. Примышев // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2023. – Т. 8, No 2. – С. 138-144.
25. Ганченко, Д. Н. Сетизация экономики как драйвер в обеспечении качества управления / Д.Н. Ганченко // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства : Сборник научных трудов. В 2-х томах, Симферополь, 05 апреля 2019 года / Под общей редакцией З.О. Адамановой. Том 1. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. – С. 430-435.

On the issue of substantive characteristics of the virtual economy

Ivantsov Yuri Alexandrovich

Postgraduate student

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea

E-mail: avtoliga.11@mail.ru

Nalivaychenko Ekaterina Vladimirovna

Doctor of Economics, Professor

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea

E-mail: katnaliv@yandex.ru

Annotation. The virtual economy has firmly taken the position of a new structural element of the world economy. The purpose of the article is a comprehensive study of the fundamental principles of the formation and development of the virtual economy. The objectives of the study are: a detailed analysis of the essence of the virtual economy based on a systematic approach to terminology in this area - the concepts of "virtual", "virtualization", "virtual reality", "virtual economy"; highlighting the essential features of the virtual economy, determined precisely by the status of its virtuality, as well as the characteristic features of the virtual economy; detailed consideration of the spheres and structure of the virtual economy; identification of the main opportunities of the virtual economy for economic activity as a whole. The authors conducted a conceptual, detailed analysis of the essence of the virtual economy based on a systematic approach to terminology in this area - the concepts of "virtual", "virtualization", "virtual reality", "virtual economy". The essential features of the virtual economy, determined precisely by the status of its virtuality, as well as the characteristic features of the virtual economy are highlighted. The spheres and structure of the virtual economy are examined in detail. The main prospects for the virtual economy for economic activity in general are identified. The authors concluded that the virtualization of the economy, with the ever-expanding spread and use of the Internet in business, scientific research and even in the exchange of cultural values, seems to be a fairly natural and motivated process, and this phenomenon is becoming increasingly powerful in the era of digital transformation. The substantive characteristics of the virtual economy, as a special economic space for carrying out economic processes in digital form, reflect the process of transformation of the real economy under the influence of digital globalization and lie in the primary role of intellectual capital and information and communication technologies; continuity of innovation as a determining factor of economic growth; strengthening the influence of the quality and novelty of information on the efficiency of economic processes.

Keywords: virtual economy, virtualization, virtuality, virtual reality, signs of a virtual economy, spheres of a virtual economy, components of a virtual economy, digital transformation, digital technologies

Способна ли рыночная экономика обеспечить масштабное развитие промышленного потенциала России в условиях военной опасности

Бекренёв Юрий Владимирович

кандидат экономических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: bekrenevuv@ystu.ru

Аннотация. В работе исследуются вопросы возможностей рыночной экономики Российской Федерации обеспечить масштабное и быстрое (в течение ближайших 3-7 лет) наращение промышленного потенциала в виду наличия и разрастания военной угрозы и опасности развязывания против нашей страны масштабных военных действий со стороны недружественных стран коллективного Запада во главе с США. Рассматривается опыт проведения советских индустриализаций, начиная с разработки и реализации плана ГОЭЛРО, до послевоенного (отечественной войны) масштабного восстановления народного хозяйства и наращения промышленного потенциала, созданного в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Исследуется современное состояние обрабатывающей промышленности и её развитие в условиях либеральной рыночной модели 1990-х годов. Сделан вывод, что за тридцать с лишним лет рыночной экономики, Россия так и не восстановила в полном объеме свой промышленный потенциал после развала экономики 1990-х годов, по многим показателям промышленного производства страна так и не достигла уровня 1990 года (последнего года СССР). Проводится мысль, что в настоящее время страна нуждается в широком и качественном расширении и обновлении производственных мощностей (в первую очередь связанных с ВПК и обеспечением ведения военных действий на Украине в рамках СВО), которых для гарантированного противодействия возникающим и нарастающим военным угрозам явно не хватает. Для это предлагается изменить траекторию экономического развития РФ, отказаться от модели либеральной рыночной экономики и заменить её на государственно-рыночную модель по образу ленинской модели НЭПа. Однако этот вопрос остаётся дискуссионным и требует детальной проработки, что автором планируется сделать в последующих публикациях.

Ключевые слова: промышленный потенциал, обрабатывающая промышленность, индустриализация, промышленная модернизация, военная угроза, боевые действия, рыночная экономика, ГОЭЛРО, НЭП, промышленность, экономическое развитие, государственное управление, ВВП.

JEL codes: E61, E65, H56

Для цитирования: Бекренёв, Ю.В. Способна ли рыночная экономика обеспечить масштабное развитие промышленного потенциала России в условиях военной опасности / Ю.В. Бекренёв. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №1. - С.24-42. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2024)

Введение

Российская Федерация продолжает находиться в режиме серьёзного международного санкционного давления со стороны коллективного Запада с целью подавления и разрушения ее промышленного потенциала, что в итоге должно привести к ослаблению страны и открыть доступ к овладению её ресурсами. Украинский военно-политический кризис углубил желания США и Евросоюза в разрушении российской политической и экономической самостоятельности посредством реализации экономических рестрикций. Такое положение стало возможным в силу многолетнего следования России в фарватере Западных экономических школ и политических рекомендаций в отношении построения своей экономики и активного её участия в реализации западной модели международного разделения труда, в котором нашей стране была отведена незавидная роль «сырьевого придатка» для экономики «золотого миллиарда». Этот статус предполагал отказ страны от развития перерабатывающей промышленности высокой добавленной стоимости.

Такой отказ привёл к серьёзной потере промышленного потенциала, а вкупе с реализацией политики всемерного доверия западным либеральным экономическим школам и построению национальной экономики по лекалам «свободного рынка», отбросили самостоятельность страны на много позиций назад относительно её положения, которое демонстрировала страна в эпоху СССР.

Своё промышленное и экономическое падение страна стала осознавать фактически только в середине второго десятилетия XXI века, когда возникло понимание, что Запад с его политикой приближения военной инфраструктуры к границам Российской Федерации и настойчивого подавления её экономической самостоятельности несёт экзистенциальную угрозу нашей стране. Это привело к принятию определённых мер со стороны государства, направленных на восстановление промышленного потенциала. Драйвером этого стало развитие ВПК и связанных с ним производств как средства противодействия возникающим политическим и военным угрозам. Однако следует констатировать, что эти меры половинчатые, сиюминутные и несистемные, остающиеся в рамках рыночной парадигмы.

Проведению активной политики экономических преобразований, альтернативных рыночным, препятствует определённая часть российской политической и экономической элиты. Это во многом обусловлено её убеждённостью в правильности выбранного в 90-е годы направления развития и нежеланием проводить радикальные институциональные перемены, идущие вразрез с принципами либеральной рыночной экономики, приводящие к необходимости кардинального изменения подходов к управлению экономикой страны. Такое нежелание привело фактически к топтанию на месте в отношении наращивания промышленного потенциала России и привычному «отпусканию» этого вопроса на «откуп» рынку с применением, в лучшем случае, отдельных директивных решений (в рамках «ручного» управления), направленных на увеличение промышленных возможностей нашей страны (в основном в сфере ВПК). Однако это осуществляется без разработки и реализации системных процессов, которые должны быть положены в основу промышленного развития страны в целом.

Между тем опыт нашей страны, прошедшей не менее трёх масштабных периодов индустриализации (реализация плана ГОЭЛРО и «сталинская» индустриализация предвоенного периода, масштабное восстановление промышленности в послевоенный период), и опыт других стран, признанных «локомотивов» промышленного развития (в первую очередь, КНР, страны послевоенной Европы), говорит о том, что реализовать масштабные программы повышения промышленного потенциала страны возможно только при активном и системном участии государства в этих процессах. Частные инициативы в этих процессах могут выступать лишь как вспомогательные средства, дополняющие и развивающие ту промышленную основу, которая создаётся и развивается преимущественно государством.

Актуальность рассматриваемой темы продиктована показом ограниченных возможностей рыночной экономики в реализации вопросов масштабного увеличения промышленного потенциала России в условиях продолжающейся эскалации военного конфликта и нарастания военной угрозы для страны. Такое скорейшее и масштабное развитие промышленного производства сейчас для нашей страны крайне необходимо, ибо внешние экономические и военные угрозы имеют экзистенциальный характер и не могут проводиться по принципу «шаг вперёд – два шага назад».

Советский опыт развития промышленного потенциала при проведении масштабных индустриализаций

Нет нужды еще и еще раз напоминать о двадцатилетии депрессионного сжатия отечественной промышленности, осуществлявшейся и продолжающейся осуществляться на волнах приватизации и сокращения государственного присутствия в экономике, отказа от государственного планирования и регулирования деятельности политических и экономических институтов и общественного развития в целом.

В такой ситуации модернизация экономики не просто назрела и является актуальной проблемой

современной России, но она просто жизненно необходима стране, если страна, тем более находится в состоянии разрастающегося военного конфликта. Однако до настоящего времени не просматривается какой-либо более или менее внятной системной программы, направленной на масштабное развитие промышленного потенциала России (нельзя же считать системными отдельные мероприятия в виде указов Президента, направленных на реорганизацию отдельных предприятий или отраслей, как например, ВПК), не видно каких-либо серьёзных планомерных действий по выводу из технической и технологической отсталости страны в целом (а не только в области ВПК), преодолению серьёзных структурных диспропорций экономики, когда прирост ВВП достигается преимущественно оказанием услуг и деятельностью организаций перераспределительной сферы. Нет увязки развития промышленного потенциала с реиндустриализацией страны, без которой модернизация экономики и развитие промышленного потенциала останутся всего лишь модной декларацией.

В этой связи хотелось бы обратиться к опыту России в области модернизации экономики, направленной на преодоление экономической отсталости и ускоренного наращивания промышленного потенциала, ведь за прошедший XX век таких модернизаций в масштабах страны была не одна. И их актуальность также была продиктована жизненно необходимыми переменами в облике экономики страны в то или иное время для ее соответствия тем или иным внешним и внутренним политическим и экономическим угрозам, а также для обеспечения высокого социального уровня и качества жизни подавляющего большинства российских (а в то время и советских) людей.

Первый опыт проведения масштабной государственной модернизации принадлежит В.И. Ленину, который с первых шагов построения нового общества заявил, что социализм немыслим без новейшей техники, без планомерной государственной организации, подчиняющей деятельность десятков миллионов людей соблюдению единых норм в деле производства. Ленин настоятельно проводил мысль, что главное свое воздействие на международное признание нового социалистического государства Советская Российская республика сможет и должна оказать своей экономической, хозяйственной политикой: «На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным – быстрым нельзя, – но неуклонным повышением и движением вперед» (1, с. 343).

Первостепенное внимание в достижении целей преодоления технической отсталости Ленин придавал планомерной организации хозяйственной деятельности и первостепенной роли государственного влияния на развитие экономики. В этой связи нельзя не вспомнить еще одну программу модернизации отсталой в промышленном и энергетическом отношении советской России – план ГОЭЛРО. ГОЭЛРО стал не только планом электрификации и технического перевооружения страны, но и обеспечил развитие образования, науки и культуры советского общества.

Для реализации плана ГОЭЛРО в феврале 1921 года создается центральный планирующий орган – Госплан. В первые годы после окончания Гражданской войны Госплан был ориентирован на работу по ликвидации разрухи (обеспечение продовольствием, развитие транспорта). Начало реализации плана ГОЭЛРО проходило в обстановке «военного коммунизма». Такое название получила внутренняя политика Советского государства, проводившаяся в 1918-1921 годах во время Гражданской войны. Основными элементами политики «военного коммунизма» были ликвидация частных банков, национализация промышленности, монополия внешней торговли, трудовая повинность.

21 марта 1921 года X съезд ВКП(б) принимает решение о переходе от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике (НЭП). В основе НЭПа лежали идеи работ В.И. Ленина о теории воспроизводства и денег, принципах ценообразования, финансов и кредита. И если план ГОЭЛРО явился планом индустриализации страны, то принятие новой экономической политики – это программа ее экономической и политической модернизации.

Разрабатывая проблемы НЭПа, Ленин подчеркивал решающее значение индустриализации на основе электрификации страны для обеспечения кардинального подъема производительных сил страны. Он напоминал о важности единства основных целей НЭПа и плана ГОЭЛРО: «...Новая

экономическая политика не меняет единого государственного хозяйственного плана и не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению» (ПСС, т. 54, с. 101). Суть такого подхода заключалась в изменении последовательности решения задач построения фундамента социалистической экономики: сначала необходимо было оживить сельское хозяйство и мелкую промышленность; затем восстановить и развить крупную промышленность; подготовить и осуществить социалистическое переустройство сельского хозяйства на основе коллективной собственности на землю; создать тем самым материально-техническую базу социализма.

Главное содержание НЭПа – замена продразверстки продналогом в деревне, использование рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме концессий, проведение денежной реформы (1922-1924 гг.), в результате которой рубль стал конвертируемым. При этом государство, сохранившее собственность на отрасли тяжелой и обрабатывающей промышленности, обеспечило себе командные высоты в экономике, что позволило ему применять и директивные и косвенные методы государственного регулирования. Благодаря НЭПу и плану ГОЭЛРО в сжатые сроки было восстановлено народное хозяйство, обеспечен необходимый задел в индустриализации страны, началась перестройка всей хозяйственной жизни на социалистический лад.

Как известно, В.И. Ленин утверждал, например, в выступлении на 4-м конгрессе Коминтерна: «Без спасения крупной промышленности, без её восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без неё мы вообще погибнем как самостоятельная страна... Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве – этого ещё мало – и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, – этого тоже ещё мало, – нам необходима также тяжелая индустрия» [2, с. 287-288].

Вместе с тем, советские исследователи первой модернизации периода ГОЭЛРО отмечали как одно из важных обстоятельств, что «...буржуазные и мелкобуржуазные экономисты выступали против ускоренных темпов индустриализации страны и преимущественного развития отраслей тяжелой индустрии... Они...ратовали за первоочередное развитие сельского хозяйства и легкой промышленности; отрицая возможность индустриализации собственными силами страны, они высказывались за широкое привлечение иностранного капитала, предоставление ему уступок и льгот» [3, с. 179-180]. Сегодня в высказываниях ряда экономистов, в основном принадлежащих к школам неолиберализма, в ответ на назревший призыв к новой индустриализации в РФ и кратному наращению промышленного потенциала вновь звучат предложения о постепенности, высказываются советы «не поднимать страну на дыбы» [4, с. 4].

В ходе реализации ленинской программы индустриализации страны в рамках плана ГОЭЛРО в СССР были достигнуты в 1930-е годы небывалые в истории мирового экономического развития темпы индустриального роста и, таким образом, повышения конкурентоспособности национальной экономики: ни до, ни после ни одной капиталистической стране не удавалось на протяжении длительного периода превзойти показатели промышленного роста нашей страны периода индустриализации [3, с. 184-186].

Планируя в жизнь программу масштабной индустриализации и электрофикации В.И. Ленин выдвигал коренную задачу строительства тяжелой индустрии, отмечал, что строительство материально-технической базы социализма можно вести только планомерно, подчиняя все отрасли и предприятия единому народнохозяйственному плану (курсив и разрядка авторская) [5, с. 78-81].

В ходе реализации плана ГОЭЛРО и первой советской индустриализации нарастающими темпами восстанавливался промышленный потенциал страны. К концу 1926 года ее продукция на 13% превысила уровень 1913 года, считавшийся высшим по экономическим показателям в царской России. Следует напомнить, что темпы развития СССР были беспрецедентными. В начале советского периода русской истории на Западе никому даже в голову не могло прийти, что нищая Россия в фантастически короткие сроки встанет с колен, восстановит экономику и на основе господства в

экономике государственной собственности и плановости (курсив и разрядка авторские) в размещении и использовании производительных сил, превратится во вторую сверхдержаву планеты.

Новая экономическая политика завершилась во второй половине 30-х годов. В дополнение к сказанному выше, отметим, что важным ее результатом было укрепление союза рабочего класса с крестьянством, установление связи социалистической промышленности с мелкотоварным крестьянским хозяйством, вовлечение крестьян в социалистическое строительство. Характерной чертой новой экономической политики являлось то, что она допускала применение капиталистических (сегодня – рыночных) элементов хозяйствования при сохранении собственности на подавляющую часть средств производства в руках государства. Такой симбиоз обеспечил беспрецедентный подъем производительных сил на базе роста социалистических и постепенного вытеснения капиталистических элементов хозяйствования, преобразование многоукладной экономики в единую социалистическую на основе индустриализации страны и кооперирования сельского хозяйства.

НЭП увенчался исторической победой. Уже в итоге первой пятилетки (1929-1932) был создан фундамент социалистической экономики в виде мощной тяжелой индустрии и коллективного сельского хозяйства. Государственная социалистическая собственность стала господствующей в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте. Таким образом, все, что было осуществлено в первые годы Советской власти, означало первую социалистическую модернизацию экономики.

Вторая такая модернизация относится к 30-м годам, когда И.В. Сталин в 1931 году на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности заявил (цитата): «Задержать темпы (развития, авт.) это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми... История старой России состояла ... в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы, турецкие беки, шведские феодалы, польско-литовские паны, англо-французские капиталисты, японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, культурную, государственную, промышленную, сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно... Таков уж закон эксплуататоров – бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб – значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч – значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться... Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито, и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил ...: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (конец цитаты). [6, С. 29–42] Не правда ли, как актуально это звучит теперь в условиях нарастающего экономического и политического давления, нагнетания военной эскалации и наличии прямой угрозы России в отношении её существованию как государства?

Государству с трудом, но удалось «пробежать», для чего понадобились колоссальные усилия руководства страны и всего народа, преодоление гигантских политических и экономических трудностей, отчаянное напряжение и жертвенность. За неполные тринадцать лет первых советских пятилеток из отсталой в промышленном отношении России Советский Союз превратился в передовое индустриальное государство. Таков был результат второй (Сталинской) модернизации.

Если обратиться к обобщающей оценке этого периода Сталинской индустриализации и её результатов в смысле повышения конкурентоспособности национальной (в то время советской) экономики и развития её промышленного потенциала, то эти результаты можно выразить цитатой авторов книги «Годы репрессий» Ванюков Д.А. и Суслов И.В.: «К 1940 г. Советский Союз вышел на вторую позицию в мире (после США) по абсолютным объемам промышленного производства (в 1913 г. Россия по этому показателю занимала пятое место). Сократилось отставание от развитых стран по выпуску промышленной продукции на душу населения: если в 20-е гг. разрыв был в 5-10 раз, то в конце 30-х гг. – уже только в 1,5-4 раза. Развитие тяжелой промышленности осуществлялось

невиданными в мировой истории темпами. Так, за 6 лет (с 1929 по 1935 г.) СССР увеличил выпуск чугуна с 4,3 до 12,5 млн т. США потребовалось для этого 18 лет, Германии – 19» [7, с. 74]. Цифры статистики – самое действенное доказательство большой роли советской индустриализации в повышении конкурентоспособности национальной экономики.

СССР дал миру уникальный опыт масштабного наращивания промышленного потенциала и поступательного развития национального хозяйства при реализации политики мобилизационной экономики в ответ на возникшие тогда угрозы существованию страны. С поставленной задачей «пробежать» за 10 лет путь, который прошли страны тогдашнего Запада за 50-100 лет, удалось справиться благодаря мобилизационным усилиям, позволившим всего за две пятилетки создать по существу новую экономику (см. табл. 1)

Таблица 1 – Показатели экономического роста в СССР в 1928–1940 гг.

Показатели	1928 г.	1937 г.	1940 г.
Валовой общественный продукт	1	3,4	4,5
Национальный доход	1	3,9	5,1
Основные производственные фонды	1	1,7	2,4
Продукция промышленности	1	4,5	6,5
Валовая продукция сельского хозяйства	1	1,1	1,3
Капитальные вложения	1	5,2	6,7
Розничный товарооборот	1	2,0	2,3

Источник: составлено авторами на основе [8, с. 41]

Число заводов и целых городов, которые были построены до войны с конца 20-х гг. стали свидетельством не только количественных изменений, но и качественного преобразования экономики путём реализации мобилизационной модели развития страны. За годы довоенных пятилеток в стране появились 250 новых городов с современными крупными предприятиями. Так, в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) было построено 1,5 тыс. крупных промышленных предприятий, в 1933–1937 гг. – 4,5 тыс., в 1938–1940 гг. – 3 тыс. [9, с. 33.]

В целом за период так называемой «сталинской индустриализации» 1932–1940 гг. в производственной сфере и экономике в целом произошли весьма важные позитивные трансформации (см. табл. 2 [8, с. 45.]).

Третья модернизация означала не только восстановление в кратчайшие сроки основательно порушенной экономики СССР в ходе войны с фашистской Германией, но и создание в ходе выполнения этой программы совершенно новых отраслей экономики, которые и позволили стране занять паритетное положение среди наиболее развитых стран мира. Вот, что об этом говорят цифры статистики [8, с. 41.]

Таблица 2 – Динамика некоторых показателей промышленного производства СССР за 1932–1940 гг.

Показатели	1932 г.	1937 г.	1940 г.
Валовая продукция промышленности, млрд руб.	38,5	95,5	138,5
Уголь, млн т	64,4	128,0	165,9
Нефть, млн т	21,4	28,5	31,1
Чугун, млн т	6,2	14,5	14,9
Сталь, млн т	5,9	17,7	18,3
Прокат, млн т	4,4	13,0	13,1

Показатели	1932 г.	1937 г.	1940 г.
Станки металлорежущие, тыс. шт	19,7	48,5	58,4
Электроэнергия, млрд кВт-ч	13,5	36,2	48,3

Источник: составлено авторами на основе [8, с. 41]

За годы войны в тыловых районах страны было построено 3500 крупных промышленных предприятий. В районах, освобожденных от оккупации, было восстановлено 7500 разрушенных во время войны крупных предприятий.

В марте 1946 г. Верховный Совет СССР утвердил четвертый пятилетний план развития народного хозяйства (1946-1950 гг.), где предусматривалась как важнейшая задача – восстановление разрушенных войной районов страны, достижение довоенного уровня развития промышленности и сельского хозяйства, а затем и превышение этого уровня в значительных размерах, а также рост материального благосостояния советского народа.

Этому способствовало то обстоятельство, что к концу 1930-х годов СССР стал индустриальной державой с хорошо развитой тяжёлой промышленностью. Война нанесла огромный урон экономике страны, но не уничтожила её, а промышленный потенциал восточных регионов даже вырос. Таким образом, для проведения восстановительных работ был сохранён промышленный потенциал, созданный в годы первых пятилеток и явившийся прочным промышленным фундаментом восстановления социалистической экономики.

Следует отметить, что разработка плана послевоенной реконверсии советской промышленности, как главная задача четвёртой пятилетки, сопровождалась напряженной дискуссией. Существовало два возможных варианта. Первый был связан со смягчением методов руководства хозяйственной жизнью страны, большей уравновешенностью развития отраслей народного хозяйства; второй – с возвратом к модели развития (индустриализации) 30-х гг. Дискуссия окончилась победой сторонников второго (сталинского) варианта. Из этого следовало, что абсолютным приоритетом была тяжелая и военная промышленность. И эта задача была успешно решена (цифры итогов показаны в табл. 3 [8, с. 58.]).

Таблица 3 – Темпы роста основных показателей экономического развития СССР в четвертой пятилетке

	Во сколько раз в 1950 больше, чем	
	в 1940	в 1945
Валовой общественный продукт	1,6	1,9
Произведенный национальный доход	1,6	2,0
Все основные фонды	1,2	1,4
из них производственные	1,2	1,4
Продукция промышленности	1,7	1,9
Валовая продукция сельского хозяйства	1,0	1,6
Ввод в действие основных фондов	1,9	2,3
Капитальные вложения	1,9	2,1
Отправлено грузов всеми видами транспорта	1,8	3,2
Грузооборот всех видов транспорта	1,4	1,9
Численность рабочих и служащих	1,2	1,4
Производительность общественного труда	1,7	1,7
Розничный товароборот государственной и кооперативной торговли	1,1	2,5

Источник: составлено авторами на основе [8, с. 41]

Четвертый пятилетний план был выполнен промышленностью досрочно за 4 года и 3 месяца. Довоенный уровень производства был достигнут уже в 1948 г.

Высокими темпами развивалась экономика страны и в 1951-1960 гг. За этот период в 2,5 раза возросли основные фонды народного хозяйства. Вступили в строй действующих 8070 новых государственных промышленных предприятий. Объем промышленной продукции за 10 лет возрос в 3 раза. Произошли крупные сдвиги в территориальном размещении производительных сил.

В 1960 г. в результате успешной реализации трех послевоенных пятилеток производственные основные фонды возросли по сравнению с довоенным 1940 г. в 3,2 раза. Произведенный национальный доход увеличился в 4,4 раза, производительность общественного труда в народном хозяйстве повысилась в 4 раза.

И это всё – результат реализации активного государственного управления и планирования развития и промышленного потенциала страны, и построения её экономики. В этом контексте достойно сожаления, что исторический опыт первых лет становления социалистической России, все задуманное руководством страны того времени и успешно с высокими результатами реализованное на практике, в постсоветской России предано забвению. Разрушено не только государственное планирование, которое по советскому образцу применяется сегодня во многих странах мира, но и государство практически ушло из экономики. Вместо этого сделаны ставки на регулируемую роль рынка, дерегулирующую позицию государства, ориентировку бизнеса решение сиюминутных задач максимизации и скорейшего получения прибыли. Все это и многое другое привели к деиндустриализации страны, потере большей части национального богатства, серьезным структурным диспропорциям национальной промышленности, наличию социального неравенства и, как следствие этого, высокой социальной напряженности в обществе.

2. Состояние промышленного потенциала России в условиях рыночной либеральной парадигмы

Как известно, непрерывный рост общественных потребностей и ограниченность в природе естественных средств для их удовлетворения вызывает объективную необходимость поиска искусственного (индустриального) способа создания благ с нужными свойствами (производства) за счет вовлечения в этот процесс более или менее распространенных в природе и доступных человеку ресурсов.

Индустриальный способ производства, основанный на использовании машин, автоматики, а сегодня ещё и искусственного интеллекта, представляет такую ступень развития процесса общественного производства, применение которого в настоящее время является фактором не только экономического благополучия современного общества, но и его защитой в условиях возникающих опасностей военных эскалаций. Именно в таких условиях сегодня находится Российская Федерация, ведущая военные действия по защите своего суверенитета, территориальной целостности при угрозе своему существованию со стороны стран «коллективного Запада». И именно поэтому реализация самым активным образом этого упомянутого индустриального способа производства, называемого современной промышленностью, через развитие и повышение её потенциальных возможностей в настоящее время является актуальной задачей, стоящей перед страной.

Термин «промышленность» был введен в русский язык в конце XVIII века Н.М. Карамзиным для передачи латинского *industria* и происходил от русского слова «промысел», «промышлЕние» [10, с.127].

Промышленность можно определить, как сферу общественных отношений, связанную с созданием искусственных материальных благ (промышленной продукции) индустриальным способом – с применением сложной технологии и орудий труда (технических средств). В современной отечественной практике, промышленность трактуется как народнохозяйственный комплекс, состоящий из отраслей, отнесенных к промышленности органами статистики. Укрупненно промышленность делят на две большие группы отраслей: добычу полезных ископаемых

и обрабатывающие производства, с добавлением организаций ресурсо и энергоснабжения, утилизации отходов. В составе обрабатывающих производств в перерабатывающем секторе российской экономики выделяют 24 комплексные отрасли, состоящих из нескольких сотен более мелких. Кроме того, к промышленности относятся и организации, занимающиеся деятельностью по созданию нематериальных благ, тесно связанных и в значительной мере определяющих возможность и параметры дальнейшего материального производства. [11, с. 105-126].

Становление и развитие промышленности тесно связано с понятием промышленная политика. Промышленная политика, как деятельность государственной власти, представляющая собой управление, т.е. последовательность действий, которые обеспечивают необходимое состояние или изменение состояния управляемого объекта может быть представлена в «широком» и «узком» смыслах. В широком смысле промышленная политика рассматривается как совокупность разных мероприятий государственной власти, оказывающих существенное прямое или косвенное, целенаправленное или непреднамеренное воздействие на промышленное развитие, а также как отношение государства к промышленности вообще. В узком смысле промышленная политика рассматривается только как целенаправленная деятельность государства, имеющая задачу оказать то или иное воздействие на развитие промышленности [12, с.22].

Рассматривая вопросы развития промышленности, следует констатировать, что в отечественных научных и экспертных кругах, а также среди лиц, принимающих политические решения сформировалось устойчивое представление объекта промышленной политики, включающего только обрабатывающие производства [13, с.29]. Это связано с практикой ее применения, направленной на исправление существующей долгое время (начиная с постсоветской России) диспропорции структурного развития национальной экономики, когда обрабатывающие производства утратили лидирующие позиции в промышленности в целом и имели обвальный спад, который компенсировался (и продолжает компенсироваться) благополучием добывающего сектора, обеспеченного выросшими экспортными поставками. Именно обрабатывающие производства должны находиться в фокусе внимания государственных структур, реализующих отечественную промышленную политику.

Однако сегодня следует констатировать, что какого-то комплексного, всеохватывающего плана индустриализации и масштабного подъема отечественной обрабатывающей промышленности пока не существует. А он для страны крайне необходим. И это должна быть именно стратегия социальноэкономического развития России, рассчитанная как минимум на 20 - летний период с базовым 2020 годом. Стратегия призвана стать научно-обоснованным планом модернизации и реиндустриализации России по образу и подобию упомянутого в первом разделе работы плана ГОЭЛРО. Но для ее разработки и, главное, последующей реализации потребуется политическая воля и сплочённость высшего руководства страны и ее лидера, как это уже не раз было в нашей истории.

Между тем существующее состояние и структура промышленного производства в Российской Федерации складывалась на протяжении относительно длительного исторического периода в меняющихся политических и экономических условиях хозяйствования. Самыми существенными обстоятельствами современного периода, повлиявшими на траекторию развития отечественной промышленности, стали распад СССР и смена общественно-экономической формации с социалистической на капиталистическую (названную рыночной экономикой) с явным превалированием либеральных подходов к организации общественно-экономического уклада.

Так, после реорганизации Советского Союза обрывается большое число кооперационных связей на традиционном внутреннем рынке постсоветского пространства. Данная тенденция усугубляется резким спадом объемов промышленного производства, инфляционными процессами, проведением массовой приватизации и применением рыночных способов формирования межхозяйственных связей, отличных от применявшихся в СССР плановых.

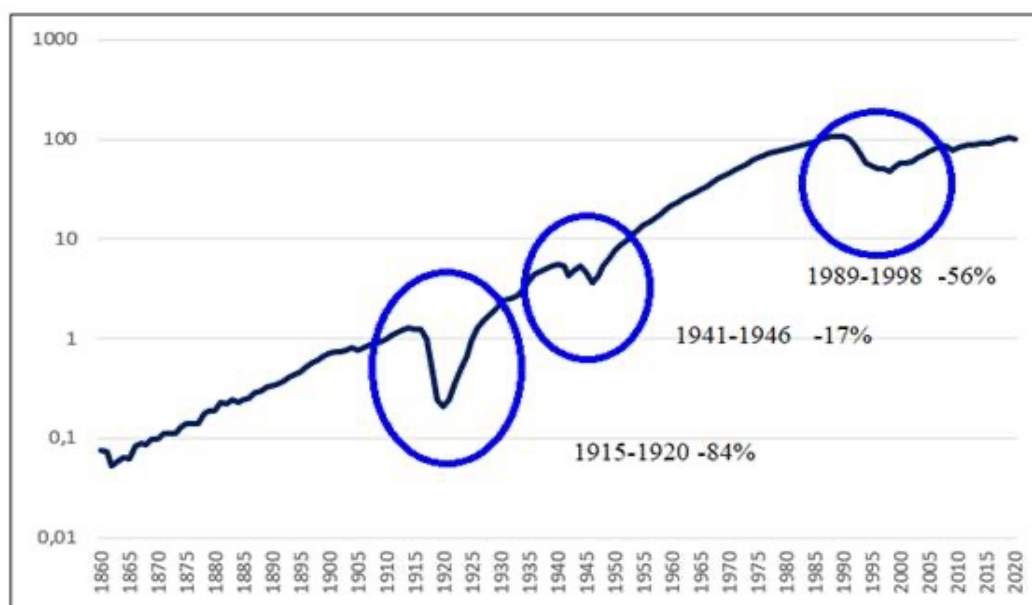
В процессе трансформации модели хозяйствования доминировала идея превалирующей значимости рыночных производительных сил над институциональными отношениями.

Главенствующей концепцией стала вера в рынок как в способ решения всех проблем. Начался процесс коренной перестройки отношений, затронувший всю систему формальных и неформальных институтов, часть институтов старой формации, представлявших «административными барьерами», препятствующих экономическому росту, были упразднены (ГосПлан, ГосСнаб и т.п.), новым еще только предстояло сформироваться.

Установилась ситуация, при которой ни старые, ни новые институты не выполняли возложенных функций. Неплатежи, уклонение от уплаты налогов, гиперинфляция, бартерный характер взаимоотношений, разрыв коммуникационных связей, примитивизация и криминализация экономической деятельности, прочно укоренились и фактически образовывали новую институциональную среду хозяйствования.

Ориентация предпринимательской инициативы на максимизацию прибыли, приводила к развитию отвечающих этому критерию секторов экономики, связанных в первую очередь с экспортом природных ресурсов, торгово-посреднической деятельностью, а большинство предприятий обрабатывающей промышленности, ставших убыточными, подвергались банкротству, имущество их распродавалось по заведомо заниженным ценам, или выживали, сокращая длительность цикла обращения, смещая акцент на производство продукции более низкого технологического уровня [14, с. 159-180.]. Следствием стал сильнейший спад объемов производства (см.рис.1).

Рисунок 1 – Индекс промышленного производства (1991 = 100), логарифмический масштаб:

Российская империя / СССР /Россия, 1861–2020 гг., зоны обвалов объемов производства

Источник: составлено авторами на основе [11, с. 105-126.]

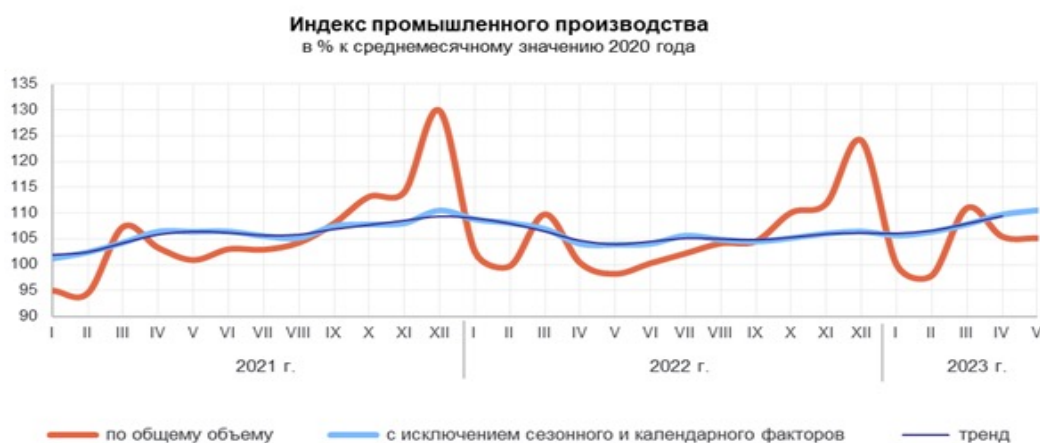
Современное состояние промышленного производства в РФ (с 2020 г. по май 2023 г.) представлено на рис. 2.

Здесь наблюдается незначительный рост промышленного производства в России, в котором в качестве одного из основных драйверов роста попрежнему выступают добывающие отрасли. Если их исключить из анализа, то рост будет весьма незначительный, находящийся в пределах статистической погрешности. Наличие такой незначительной положительной динамики преподносится как определённое достижение рыночной экономики, её способность адекватно реагировать на требования времени в отношении перераспределении ресурсов общества в сторону наибольшей их востребованности для государства. Но так ли это?

Такая положительная динамика роста индекса промышленного роста, по нашему мнению, является результатом нарастающего «ручного управления» со стороны высшего руководства

страны. Однако такие элементы «ручного управления» являются способом решения сиюминутных конъюнктурных задач и, как правило, проводятся без какой-либо системы и путём директивного направления ресурсов государства в те или иные наиболее «горячие» сферы деятельности. Основа такой работы – определённый «нажим» на бизнес для его участия в нужном государстве направлении деятельности в обмен на предоставление государством возможности пользоваться имеющимися и будущими преференциями, бюджетной и прочей поддержкой.

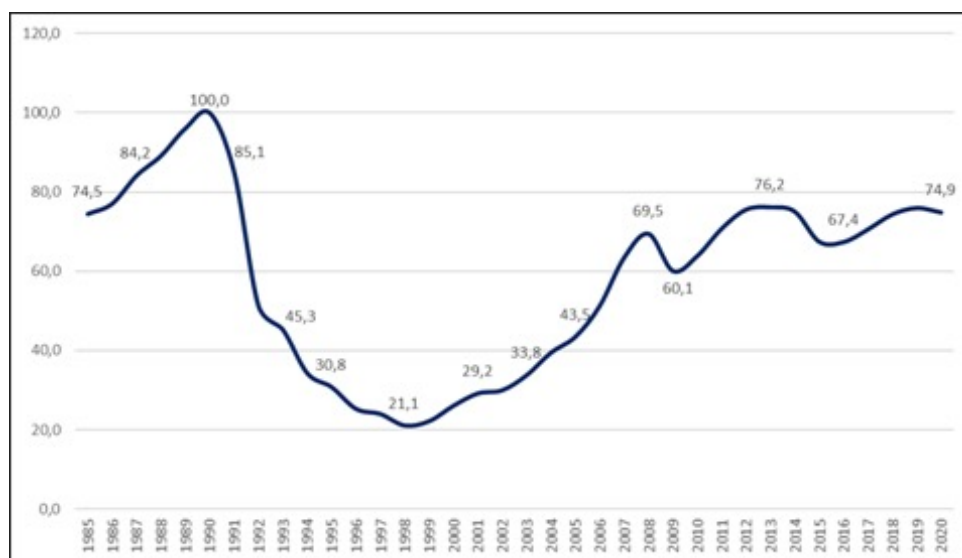

Рисунок 2 – Динамика индекса промышленного производства в РФ за 2020 г. – первую половину 2023 г. (с учетом добывающих отраслей)

Источник: составлено авторами на основе [15]

Рассмотрим состояние и динамику изменения показателей, составляющих понятие «промышленный потенциал»

Инвестиции в основной капитал в станкостроении – основы промышленного потенциала страны – сократившись за годы переходного периода фактически в 5 раз по отношению к 1990 году, так и не возвратился к его уровню и в начале текущего четвертого десятилетия рыночных преобразований (см. рис. 3.) и составил всего 74,9% от последнего дореформенного 1990 года.

Рисунок 3 – Динамика инвестиций в основной капитал в станкостроении, % (в сопоставимых ценах, 1990 г. принят за 100%)

Источник: составлено авторами на основе [16, с.292]

Снижение инвестиций в основные фонды привело к недоспользованию и старению материально-технической базы промышленного производства и снижению промышленного потенциала

страны. Об этом красноречиво говорят цифры динамики коэффициента обновления основных фондов в обрабатывающей промышленности (см. рис. 4.)

Рисунок 4 – Динамика коэффициента обновления основных фондов в СССР/России (%) к основным фондам

Источник: составлено авторами на основе [16, с.292]

Восстановление обновления основных фондов до не самого высокого дореформенного уровня в 6,3% в 1990 г. до настоящего времени так и не достигнуто. Недоинвестирование производственной базы сохранилось, пусть и в меньших масштабах до настоящего времени, что является одной из причин низкой конкурентоспособности производимой продукции. Существующие темпы, отраженные коэффициентом обновления основных фондов, должны быть как минимум удвоены, и доведены, например, в обрабатывающем секторе промышленности с 5,9% в 2020 году [16, с.313] до 10-12%, являющимися практикой в развитых странах. Следствием недоинвестирования является высокая степень износа основных средств. Например, в обрабатывающей промышленности она составляет 62,2%, а доля полностью изношенных средств - 27,3% [16, с.317].

Присоединение в 2012 г. России к ВТО, активная интеграция в мировое хозяйство и политика «открытой экономики» отрицательным образом подействовали на развитие отечественного промышленного потенциала и привели к его постепенной деградации. К 2014 году у России уровень интеграции по показателю включения в трансграничные цепочки создания стоимости был наиболее высоким: 80% поставляемой за рубеж продукции обрабатывающей промышленности поступает там в воспроизводственный процесс (промежуточное потребление) и только 20% в конечное потребление [17, с.31]. При этом ввозимый в Россию импорт только на 42% а был представлен продукцией промежуточного потребления [16, с. 578], являвшейся исходными сырьем и комплектующими, для дальнейшей переработки на российских предприятиях. Значит, 58% ввозимого импорта было товарами конечного потребления (против наших 20%)

В условиях открытой экономики отсутствующее предложение необходимой продукции со стороны отечественных производителей компенсировалось соответствующими поставками высокотехнологичной и качественной продукции из-за рубежа, усугубляя деградацию соответствующих производственных секторов отечественной промышленности. Например, доля машин, оборудования и транспортных средств в совокупном импорте за 2020 год составила 47,7%, суммарное же производство этих товарных групп отечественными предприятиями в 2020 году составило чуть более половины от всей товарной совокупности [16, с.358].

В результате сформировался критический уровень зависимости существенной части отече-

ственной промышленности от импортных поставок. Так, например, на 2019 год доля импорта в удовлетворении потребностей тяжелого машиностроения составляет 60-80%, станкостроения – 90%, радиоэлектроники – 80-90%, медицинской промышленности и фармацевтической отрасли – 70-80%, легкой промышленности – 70-90%. [18, с.17]. А по производству легковых автомобилей уровень интеграции вышел на совершенно беспрецедентный уровень – развитие целой отрасли в России передано иностранным (французским) компаниям. Причём как достижение развития отечественного автопрома отмечалось, что «по сути, в России ... решена проблема технологического развития легкового автомобилестроения. Сообщество ведущих мировых автоконцернов организовало сборку своих моделей на российской территории, а концерн «Рено-Ниссан», став собственником «АвтоВАЗа», превратился в главного управляющего агента всего бывшего отечественного автопрома» [19, с.54]. Однако в таком статусе отечественная индустрия является для головной иностранной компании периферийной, с отношением к развитию российской научно-технологической базы по остаточному принципу, с концентрацией усилий на развитии головного центра, находящегося за рубежом центра. В качестве принятых мер поддержки российской индустрии со стороны государства (опять же в рамках «ручного управления») необходимо отметить последовавшие в 2022 году реорганизационные процедуры по переходу упомянутых российских активов компании Renault (Московский автозавод и 68% акций «АвтоВАЗа») в государственную собственность за символическую плату в два рубля [20, с.357].

Общую характеристику промышленного потенциала России в настоящем времени характеризуют цифры долей валовой добавленной стоимости (ВДС) по группам отраслей промышленности в валовом внутреннем продукте (ВВП) РФ в 2021 год (табл. 4 [11, с. 105-126.]).

Таблица 4 – Валовая добавленная стоимость (ВДС) по группам отраслей промышленности и их доля в валовом внутреннем продукте (ВВП), 2021 год.

Раздел	Наименование группы отраслей	ВДС в млрд. руб.	Доля в ВВП в %
Раздел В	Добыча полезных ископаемых	15 030,9	11,47
Раздел С	Обрабатывающие производства	18 926,1	14,45
Раздел D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2 865,5	2,19
Раздел E	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	656,9	0,50
BCDE	Все отрасли промышленности	37 479,4	28,61
Вся экономика	Валовой внутренний продукт в рыночных ценах	131 015,0	100,00

Источник: составлено авторами

Как показывают представленные расчёты доля обрабатывающих производств весьма незначительна, 14,45%. Вся промышленность дала НДС менее 30%. Значит всё остальное занимают отрасли, не связанные с производством (услуги, торговля, финансовая деятельность, недвижимость и т.п.) и не дающие вклада в развитие промышленного потенциала страны Это однозначно характеризует серьёзные диспропорции в структуре нашей экономики в целом и значительное её индустриальное отставание от тех показателей, которые сегодня необходимы в существующих условиях санкционного давления, и нарастающей военной угрозы, связанной с разрастанием военного конфликта на Украине, и нарастании мобилизационных тенденций в отношении наращивания ВПК европейских стран в рамках оказания ими военной помощи Украине в вооруженном противостоянии с нашей страной.

Неприемлемые цифры развития промышленного потенциала России косвенно характеризуют

и сравнительные показатели динамики доли страновых ВВП России, Китая и США в мировом ВВП (табл. 5).

Как видно из этих расчётов, ВВП России, снизившись в два раза за период 1990-2000 гг. так и не набрал величины дореформенного уровня 1990 года. И это есть свидетельство сжатия экономики страны и, в первую очередь, за счет падения производственного потенциала.

Таблица 5 – Размер ВВП по ППС Китая, России и США

Год	Размер ВВП, млрд. долларов						
	Весь мир	ВВП по ППС США	Доля ВВП США в мировом ВВП, %	ВВП по ППС Китая	Доля ВВП Китая в мировом ВВП, %	ВВП по ППС России	Доля ВВП России в мировом ВВП, %
1990	29 426	5 963	20,3	1 114	3,8	1 188	4
2000	49 208	10 251	20,8	3 683	7,5	1 001	2
2008	83 530	14 770	17,7	10 043	12	2 878	3,4
2009	84 220	14 478	17,2	11 057	13,1	2 769	3,3
2010	89 760	15 049	16,8	12 380	13,8	2 927	3,3
2011	95 680	15 600	16,3	13 844	14,5	3 259	3,4
2012	100 620	16 254	16,2	15 125	15	3 480	3,5
2013	105 490	16 843	16	16 185	15,3	3 742	3,5
2014	109 450	17 551	16	17 121	15,6	3 764	3,4
2015	111 780	18 206	16,3	17 797	15,9	3 526	3,2
2016	116 290	18 695	16,1	18 712	16,1	3 539	3
2017	122 540	19 477	15,9	19 887	16,2	3 807	3,1
2018	130 060	20 533	15,8	21 740	16,7	4 232	3,3
2019	136 490	21 381	15,7	23 447	17,2	4 413	3,2
2020	134 670	21 060	15,6	24 284	18	4 396	3,3
2021	148 150	23 315	15,7	27 519	18,6	4 966	3,4
2022	164 160	25 463	15,5	30 327	18,5	5 323	3,2

Источник: составлено по данным Всемирного банка [21]

И всё это время страна существовала в условиях рыночной экономики, которая позиционируется как наиболее эффективная и социально-ориентированная модель национального развития. В то время, когда экономика Китая, оставшегося в модели активного государственного регулирования, показала более 4-х кратный прирост доли его ВВП в мировом ВВП при понижательной динамике ВВП США (исповедующих наиболее либерально ориентированную модель экономического развития) за тот же период на 23,6% (при абсолютном снижении их доли ВВП на 4,8 п.п.).

Низкую эффективность рыночной модели характеризует и тот факт, что за более чем 30-ти летний период рыночной экономики Россия к 2022 году только-только смогла приблизиться по объему выпуска отраслей обрабатывающих производств своего дореформенного уровня (1990 г.), причём не за счет тяжёлой промышленности, машино- и станкостроения, а в основном за счет роста потребительских отраслей. Однако в целом ряде отраслей к 2022 году восстановления до дореформенного уровня производства так и не произошло: это текстильное и швейное производство; производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; обработка древесины и производство изделий из дерева; производство прочих неметаллических минеральных продуктов; производство машин и оборудования; производство транспортных средств и оборудования (табл.6).

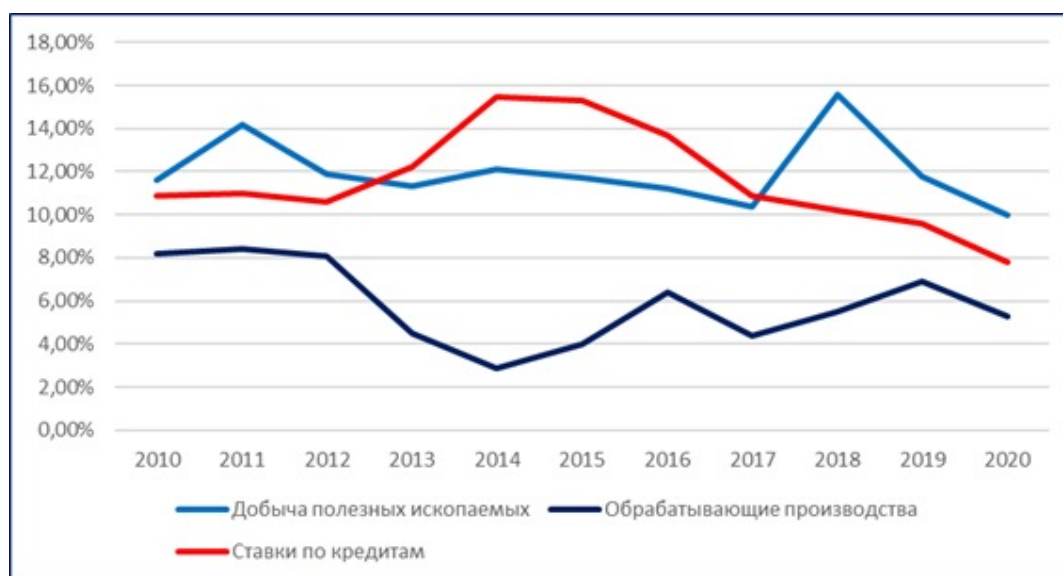
Таблица 6 – Отраслевой объём выпуска в сопоставимых ценах к 2022 году по отношению к

соответствующим объемам 1991 года (в %; за 100% принят объем 1991 года).

Отрасль	Объем выпуска 2021 года по отношению к уровню 1991 года в % (в сопоставимых ценах)
обрабатывающие производства	99,69
производство пищевых продуктов, включая напитки и производство табака	127,95
целлюлозно-бумажное производство и полиграфическая деятельность	118,29
химическое производство	146,25
производство резиновых и пластмассовых изделий	258,77
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	140,62
текстильное и швейное производство	29,92
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	34,22
обработка древесины и производство изделий из дерева	60,85
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	56,37
производство машин и оборудования	50,9
производство транспортных средств и оборудования	72,99

Источник: составлено авторами на основе [22, с.27]

Вместе с этим следует констатировать, что в экономике России сложился структурный перекос в доступности к инвестиционным и кредитным ресурсам добывающих (высокорентабельных) и обрабатывающих (низкорентабельных) производств, показанный на рис. 5.

Рисунок 5 – Рентабельность добывающей и обрабатывающей промышленности и средние ставки по кредитам в %.

Источник: составлено авторами на основе [22, с.27]

Здесь следует обратить внимание, что ставки по кредитам значительно выше уровня рентабельности предприятий обрабатывающих производств. Низкая рентабельность обрабатывающих производств не может обеспечить формирование для них внутренних инвестиционных ис-

точников, а высокий банковский процент закрывает получение ими кредитных ресурсов. При этом добывающие отрасли, имеющие значительно большую рентабельность, обеспечивают для себя возможность привлечения кредитов и инвестиций, что и приводит к структурной дисгармонии промышленного потенциала страны.

Это говорит о бездействии модели развития обрабатывающих производств за счет средств, полученных от реализации добываемого сырья, что опять же обозначает необходимость государственного вмешательства в процесс перераспределения ресурсов [23, с.11].

Заключение

Сегодня становится очевидным, что без серьезной модернизации, индустриализации, развития и наращивания промышленного потенциала страны получить необходимые преимущества для её защиты от военных угроз, обеспечения суверенитета и территориальной целостности, достижения независимости страны от политического и экономического диктата коллективного Запада, Российской Федерации не обойтись.

Анализ тех результатов в становлении и развитии промышленного потенциала, которые сложились за период нахождения страны в рыночной экономике, говорят, что данная модель, мягко говоря, «пробуксовывает» и не даёт необходимого эффекта и динамики в развитии российской промышленности, оставаясь в плену частнособственнических интересов, идущих зачастую вразрез с интересами страны. Сегодня необходима скорейшая мобилизация ресурсов в направлении всемерного укрепления и развития отечественных промышленных мощностей.

Однако такую мобилизацию экономики и значительное наращивание промышленного потенциала по образцам индустриализаций, реализованных в СССР, провести только на базе либеральной рыночной модели образца 1990-х годов, не представляется возможным. Не способен частный капитал сконцентрировать ресурсы в нужном для государства масштабе и направлении.

На сегодняшний день в условиях военной эскалации государство в лице Правительства России и создаваемых им новых институций обязано взять на себя функцию планового регулятора и тем самым обеспечить развитие промышленного потенциала, отойдя от либеральных принципов рыночной экономики. Мобилизация ресурсов и укрепление руководящей роли государства должно обеспечить необходимый переход к актуальной сегодня «гибридной модели» экономики страны на основе государственной собственности на базовые и системообразующие отрасли обрабатывающей промышленности при наличии рыночных отношений в потребительском секторе и в некоторых обрабатывающих отраслях, создающих конечные потребительские блага.

Это, по нашему мнению, позволит обеспечить масштабное наращивание промышленного потенциала и решения задач экономической, политической и военной безопасности страны без снижения социальной роли государства в обществе и без слома того положительного, что было наработано в прошедшие три десятилетия рыночной моделью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. ПСС. Том 43. Издание пятое. Издательство политической литературы. Москва, 1970. – 561 с.
2. Ленин В.И. ПСС. Том 45. Издание пятое. Издательство политической литературы. Москва, 1970. – 729 с.
3. Развитие В.И. Лениным экономической теории социализма и коммунизма. (АН СССР. Ин-т экономики). Редакционная коллегия: А.И. Пашков – отв. редактор, Л.М. Гатовский, И.А. Гладков, В.В. Орешкин. – М.: Издательство «Мысль», 1969. – 414 с.
4. Ясин Е.Г. Институциональные ограничения модернизации, или приживется ли демократия в России? // Вопросы экономики. 2011. №11. – С. 4-24.
5. Колесов Н.Д. и др. Основные вопросы политической экономии социализма в трудах В.И. Ленина. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – 464с.
6. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. – С. 29–42.
7. Ванюков Д.А., Суслов И.В. Годы репрессий. – М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2007. – 240 с. – (История России).
8. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1987.
9. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1947.
10. Пилипенко Е. В., Гринюк К.П. Промышленность и промышленный комплекс в экономической науке: проблемы теории // Бизнес. Образование. Право. – 2013. – № 3(24). – С. 126-130.
11. Афанасьев А.А. Промышленность России: текущее состояние и условия формирования // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Том 13. – № 1. - С. 105-126.
12. Бодрова Е. В., Гусарова М.Н., Калинов В.В. Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации. / монография. – М.: РЕГЕНС, 2014. – 940 с.
13. Идрисов Г. И. Промышленная политика России в современных условиях. / Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара. - Москва: Фонд Институт экономической политики им. Гайдара, 2016. – 160 с.
14. Афанасьев А.А. Сравнительный анализ моделей внешнеэкономической интеграции позднего СССР, постсоветского периода и современного этапа развития России // Экономические отношения. – 2023. – Том 13. – № 1. – С. 159-180.
15. Динамика промышленного производства в мае 2023 года. – Росстат. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/210620>. (Дата обращения 13.11.2023 г.)
16. Российский статистический ежегодник. 2021. / Стат. сб./ Росстат. – М.: 2021. – 692 с.
17. Варнавский В. Г. Роль России в глобальных производственных сетях // Управление развитием крупномасштабных систем: Труды одиннадцатой международной конференции. В 3 томах. – Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН.: Москва, 2018. – С. 30-34.
18. Оболенский В. П. Внешняя торговля России: содействие процессам воспроизводства // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 9. – С. 7-22.
19. Толкачев С. А. Промышленная политика в плену мейнстрима. / Промышленная политика в условиях новой индустриализации. – Москва: ООО МАКС Пресс, 2015. – 47-63 с.
20. Афанасьев А.А. Становление ограниченно открытой экономики суверенного типа в современной России: понятие, этапы, существенные характеристики // Экономические отношения. – 2022. – № 3. – С. 345-366.
21. Всемирный банк. «ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на душу населения» URL: <https://data.worldbank.org/indicator/> (Дата обращения 27. 10.2023).
22. Афанасьев А. А. Формирование ограниченно открытой экономики суверенного типа в

современной России. - Москва: ООО Первое экономическое издательство, 2022. – 108 с.

23. Яременко Ю. В. Экономический рост. Структурная политика // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 1. – С. 6-14.

Is the Market Economy Capable of Ensuring the Large-Scale Development of Russia's Industrial Potential in the Face of Military Danger?

Bekrenev Yury Vladimirovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: bekrenevyuv@ystu.ru

Annotation. The paper examines the possibilities of the market economy of the Russian Federation to ensure a large-scale and rapid (within the next 3-7 years) increase in industrial potential due to the presence and growth of the military threat and the danger of unleashing large-scale military operations against our country by the unfriendly countries of the collective West led by the United States. The experience of Soviet industrialization, starting with the development and implementation of the GOELRO plan, to the post-war (Patriotic War) large-scale restoration of the national economy and the increase in industrial potential created during the Great Patriotic War (1941-1945), is considered. The article examines the current state of the manufacturing industry and its development under the conditions of the liberal market model of the 1990s. The article examines the current state of the manufacturing industry and its development under the conditions of the liberal market model of the 1990s. It is concluded that for more than thirty years of a market economy, Russia has not fully restored its industrial potential after the collapse of the economy of the 1990s, according to many indicators of industrial production, the country has not reached the level of 1990 (the last year of the USSR). It is believed that at present the country needs a wide and qualitative expansion and renewal of production capacities (primarily related to the military-industrial complex and ensuring the conduct of military operations in Ukraine within the framework of the NWO), which are clearly not enough to guarantee counteraction to emerging and growing military threats. To this end, it is proposed to change the trajectory of the economic development of the Russian Federation, abandon the model of a liberal market economy and replace it with a state-market model in the image of Lenin's model of the NEP. However, this issue remains debatable and requires detailed study, which the author plans to do in subsequent publications.

Keywords: industrial potential, manufacturing industry, industrialization, industrial modernization, military threat, military operations, market economy, GOELRO, NEP, industry, economic development, public administration, GDP.

Кадровое обеспечение новой индустриализации региона в контексте концепции креативного класса

Шевченко Светлана Алексеевна

кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: svetashv@mail.ru

Морозова Ирина Анатольевна

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: morozovaira@list.ru

Кузьмина Екатерина Валериевна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: katerina993@yandex.ru

Аннотация. Значимым фактором социально-экономического развития Российской Федерации является высококвалифицированные кадры. Человек является ключевым ресурсом экономического роста территории, от креативности, ментальности и предпринимательской активности которого зависит научно-технологическое развитие отраслей промышленности. Целью данного исследования является уточнить понятие и основные характеристики человеческого капитала и выявить потенциал креативного класса для кадрового обеспечения новой индустриализации региона. В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы научного познания, которые позволили выявить и обосновать потенциал креативного класса для кадрового обеспечения новой индустриализации региона. Методической основой исследования являются труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные новой индустриализации, сущности человеческого капитала и его характеристик, креативному классу. В работе определены ключевые параметры новой индустриализации (диверсификация структуры экономики региона, цифровая трансформация отраслей промышленности, развитие крупных промышленных производств и территориально сконцентрированных промышленных зон, кластеризация промышленности и кооперация производства, автоматизация бизнес-процессов и распространение искусственного интеллекта, предпринимательская активность организаций промышленности в создании инновационных идей, наличие системы подготовки кадров (креативность; интеллект, ментальность и квалификация), что послужило основанием для определения компетенций человеческого капитала для новой индустриализации. Уточнено понятие человеческого капитала новой индустриализации как совокупности компетенций человека (технологических, управленческих, информационных, цифровых, коммуникативных, инновационно-творческих и саморазвития), которые позволяют ему осуществлять процессы новой индустриализации в регионе (производственные и технологические изменения в индустриальной базе региона, развитие крупных промышленных производств, автоматизация бизнес-процессов и распространение искусственного интеллекта в направлении повышения производительности труда и конкурентоспособности региона; формирование новых знаний для создания инновационных идей для формирования перспективных видов экономической деятельности). Уточнены характерные признаки и ценности креативного класса, на основе чего выявлен его потенциал для кадрового обеспечения новой индустриализации в регионе, который включает целевую, интеллектуальную, деятельностьную, аксиологическую и социальную составляющие. Результаты исследования могут быть использованы при осуществлении процессов новой индустриализации территории. Вектор будущих исследований в изучении условий развития креативного класса в регионе для осуществления целей новой индустриализации.

Ключевые слова: регион, человеческий капитал, креативный класс, новая индустриализация, цифровая экономика, компетенции.

JEL codes: R58, O14, O31, O32, R58

Для цитирования: Шевченко, С.А. Кадровое обеспечение новой индустриализации региона в контексте концепции креативного класса /С.А. Шевченко, И.А. Морозова, Е.А. Кузьмина. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №1. - С.43-61. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2024)

Введение

Современный этап социально-экономического развития России обусловлен различными процессами, направленными на научно-технологическое развитие отраслей народного хозяйства, приоритеты цифровой экономики, экономический рост регионов России и другие. Приоритеты развития экономики России определены в ряде нормативных документов.

В проекте Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года определена направленность экономики России на технологическое обновление традиционных отраслей экономики при условии эффективного взаимодействия научных организаций, государства и представителей бизнеса в направлении реализации инновационной деятельности, результативности и востребованности исследований и разработок. К приоритетам научно-технологического развития относятся направления, в рамках которых создаются и используются технологии, которые обеспечиваются различными видами ресурсов территории (кадровыми, инфраструктурными, информационными, финансовыми и другими ресурсами) [1].

Среди основных задач Национального проекта «Цифровая экономика» можно выделить: обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики; создание сквозных цифровых технологий на основе отечественных разработок; преобразование приоритетных отраслей экономики посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений и другие [2].

Цифровая экономика это реалия настоящего времени, которая оказывает влияние на все отрасли экономики и является проявлением объективной закономерности развития производительных сил, включая умелость рабочей силы и особенность самого этого этапа [3].

При этом возникает проблема подготовки кадров, востребованных цифровой экономикой. Фактором создания новых и совершенствование уже имеющихся технологий, повышения эффективности использования уже имеющихся ресурсов выступает накопленный человеческий капитал. Важным для развития цифровой экономики приобретает эффективное использование и создание инновационных продуктов посредством развития человеческого капитала, науки и информационных технологий [4].

В Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года утверждён Перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. К одному из ключевых направлений относится усиление в мировом масштабе конкурентной борьбы за высококвалифицированную рабочую силу, привлекающие в проекты новые знания, технологии и компетенции. Именно высококвалифицированная рабочая сила определяет конкурентоспособность инновационных систем. В документе указано, что модернизация российской экономики будет сопровождаться увеличением спроса на высококвалифицированные кадры в соответствии с потребностями экономики [5].

В условиях глобализации экономики научно-технологическое развитие отраслей народного хозяйства Российской Федерации - один из важных факторов, влияющих на трансформацию пространственной организации экономики. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года к направлениям экономического роста регионов России относятся: развитие высокотехнологических и наукоемких отраслей производства товаров, услуг; кооперация учреждений науки и образовательных организаций высшего образования с бизнесом; концентрация научной, научно-технической и инновационной деятельности в регионах. Основной приоритет - научно-технологическое и инновационное развитие территорий [6].

Одним из направлений обеспечения научно-технологического развития регионов России является новая индустриализация, которая соответствует вызовам времени и сложившейся геоэкономической и геополитической ситуации. Новая индустриализация позволит восстановить роль и место промышленности в структуре экономики страны в качестве ее базовой компоненты на основе научно - технологического развития. Для реализации новой индустриализации необходимо

в российском обществе формирование креативных сил в кадровом обеспечении, способных кардинально переломить нынешнюю ситуацию в социально-экономической сфере [7].

Решение государственных задач обуславливает изучение вопросов, связанных с кадровым обеспечением современных процессов в экономике общества.

Основой для данного исследования послужили результаты научных работ зарубежных и отечественных авторов.

Вопросы теории новой индустриализации рассмотрены в работах В.А. Гордеева [8], Н.М. Сабитовой [9], Е.Б. Ленчук и др. [10], С.А. Шевченко и др. [11], Я.П. Силина [7], О.В. Мяснянкиной [12], Ю.В.Развадовская[13],Е.И.Клемашевой [3]и других.

Вопросы ресурсного обеспечения новой индустриализации представлены в исследованиях Ю.В. Развадовской[13], О.В.Мяснянкиной [12], В.А. Гордеева[15], Е.В. Лукина [16] и других.

Вопросы сущности человеческого капитала и его основных характеристик для новой индустриализации отражены в работах С.В.Frey [17], G.S. Becker [18], J. Storey[19], R.E. Lucas [20], Е.И. Клемашевой [14], Д.В. Диденко[21], И.В.Гуськовой [22], А.Ю.Коковихина [23], О.Л. Чулановой [24], Н.А. Катаргиной [25] и других.

Сущность и характерные черты креативного класса исследованы в работах Р. Флориды [26], R. Martin [27], J. Howkins [28], R.A.Boschma [29], Ю.И.Будович [30], О.В. Петровской [31], А.В.Седлецкого [32], С.А.Шевченко [33], Ю.Г. Волкова[34] и других.

Вопросы исследования роли креативного класса для новой индустриализации представлены в работах И.В. Гуськовой [22], О.В.Петровской [31], А.В. Седлецкого [32], А.В. Бузгалина [35] и других.

Однако анализ работ зарубежных и отечественных авторов показал, что вопросы кадрового обеспечения новой индустриализации региона изучены недостаточно. В частности не выявлены и не систематизированы характерные черты необходимого человеческого капитала для успешной реализации новой индустриализации, не исследован потенциал креативного класса для кадрового обеспечения процессов новой индустриализации.

Таким образом, в современных исследованиях недостаточно научных работ, связанных с вопросами кадрового обеспечения новой индустриализации как важного её ресурса, что и определило актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – уточнить понятие и основные характеристики человеческого капитала и выявить потенциал креативного класса для кадрового обеспечения новой индустриализации региона. В процессе исследования решались следующие задачи: определить ключевые параметры новой индустриализации с целью выявления ресурсов, необходимых для её эффективной реализации в регионе; уточнить понятие человеческого капитала новой индустриализации и выявить потенциал креативного класса для кадрового обеспечения новой индустриализации региона.

В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы научного познания, которые позволили выявить и обосновать потенциал креативного класса для кадрового обеспечения новой индустриализации региона.

Новая индустриализация как актуальный тренд современного развития регионов России: ключевые параметры и необходимые ресурсы

Новая индустриализация в регионах России необходима для обеспечения масштабных преобразований в индустриальной базе национального хозяйства при переходе на новую технологическую основу производства в различных секторах промышленности. [10]

О.В. Мяснянкина и А.А. Зайцев рассматривают новую индустриализацию как процесс формирования новой промышленной системы, включающей изменение производственного базиса промышленности за счет создания новых подотраслей и видов производств на основе комплексного обновления технологий и коренного изменения квалификационного состава кадров. При этом ресурсы региона должны быть сосредоточены в наукоемких, высокотехнологичных отраслях обрабатывающего сектора промышленности с глубоким использованием цифровых технологий[12].

В научных исследованиях новая индустриализация в основном рассматривается с позиции процессного подхода.

Новая индустриализация-процесс:

-изменений (диверсификации) отраслевой структуры промышленности на основе широкомасштабного распространения «прорывных технологий», включающих формирование новых отраслей и секторов промышленности, воспроизводящих эти прорывные технологии, так и их распространение в традиционных отраслях промышленности и секторах национального хозяйства [10];

-хозяйствования, которому присуще: новые знания с учетом развития информационного общества, активизация инновационной деятельности наукоемких промышленных предприятий, взаимосвязь науки, технологий и экономического роста;

-кардинальных производственных и технологических изменений в секторах промышленности при согласовании изменений в технологической области с изменениями в социальной, институциональной и управленческой сферах [36];

-диверсификации структуры экономики, проявляющейся в повышении доли обрабатывающей промышленности на основе обеспечения промышленности квалифицированными рабочими кадрами;

-модернизации экономики региона, включающий радикальное обновление технологического базиса базовых отраслей на основе разработки и внедрения знаниеемких технологий; повышение удельного веса индустриального комплекса; диверсификацию базовых отраслей [14];

-трансформации промышленного сектора экономики за счет повышения доли наукоемкого производства, перехода к производству, основанному на цифровых технологиях с информационной обратной связью для поддержки принятия решений, а также за счет кооперационной структуры организации экономической деятельности, обеспечивающей гибкую трансформацию производства [13].

Исследуя процесс новой индустриализации, О.В. Мяснянкина и А.А. Зайцев определили барьеры, сдерживающие её развитие: отсутствие или ограниченность необходимых специалистов в регионах, востребованных для новой индустриализации; ограниченность инновационных идей, касающихся конструкторской, технологической подготовки инновационной промышленной продукции; низкая результативность используемых институтов и механизмов, задействованных в новой индустриализации (государственно-частное партнерство, проектное развитие). Предложены в работе направления снижения вышеперечисленных барьеров: ускоренная подготовка кадров для новой индустриализации; совершенствование ресурсного обеспечения процесса новой индустриализации (финансовых, инновационно-образовательных, научных, материальных ресурсов) с выделением направлений их использования в региональном формате с учетом приоритетов развития [12].

К условиям успешной реализации новой индустриализации в регионе относятся: развитие интеллектуальных знаний, креативности и предпринимательской активности человеческих ресурсов; эффективное взаимодействие научных организаций, государства, общества и бизнес-структур в направлении создания новых технологий для промышленной специализации региона; развитие сетевых форм организации научной, научно-технической и инновационной деятельности, кластеризация промышленности и кооперация производства и другие [37].

С нашей точки зрения к ключевым параметрам новой индустриализации региона относятся:

-цифровая трансформация отраслей промышленности для формирования нового технологического базиса производства в направлении увеличения доли наукоемких высокотехнологичных отраслей с глубоким использованием цифровых технологий;

-широкомасштабное распространение «прорывных технологий» в новых и традиционных отраслях промышленности на основе разработки и внедрения знаниеемких технологий;

-возрастание роли промышленности как катализатора научно-технического прогресса и

драйвера общественного развития;

-диверсификация структуры экономики региона, проявляющаяся в повышении в ней доли обрабатывающей промышленности;

-диверсификация структуры промышленности с целью обеспечения масштабных изменений в индустриальной базе региона;

-развитие крупных промышленных производств и территориально сконцентрированных промышленных зон, интегрированных в индустрию жизнеобеспечения региона, конкурентоспособных в мировом масштабе для обеспечения привлекательности для инвесторов;

-взаимосвязь науки, технологий и экономического роста для формирования новых знаний с учетом развития информационного общества;

-предпринимательская активность организаций промышленности в создании инновационных идей, касающихся конструкторской, технологической подготовки инновационной промышленной продукции;

-реализация социальных инноваций на основе взаимодействия науки и практики в направлении повышения производительности труда и улучшения его качества;

-технологические инновации: автоматизация бизнес-процессов и распространение искусственного интеллекта в направлении повышения производительности труда и конкурентоспособности региона;

-кластеризация промышленности и кооперация производства с учетом интересов бизнес-структур в промышленной специализации региона;

-государственная поддержка в направлении стимулирования трансформационных процессов в промышленности;

-переход к производству, основанному на цифровых технологиях с информационной обратной связью для поддержки принятия управленческих решений;

-кооперационная структура организации экономической деятельности, обеспечивающей гибкую трансформацию производства;

-наличие системы подготовки кадров (креативность; интеллект, ментальность и квалификация человеческих ресурсов).

Ряд авторов рассматривает новую индустриализацию с позиции ресурсного аспекта. Так, например, Ю. В. Развадовская определяет новую индустриализацию как процесс количественных и качественных изменений в экономике, который основывается на комплексе ресурсов, обеспечивающих, с одной стороны, модернизацию традиционных отраслей, а с другой – формирование перспективных видов экономической деятельности и производств. Автор к ресурсам новой индустриализации относит: трудовые ресурсы (трудоспособное население, уровень образования, физические характеристики и определенные навыки); человеческий капитал (человеческие ресурсы, неявные знания, организационные навыки); предпринимательские способности (способность искать новые комбинации ресурсов, креативность, способность стратегически мыслить); природные ресурсы (земля, энергетические полезные ископаемые, неэнергетические полезные ископаемые) [13].

О.В. Мяснянкина и А.А. Зайцев дополняют список ресурсов новой индустриализации и относят к ним: 1) материальные ресурсы - производственные и энергетические возможности (основные средства, площади, коммуникации, доступность сырья, комплектующих изделий и полуфабрикатов); 2) динамические способности топ-менеджеров бизнеса (способность оперативно приспосабливаться к изменениям внешней и внутренней среды, ориентироваться в алгоритме мобилизации ресурсов из различных источников, определять оптимальные в отношении времени и финансов решения); 3) организационные ресурсы (кооперационные связи по сотрудничеству в производстве и сбыте продукции) [12].

С позиции М.А. Миллера, новая индустриализация предусматривает массовое внедрение информационных технологий в промышленность, масштабную автоматизацию бизнес-процессов и

распространение искусственного интеллекта [38].

В.А. Гордеев отмечает важность финансовых ресурсов новой индустриализации в форме государственной финансовой поддержки, которая должна быть основана на разработке комплексных многоуровневых программ по внедрению и сопровождению новой индустриализации. Автором подчёркивается важная роль научных ресурсов новой индустриализации, которые заключаются в развитии интеллектуальных знаний и новых технологий. Инновационные ресурсы выступают в качестве социальных инноваций, которые для отраслей промышленности являются результатом взаимодействия науки и практики в направлении повышения производительности труда и улучшения его качества. Социальные инновации позволяют найти новые решения социальных проблем с помощью выявления и развития новых услуг, нацеленных на организацию новых рынков труда, новых компетенций, новых видов работ и новых форм взаимодействия бизнеса и общества, которые улучшают положение участников трудовых коллективов [8].

Новой индустриализации присущи изменения в различных областях:

-в производственной области: реструктуризация крупных промышленных объединений; интеграция экономических субъектов в промышленности; использование эффективных инструментов промышленности- микроэлектроника; ресурсосберегающие и информационные технологии; программное обеспечение; робототехника и другие;

-в области технологий: кардинальные производственные и технологические изменения; обновление технологической базы промышленности; изменение роли технологий как определяющего фактора современного производства;

-в рыночной области: повышение конкурентоспособности внутренних рынков за счет расширения возможностей частной инициативы малого и среднего бизнеса; развитие внутреннего потребительского и промышленного спроса;

-в области отраслей промышленности: лидерство высокотехнологичных отраслей; диверсификация структуры экономики через повышение в ней доли обрабатывающей промышленности; инновационное обновление традиционных секторов промышленности; поддержка со стороны государства инновационной деятельности экономических субъектов в приоритетных отраслях промышленности);

-в научной области: (взаимосвязь науки, технологий и экономического роста на основе знаний с учетом развития информационного общества);

-в области трудовых ресурсов: обеспечение промышленности квалифицированными рабочими кадрами в области информационных технологий [11].

Е.В. Лукин отмечает, что для обеспечения развития промышленности, формирования её инновационного облика в первую очередь необходима модернизация действующих форм, методов и инструментов государственного регулирования. К государственным мерам поддержки производственной деятельности относятся: обеспечение субъектам промышленной деятельности льготных условий функционирования, предоставление субсидий, инвестиционных кредитов для реализации перспективных проектов технологического развития и освоения инновационных разработок; развитие кадрового потенциала через гранты для образовательных учреждений, осуществляющих подготовку высококвалифицированных специалистов для инновационно активных отраслей экономики; усиление степени взаимодействия между государством, промышленными предприятиями и научно-образовательными учреждениями в целях повышения качества подготовки специалистов для промышленности и увеличения количества выпускников для инновационно - активных отраслей экономики [16].

Таким образом, основываясь на результатах научных исследований и выявленных нами ключевых параметрах новой индустриализации, к необходимым ресурсам новой индустриализации относятся: технологические ресурсы, финансовые ресурсы; инновационные ресурсы; кадровые ресурсы; инвестиционные ресурсы; научные ресурсы; природные ресурсы; материальные ресурсы;

институциональные ресурсы.

Человеческий капитал новой индустриализации: сущность понятия и основные характеристики

Особую роль человеческого капитала для реализации новой индустриализации доказывают результаты многих исследований [14,21,36].

С точки зрения Е.И. Клемашевой человеческий капитал является ключевым ресурсом новой индустриализации. К процессам новой индустриализации должны быть привлечены высококвалифицированные работники, при этом сокращается доля физического труда и возрастает роль умственного интеллектуального труда как массового и преобладающего в созидательном участии в процессе технологического обновления отраслей промышленности [14]. Накопление человеческого капитала через определённое время приведет к расширению промышленного сектора и повышению производительности труда [21].

Важным фактором развития технологической базы промышленности региона является человек как создатель и потребитель результатов экономического роста территории, от креативности, ментальности и предпринимательской активности которого возрастает значимость использования различных видов ресурсов региона для реализации новой индустриализации [36].

С позиции зарубежных исследователей человеческий капитал - это:

- знания и навыки [39], врожденные способности и опыт [40];
- образование и повышение квалификации [18];
- совокупность уникальных компетенций [19].

Человеческий капитал способствует обмену знаниями между людьми, при этом повышается производительность всех работников, что способствует экономическому росту региона [20].

Д.В. Диденко отмечает в своей работе, что человеческий капитал выступает важным фактором обеспечения прироста доходов экономических субъектов различного уровня. Автор рассматривает человеческий капитал как совокупность экономически ценных знаний, навыков, способности к восприятию и продуцированию новой информации. В условиях цифровой экономики важной является и творческая составляющая человеческого капитала [21]. Творческая составляющая человеческого капитала включает творческий характер труда, выраженный в наличие способности у работника модифицировать производственный процесс или характеристики конечной продукции непосредственно с запросами конкретного потребителя; разработка и внедрение знаниеемких технологий, диджитализация производственного процесса, повышение интеллектуалоемкости труда [17].

И.В. Гуськова определяет креативный человеческий капитал как результат инвестиций в человека, увеличивающий капитал образования, капитал здоровья, инновационный капитал, капитал культуры и пр., которые обеспечивают получение дохода в экономической деятельности, результатом которой является инновационный продукт. Авторы доказывают, что креативный человеческий капитал присущ представителям креативного класса и является движущей силой развития инновационной экономики [22].

Анализ результатов научных работ привёл нас к выводу, что нет единого мнения в научной среде относительно структурных составляющих человеческого капитала. Большинство исследователей к составляющим человеческого капитала относят: знания и навыки, профессиональный опыт, природные способности, повышение квалификации, профессиональное образование, творческие способности, социальную активность.

Характеристики человеческого капитала в современных научных исследованиях в основном представляются с позиции компетентностного подхода, актуальность которого обеспечивается следующими факторами: возрастающей скоростью технологических инноваций в продуктах и процессах; глобальным обновлением традиционной системы образования; высокой турбулентностью и изменчивостью внешней среды бизнеса; расширением наукоемких производств, автоматизацией и

роботизацией труда [23]. Под компетенцией в работе мы понимаем совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для эффективной деятельности в определённой предметной области или способность осуществлять какую-либо деятельность на их основе [34]

В работе А.С. Сигова и В.В.Сидорина определены качества инженеров для новой индустриализации: знания современных технологий, оборудования, информационных технологий; владение коммуникативными технологиями, этикой делового общения; стратегическое мышление; способности предвидения, прогнозирования тенденций развития технологии в своих и смежных направлениях деятельности для управления современным высокотехнологичным наукоемким производством; компетенции в области социальной, юридической и экономической деятельности; способность к развитию, поддержанию своей компетентности на уровне конкурентоспособности; готовность и способность к смене видов деятельности, перепрофилированию[41].

Развитие технологий, использование новых методов производства и применение научного инновационного подхода к реализации новой индустриализации приводит к необходимости новых характеристик качеств человеческого капитала: знаний высокотехнологичных процессов; навыки управления знаниеемкими технологиями; умений создания и управления процессами цифровой трансформации общества и производственного процесса; стремление к повышению интеллектуальной составляющей трудовой деятельности; креативность в выполнении и самостоятельность принятия некоторых рабочих решений; мотивация к постоянному усложнению своих знаний для решения насущных экономических и социальных задач [42].

Для выявления основных компетенций человеческого капитала для новой индустриализации важно учитывать её основные тренды в современных условиях: технологическая модернизация промышленности; автоматизация технологических процессов; информатизация управленческих процессов; цифровизация бизнес- процессов промышленных предприятий в их цифровые аналоги для получения операционных и финансовых эффектов; генерирование новых знаний для создания новых идей, прорывных технологий развития для внедрения в производственную деятельность и другие.

Для работы с технологиями Индустрии 4.0. важны следующие компетенции: 1) технологические компетенции (знания новейшей техники, IT-технологий, сетевых ресурсов; умение взаимодействовать с машинами; междисциплинарное и системное мышление, умение взаимодействовать с машинами, решение и оптимизации задач; способность координировать рабочие процессы); 2) управленческие компетенции (навыки и способности для решения общих проблем и принятия решений: аналитические и исследовательские навыки, разрешение конфликтов и проблем, творческий подход к решению поставленных задач); 3) социальные компетенции (социальные навыки, социальное и межличностное общение, способность передавать знания, лидерские качества, способность работать в команде) [43].

К ключевым компетенциям кадров для цифровой экономики с позиции государства относятся [44]:

-коммуникация и кооперация в цифровой среде как способность человека в цифровой среде использовать различные цифровые средства, позволяющие во взаимодействии с другими людьми достигать поставленных целей;

-саморазвитие в условиях неопределенности как способность человека ставить себе образовательные цели для развития нужных компетенций в направлении решения возникающих жизненных проблем, подбирать способы решения с использованием цифровых средств;

-управление информацией и данными как способность человека искать, анализировать и обрабатывать информацию с использованием цифровых средств с целью эффективного её использования;

-креативное мышление как способность человека генерировать новые идеи для решения производственных задач, выдвигать альтернативные варианты способов решения задач с целью

выработки новых оптимальных алгоритмов;

-критическое мышление в цифровой среде как способность человека в цифровой среде проводить оценку информации, ее достоверность, строить логические умозаключения на основании поступающих информации и данных.

О.Л. Чуланова в своей работе обосновывает важность для цифровой экономики наличие предпринимательских компетенций, которые включают группы навыков: когнитивные (логическое и креативное мышление, вербальная грамотность, умение решать проблемы, память и быстрота мышления); социальные и поведенческие (готовность получать новый опыт, саморегулирование, эмоциональная стабильность, принятие решений и навыки межличностного общения); технические (умение работать с материалами, механизмами и инструментами; технические навыки, приобретенные в процессе обучения или профессиональной подготовки, навыки, необходимые для работы по конкретной профессии); экспертные (синтез идей, умение быстро учиться, высокая способность адаптироваться к новому; перенос опыта прежней сферы в ту, в которую перешли недавно); профессиональные (освоение смежных профессий) [24]

Обусловленность новой индустриализации инновационными процессами выдвигает значимость инновационной компетентности человеческого капитала, которая включает:

-креативные навыки (генерирование идей, умение развивать творческие способности, использование различных подходов к решению проблем, использование новых идей при выполнении своих обычных обязанностей);

-навыки развития (установка на обучение, использование различных источников для получения нового знания и нового опыта, умения проанализировать свои достижения и недостатки, осуществление активного обмена опытом и знаниями с другими сотрудниками);

-навыки положительного восприятия инноваций (ориентация на высокие стандарты качества труда, способность легко усваивать и принимать новые технологии, инициативность во внедрении новых технологий, методов и приемов работы);

-навыки личной энергии и эффективности (ориентация на улучшение: наличие здоровых амбиций, интеллектуальное развитие, позитивный настрой на работу, готовность преодолевать препятствия, способность к самоанализу, к разумному риску) [25].

По мнению Е.И. Клемашевой творческая компонента человеческого капитала связана с инновационной компонентой, включающей в себя креативное мышление и кросс-функциональность, умение работать с большим объемом информации, генерировать новые знания и внедрять их в повседневные практики, адаптироваться к новым технологиям и интегрироваться с ними [14]. Основой знаний и творческой деятельности выступают научные ресурсы, которые используются через систему научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, в результате последних создаются новые технологии.

Обзор научных источников показал отсутствие единства в позициях исследователей в отношении компетенций человеческого капитала для новой индустриализации. Однако следует сделать вывод, что основной акцент в компетенциях сделан на информационные, цифровые, творческие компетенции.

Учитывая результаты научных работ и тренды новой индустриализации в современных условиях мы систематизировали компетенции человеческого капитала для новой индустриализации по следующим группам:

- технологические компетенции;
- управленческие компетенции;
- информационные компетенции;
- цифровые компетенции;
- коммуникативные компетенции;
- инновационно-творческие компетенции;

-компетенции саморазвития.

Содержание компетенций представлено в таблице 1.

Таблица 1-Компетенции человеческого капитала для новой индустриализации

Компетенции человеческого капитала	Содержание
Технологические компетенции	<p>-Знания современных наукоёмких технологий (в том числе IT-технологий), особенностей оборудования, сетевых ресурсов; бизнес-процессов, присущих современной организации;</p> <p>-умения взаимодействовать с автоматизированной техникой, машинами, роботами для координации рабочих производственных процессов;</p> <p>-навыки управления знаниеёмкими технологиями с целью гибкого и адекватного реагирования на изменения в технологической среде;</p> <p>-навыки использования математических инструментов в экономическом моделировании для оценки будущего состояния внешней среды, в которой находится производственный объект.</p>
Управленческие компетенции	<p>-Владение навыками системного управления современными прорывными технологическими проектами;</p> <p>-владение навыками руководства группами людей для решения вопросов функционирования высокотехнологичных производств, реализации долгосрочных программ и проектов в производственном секторе;</p> <p>-владение современными методами индустриального инжиниринга, междисциплинарного подхода, инструментами нового менеджмента в целях комплексной оптимизации рабочих процессов на промышленном предприятии;</p> <p>-способности к междисциплинарному, системному и стратегическому мышлению; прогнозированию тенденций развития техники и технологий в своих и смежных направлениях деятельности для управления современным высокотехнологичным наукоёмким производством.</p>
Информационные компетенции	<p>-Знания и умения при работе с общетехническими прикладными компьютерными программами (конструкторские САПР, САПР ТП, МКЭ-программы и т.д.);</p> <p>-навыки самостоятельного поиска, анализа, и отбора информации для её преобразования, сохранения и передачи с помощью информационных технологий для целей эффективного её использования в профессиональной деятельности;</p> <p>-навыки критического мышления для оценки достоверности информации, построения логических умозаключений на основании поступающих информации и данных.</p>
Цифровые компетенции	<p>Умения использовать различные цифровые средства для поиска, отбора и обработки информации с целью эффективного её использования в решении производственных задач.</p>
Коммуникативные компетенции	<p>-Знания современных инструментов коммуникации;</p> <p>-умение ясно и четко формулировать инженерно-технические задачи, аргументированно обосновывать их для продуктивного взаимодействия с людьми в процессе совместной деятельности;</p> <p>-умение осуществлять активный обмен знаниями, информацией, инновационными идеями, опытом работы с коллегами с учетом</p>

Компетенции человеческого капитала	Содержание
	<p>приоритета ценностей профессионализма над отношениями лояльности в отношениях с руководством;</p> <p>-способности к саморегуляции, самоконтролю, самоорганизации, принятию ответственности в процессе совместной деятельности для повышения интенсивности и качества труда.</p>
Инновационно-творческие компетенции	<p>-Навыки положительного восприятия инноваций (способность легко усваивать и принимать новые технологии, инициативность во внедрении новых технологий, методов и приемов работы);</p> <p>-навыки использования различных источников для получения нового знания и нового опыта;</p> <p>-умения генерировать новые идеи для решения производственных задач, выдвигать альтернативные варианты способов решения задач с целью выработки новых оптимальных алгоритмов;</p> <p>-аналитические и исследовательские навыки в оценке новых идей, управлении и проектировании технологических процессов.</p>
Компетенции саморазвития	<p>-Умение быстро учиться;</p> <p>-навыки личной энергии и эффективности (ориентация на позитивный настрой на работу, готовность преодолевать препятствия, способность к самоанализу, к разумному риску);</p> <p>-способность к повышению интеллектуальной составляющей трудовой деятельности, готовность осваивать новые знания и профессии, регулярное обновление знаний на основе повышения квалификации;</p> <p>-мотивация к постоянному усложнению своих знаний для решения насущных экономических и социальных задач;</p> <p>-способность адаптироваться к изменениям (профессиональная мобильность);</p> <p>-готовность работать в ситуации риска и неопределенности;</p> <p>-готовность брать ответственность за результаты труда;</p> <p>-способность к переносу опыта прежней сферы в новую сферу профессиональной деятельности.</p>

Источник: составлено авторами

-способность к переносу опыта прежней сферы в новую сферу профессиональной деятельности.

С нашей точки зрения, человеческий капитал новой индустриализации - это совокупность компетенций человека (технологических, управленческих, информационных, цифровых, коммуникативных, инновационно-творческих и саморазвития), которые позволяют ему осуществлять процессы новой индустриализации в регионе (производственные и технологические изменения в индустриальной базе региона, развитие крупных промышленных производств, автоматизация бизнес-процессов и распространение искусственного интеллекта в направлении повышения производительности труда и конкурентоспособности региона; формирование новых знаний для создания инновационных идей для формирования перспективных видов экономической деятельности)

Креативный класс: характерные признаки, ценности и потенциал для новой индустриализации

Креативный класс-объект многих научных исследований зарубежных и отечественных авторов.

Наиболее близким к тематике нашего исследования является определение креативного класса Р. Флориды. С позиции автора к креативному классу относятся люди, которые в пределах своей профессиональной или социальной деятельности являются новаторами, генератором развития, создателями «точек роста» [26].

Р. Флорида выделяет две составляющие креативного класса: 1)сверхактивное ядро, включающее ученых, инженеров, университетских профессоров, кто занимается творческой деятельностью на регулярной основе; 2) «креативные специалисты», работающие в сфере высоких технологий, финансов, права, здравоохранения, управления бизнесом, которые участвуют в решении творческих проблем, однако это не является их основной профессиональной обязанностью [26].

Представители креативного класса:

-люди труда, производящие материальные блага, которые являются перспективными носителями креативности в экономике [30];

-люди, деятельность которых основывается на интеллекте, знаниях, креативности[31];

-работники творческого труда, который характеризуется знаниями конкретной информации, собственными суждениями и самостоятельности в принятии решений[27];

-люди, способные разрабатывать идеи для обеспечения устойчивого опережающего развития человеческого и социального капиталов в условиях постиндустриальной экономики[28];

-люди, способные создавать нематериальные активы, приносящие материальные дивиденды [26];

-люди, которые являются основными драйверами роста городов и регионов, создают новые правила в жизни общества[29];

-люди, которые обладают высоким уровнем научных и профессиональных знаний, опытом практической деятельности, гуманистической идеологией и творческими способностями [33].

К характерным признакам креативного класса Р. Флорида относит смелость и самоуверенность в выдвижении и отстаивании идей [26].

Наиболее ёмко представлены характерные признаки креативного класса в исследовании Ю. Аксеновой и других:

-лояльность к своему времени: стремление ценить настоящее, комфортно жить в ситуации постоянных перемен современного мира;

-открытость и восприимчивость к новым знаниям: стремление быть в курсе новых технологий и достижений науки в различных сферах;

-стремление к обмену знаниями между собой для модификации новых знаний в собственном стиле на основе творчества;

-умение работать на стыке разных профессий и областей знания: совмещение умений и навыков из самых разных профессиональных сфер;

-умение легко адаптироваться в меняющемся мире: способность приспосабливаться к новым условиям;

-мобильность как внутренняя готовность к изменениям: умение психологически комфортно переносить смену обстановки, норм и правил поведения, легко переходить из одной системы корпоративных отношений к другой;

-стремление избежать регламента и строгих правил: гибкий график и абсолютная самостоятельность;

-высокая самооценка и развитая рефлексия по поводу собственной востребованности на рынке труда [26].

Представители креативного класса способны к: проявлению социальных инициатив, направленных на модернизацию российского общества; к формированию ценностных ориентиров в культурной жизни общества (самореализация в профессиональной деятельности, самообразование;

интеллект, знание, творческая активность и другие нематериальные ценности); созданию и реализации инновационных идей для получения экономических результатов в виде новой потребительской стоимости, удовлетворения спроса общества на товары и услуги [33].

Авторы научных работ по исследованию особенностей креативного класса, обращают внимание на транслируемые обществу ценности представителей креативного класса [26,31,32,33].

Ценностями представителей креативного класса являются:

-постматериалистические ценности, проявляющиеся через профессиональную деятельность, которая способствует формированию креативных пространств в современной городской культуре [31];

-экономические ценности -создание и реализация инновационных идей для получения экономических результатов в виде новой потребительской стоимости [32,33];

-ценности индивидуального своеобразия и самоутверждения, которые проявляются через создание индивидуальной тождественности, отражающей их личный творческий потенциал [26];

-ценности меритократии - оценка людей по их заслугам, интеллекту и способностям, профессиональному росту, обеспеченному собственными усилиями и способностями [26];

-интеллектуальные ценности получение интеллектуального удовлетворения в процессе работы, повышение профессиональной квалификации;

-социальные ценности через проявление социальных инициатив, направленных на модернизацию российского общества [33].

Основываясь на содержании компетенций человеческого капитала для новой индустриализации и принимая во внимание характерные признаки и ценности представителей креативного класса мы выявили потенциал креативного класса для новой индустриализации.

Потенциал креативного класса для новой индустриализации включает совокупность следующих составляющих: целевая, аксиологическая, интеллектуальная, деятельностная и социальная составляющие.

Целевая составляющая включает в себя способности представителей креативного класса ставить перед собой цели в профессиональной деятельности и добиваться их осуществления на основе самопознания, самоопределения и саморазвития.

Аксиологическая составляющая потенциала креативного класса заключается в том, что его представители являются носителями следующих высших ценностей в культурной жизни общества: интеллектуальный труд; знания; творческая активность; значимость профессионального развития; оценка людей по их заслугам, интеллекту и способностям, профессиональному росту, обеспеченному собственными усилиями и способностями.

Интеллектуальная составляющая потенциала креативного класса связана с открытостью и восприимчивостью к новым знаниям: получением, трансформацией и трансляцией новых знаний на основе информационных и цифровых технологий для профессионального развития, а также получение интеллектуального удовлетворения в процессе работы.

Деятельностная составляющая потенциала креативного класса обусловлена умением его представителей работать на стыке разных профессий и областей знания, участвуя в видах деятельности: экономической, творческой и инновационной. К результатам деятельности представителей креативного класса относятся: новые идеи, новый технологический бизнес, создание «точек роста» на территории отдельных регионов на основе достижений научно-технического прогресса и обеспечивающих их экономический рост, повышение экономических показателей деятельности организации, конкурентоспособность продукции. Результаты деятельности обеспечиваются такими качествами креативного класса как: знания информационных технологий, которые открывают доступ к базам данных и предоставляют возможности для моделирования и анализа данных, что в конечном итоге влияет на ход творческого процесса; профессиональный опыт, творческая инициатива, предпринимательская активность, нестандартность мышления, склонность

к риску; совмещение умений и навыков из самых разных профессиональных сфер; смелость и самоуверенность в выдвигании и отстаивании идей.

Социальная составляющая потенциала креативного класса связана с наличием способностей приспособления к окружающей среде. В современном обществе представителей креативного класса отличает умение легко адаптироваться в меняющемся мире как внутренняя готовность к изменениям (умение психологически комфортно переносить смену обстановки, норм и правил поведения, легко переходить из одной системы корпоративных отношений к другой); эмоциональная стабильность, принятие решений и навыки межличностного общения; стремление к социальной субъектности и участию в социальной жизни; толерантность как способность устанавливать творческие связи между представителями различных профессий для создания условий для появления новых идей.

Таблица 2- Потенциал креативного класса для формирования компетенций человеческого капитала для новой индустриализации

Составляющие потенциала креативного класса	Формируемые компетенции человеческого капитала для новой индустриализации
Целевая составляющая	технологические компетенции, управленческие компетенции, компетенции саморазвития, инновационно-творческие компетенции;
Аксиологическая составляющая	коммуникативные компетенции, инновационно-творческие компетенции, компетенции саморазвития;
Интеллектуальная составляющая	технологические компетенции, инновационно-творческие компетенции, компетенции саморазвития, инновационно-творческие компетенции;
Деятельностная составляющая	технологические компетенции, коммуникативные компетенции, информационные компетенции, цифровые компетенции, инновационно-творческие компетенции;
Социальная составляющая	коммуникативные компетенции, информационные компетенции, цифровые компетенции, управленческие компетенции.

Источник: составлено авторами

Заключение

Данное исследование уточняет и дополняет научные знания в области кадрового обеспечения новой индустриализации региона.

В процессе исследования были определены ключевые параметры новой индустриализации (диверсификация структуры экономики региона, цифровая трансформация отраслей промышленности, развитие крупных промышленных производств и территориально сконцентрированных промышленных зон, кластеризация промышленности и кооперация производства, автоматизация бизнес-процессов и распространение искусственного интеллекта, предпринимательская активность организаций промышленности в создании инновационных идей, наличие системы подготовки кадров (креативность; интеллект, ментальность и квалификация), что послужило основанием для определения компетенций человеческого капитала для новой индустриализации.

Уточнено понятие человеческого капитала новой индустриализации как совокупности компетенций человека (технологических, управленческих, информационных, цифровых, коммуникативных, инновационно-творческих и саморазвития), которые позволяют ему осуществлять процессы новой индустриализации в регионе (производственные и технологические изменения в индустриальной базе региона, развитие крупных промышленных производств, автоматизация бизнес-процессов и распространение искусственного интеллекта в направлении повышения производительности труда и конкурентоспособности региона; формирование новых

знаний для создания инновационных идей для формирования перспективных видов экономической деятельности).

Основываясь на содержании компетенций человеческого капитала для новой индустриализации и принимая во внимание характерные признаки и ценности представителей креативного класса мы выявили составляющие потенциала креативного класса и их содержание для новой индустриализации, который включает совокупность целевой, аксиологической, интеллектуальной, деятельностной и социальной составляющих.

Результаты исследования могут быть использованы при осуществлении процессов новой индустриализации в регионе. Вектор будущих исследований в изучении условий развития креативного класса в регионе для осуществления целей новой индустриализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 год. Утв. Указом Президента РФ от 01.12.2016, № 642. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/
2. Национальный проект «Цифровая экономика РФ» [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: - URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fya.ru%2f
3. Гордеев В.А. Цифровая экономика с позиции теоретической экономики / В.А. Гордеев, С.В. Шкиотов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление, 2019. - №2. - С. 250–253
4. Стукаленко Е. А. Уровень человеческого капитала как фактор развития цифровой экономики в России / Е. А. Стукаленко, В. С. Мосина // Идеи и идеалы = Ideas and Ideals, 2020. - Т. 12. - № 2, Ч. 2. - С. 297–321
5. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) (Распоряжением Правительства РФ от 06.10.2021 N 2816-р [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: - URL: <https://legalacts.ru/doc/prognoz-dolgosrochnogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-rossiiskoi-federatsii-na/?ysclid=loy40fmwmo185921188>
6. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. Ред. от 31.08.2019. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/
7. Силин Я. П. Региональные аспекты новой индустриализации / Я. П. Силин, Е. Г. Анимца, Н. В. Новикова // Экономика региона, 2017. - Т. 13, вып. 3. - С. 684-696
8. Новая индустриализация в РФ как фактор обгоняющего развития: первые итоги, причины торможения и пути их преодоления: коллективная монография; под ред. В.А. Гордеева, М.А. Угрюмовой, С.В. Шкиотова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2017. - 220 с.
9. Сабитова Н.М. Экономическое неравенство регионов и возможности новой индустриализации: Новая индустриализация России: экономика- наука-человек- природопользование // Материалы научных трудов VII Урал. науч. чтений. - Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. - 163 с. - С.25-27.
10. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики. Научный доклад / Е.Б. Ленчук, В.И. Филатов, Г.А. Власкин, А.Е. Иванов, И.И. Смотрицкая, С.И. Черных. - М., ИЭ РАН, 2013. - с.61
11. Шевченко С.А. Приоритеты региональной промышленной политики в условиях новой индустриализации России // Теоретическая экономика», 2019. - № 12(60). - С. 43-52.
12. Мяснянкина О. В. Ресурсные факторы и барьеры новой индустриализации в регионе / О. В. Мяснянкина, А. А. Зайцев // Регион: системы, экономика, управление, 2022. - №2(57). - С.9-12
13. Развадовская Ю.В. Новая индустриализация: фазы, доминанты и паттерны / Ю.В. Развадовская // Вестник Томского государственного университета. Экономика, 2020. - № 52. - С.292-295.
14. Клемашева Е.И. Инструменты воспроизводства и стимулирования вовлечения человеческого капитала в новую индустриализацию / Е.И. Клемашева // Азимут научных исследований: экономика и управление, 2018. - Т.7. - №3(24). - С.116-118.
15. Гордеев В.А. Индустриализация в СССР: актуальные и неактуальные для РФ аспекты: Монография / В.А. Гордеев, А.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. - 231 с.
16. Лукин Е.В. Организация и факторы новой индустриализации: монография / Е.В. Лукин, С.А. Кожевников, А.Е. Мельников. - Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. - 144 с.
17. Frey C.V. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? / C.V. Frey, M. A.

Osborne // *Technological Forecasting and Social Change*, 2017. - V. 114. - P. 254-280

18. Becker G. S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Chicago, USA: University of Chicago Press, 1994. - p.412.

19. Storey J. *Human resource management: Still marching on, or marching out?* / J. Storey. - Human resource management: A critical text, 1995

20. Lucas R. E. On the mechanics of economic development / R. E. Lucas // *Journal of Monetary Economics*, 1988. - Vol. 22. No. 1. - P. 3-42

21. Диденко Д. В. Взаимосвязи процессов формирования человеческого капитала и экономического роста: новые свидетельства на заре индустриализации российских регионов / Д. В. Диденко // *Теоретическая экономика*, 2020. - №6. - С.40-44

22. Гуськова И.В. Об условиях развития отечественного креативного человеческого капитала в новых социально-экономических реалиях / И.В. Гуськова, А.О. Грудзинский, Н.Е. Серебровская, Н.Н. Буреева // *Креативная экономика*, 2022. - Том 16. - № 12. - С. 4953-4972

23. Коковихин А. Ю. Новая индустриализация: разрыв в компетенциях и институты рынка труда / А. Ю. Коковихин, Т. А. Кансафарова, Н. В. Шарাপова // *Журнал экономической теории*, 2018. - Т. 15, №2. - С.316-318

24. Чуланова О.Л. Компетенции персонала в цифровой экономике: операционализация soft skills персонала организации с учетом ортобиотических навыков и навыков well-being [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: -URL: <https://esj.today/PDF/22ECVN219.pdf>

25. Катаргина Н. А. Разработка модели компетенций персонала организации в контексте формирования экономики знаний / Н. А. Катаргина // *Экономика Профессия Бизнес*, 2019. - №4. - С.31-34

26. Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. - Пер. с англ. - М.: Классика-XXI, 2007. - 421 с.

27. Martin, R., Florida, R., Pogue, M. and Mellander, C. (2015) 'Creativity, clusters and the competitive advantage of cities.' *Competitiveness Review* [Электронный ресурс] – Режим доступа свободный: -URL: <https://doi.org/10.1108/CR-07-2015-0069>

28. Howkins J. *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas* / J. Howkins. - London: Allen Lane, 2001. - P – 263. p.7-15.

29. Boschma R.A. Creative class and regional growth: Empirical evidence from seven European countries / R.A. Boschma, M. Fritsch // *Economic geography*, 2009. - Т. 85, №. 4. - С. 391- 423.

30. Будович Ю. И. Креативный класс-люди труда / Ю. И. Будович // *Экономические науки*, 2023. - №5 (222). - С.477-479

31. Петровская О. В. Ценности «креативного класса» в культуре постиндустриального общества: автор. дис. кандидата фил. наук, 2013. - Ростов - на - Дону. - 27с.

32. Седлецкий А. В. Предпосылки формирования креативного класса в постиндустриальном обществе / А. В. Седлецкий // *Социально-экономические явления и процессы*, 2018. - Т. 13, № 103. - С. 7-13

33. Креативный класс как объект экономической науки: теоретические аспекты определения сущности понятия / С.А. Шевченко, И.А. Морозова, Е.В. Кузьмина, М.И. Кузьмина, Ю.А. Москалев // *Экономика и предпринимательство*, 2021. - Т. 15, № 1 (126). - С. 32-36.

34. Волков А. Г. Кадровое проектирование для экономики нового технологического уклада. Мотивации и компетенции для социума нового поколения / А. Г. Волков, Д. А. Жданова, С. Ю. Ильин, Б. Г. Комаров, В. В. Лучинин // *ИННОВАЦИИ*, 2021. - № 2 (268). - С.3-8

35. Бузгалин А. В. Творческий человек в экономике будущего / А. В. Бузгалин // *Экономическое возрождение России*, 2022. - №1(71). - С.48-50

36. Татаркин А.И. Ресурсы новой индустриализации / А.И. Татаркин, О.А. Романова, Н.Ю. Бухвалов // *Вестник УРФУ: серия экономика и управление*, 2014. - № 3. - С.13-18

37. Шевченко С.А. Возможности умной специализации в проведении новой индустриализации в

регионе в контексте научно-технологического развития России / С.А. Шевченко, И.А. Морозова, Е.В. Кузьмина // Теоретическая экономика, 2022. - № 1. - С. 57-69

38.Миллер М.А. Новая индустриализация в контексте пространственного развития регионов/ М.А. Миллер // Вестник Омского университета. Серия «Экономика»,2019.- Т. 17, № 2.- С. 185-193

39.Schultz T.W. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. - N.Y., 1971. - P. 47.

40.Bontis N. Managing organizational knowledge by diagnosing intellectual capital: framing and advancing the state of the field/ N. Bontis // International Journal of Technology Management,1999. -№ 18(5). -P. 433-462

41.Сигов А.С. Требования к инженерам в условиях Новой Индустриализации и пути их реализации/ А.С.Сигов, В.В. Сидорин // Инженерное образование,2012.-№ 10.-С.80-91

42.Потягайлов С.В. Человеческий капитал как драйвер развертывания новой индустриализации/ С.В. Потягайлов, В.В. Гузырь, Е.С. Воробьева, З.А. Юсубова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент»,2021.-№3.-С.98-101

43.Кушниренко О. Н. Развитие навыков производственного персонала для Индустрии 4.0// Материалы III Междунар. науч. конф. Тенденции экономического развития в XXI веке.- Минск: БГУ, 2021.- 1052 с.- С.916-917

44.Приказ Минэкономразвития России от 24.01.2020 № 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: -URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bd31fe31b5135c35e402b702c346f304/41_24012020.pdf

Staffing for the new industrialization of the region in the context of the creative class concept

Shevchenko Svetlana Alekseevna

Candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia
E-mail: svetashv@mail.ru

Morozova Irina Anatolievna

Doctor of economics, professor
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia
E-mail: morozovaira@list.ru

Kuzmina Ekaterina Valerievna

Candidate of economic sciences, associate professor,
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia
E-mail: katerina993@yandex.ru

Annotation. A significant factor in the socio-economic development of the Russian Federation is highly qualified personnel. Man is a key resource for the economic growth of a territory, on whose creativity, mentality and entrepreneurial activity the scientific and technological development of industries depends. The purpose of this study is to clarify the concept and main characteristics of human capital and to identify the potential of the creative class for staffing the new industrialization of the region. The study used theoretical and empirical methods of scientific knowledge, which made it possible to identify and substantiate the potential of the creative class for staffing the new industrialization of the region. The methodological basis of the study is the works of domestic and foreign authors devoted to new industrialization, the essence of human capital and its characteristics, and the creative class. The work identifies the key parameters of new industrialization (diversification of the regional economic structure, digital transformation of industries, development of large industrial production and territorially concentrated industrial zones, industrial clustering and production cooperation, automation of business processes and the spread of artificial intelligence, entrepreneurial activity of industrial organizations in creating innovative ideas, the presence of a personnel training system (creativity; intelligence, mentality and qualifications), which served as the basis for determining the competencies of human capital for new industrialization. The concept of human capital of new industrialization was clarified as a set of human competencies (technological, managerial, information, digital, communication, innovation - creative and self-development), which allow him to carry out the processes of new industrialization in the region (production and technological changes in the industrial base of the region, the development of large industrial production, automation of business processes and the spread of artificial intelligence in the direction of increasing labor productivity and competitiveness of the region; formation of new knowledge to create innovative ideas for the formation of promising types of economic activity). The characteristic features and values of the creative class are clarified, on the basis of which its potential for staffing new industrialization in the region is identified, which includes target, intellectual, activity, axiological and social components. The results of the study can be used in the implementation of processes of new industrialization of the territory. A vector for future research in studying the conditions for the development of the creative class in the region to achieve the goals of new industrialization.

Keywords: region, human capital, creative class, new industrialization, digital economy, competencies.

Формирование стратегии национального развития на базе концепции управления человеческим капиталом

Тебекин Алексей Васильевич

доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор

МГИМО МИД России, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: Tebekin@gmail.com

Аннотация. Актуальность представленного исследования определяется необходимостью поиска путей выхода национальной экономики из кризиса 2020-х годов с конкурентными преимуществами, который осложнен:

- общемировыми проблемами преодоления глобального мирового экономического кризиса 2020-х годов;
- накопившимися в последние десятилетия внутренние проблемы развития национальной экономики, включая наличие значительного отставания от мировых лидеров, включая существенную утрату позиций технологического суверенитета по технологиям, с одной стороны, уходящих технологических укладов, но, с другой стороны во многом определяющие текущие возможности развития национального хозяйства за счет собственного производства;
- целенаправленное санкционное давление на российскую экономику коллективного Запада, интенсивность которого в последние годы выросла более чем на два порядка.

Целью представленного исследования является формирование стратегии эффективного развития национальной экономики на период роста экономической активности в рамках VI технологического уклада в период 2030-х годов.

Научная новизна представленного исследования заключается в обосновании того, что стратегия национального развития в 2030-е годы будет осуществляться на базе концепции управления человеческим капиталом, а также в формировании основных положений указанной стратегии.

Практическая ценность полученных результатов состоит в возможности их использования при стратегическом развитии национальной экономики в 2030-е годы посредством реализации концепции управления человеческим капиталом, инвариантной к масштабам и направлениям деятельности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: формирование стратегии, национальное развитие, концепции управления, человеческий капитал, 2030-е годы, технологические уклады

JEL codes: L2, D41, L2, O11, O15

Для цитирования: Тебекин, А.В. Формирование стратегии национального развития на базе концепции управления человеческим капиталом /А.В. Тебекин . - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №1. - С.62-74. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2024)

Введение

Несмотря на то, что достаточно много исследователей достаточно оптимистично (если не сказать инфантильно) увязали окончание мирового экономического кризиса 2020-го года с завершением активной фазы пандемии COVID-19, на самом деле очевидно, что глобальный кризис, подчиняющийся закономерностям полувековых циклов экономической активности в рамках технологических укладов достаточно инерционен, что мы и наблюдаем сегодня в мировой и национальной экономике [17].

Сегодня приходится констатировать, что классический комплекс задач управления, связанный с преодолением экономического кризиса (а именно: предвосхищение воздействий кризиса благодаря заблаговременным и точным прогнозам, прохождение кризиса с наименьшими издержками, выход из кризиса с конкурентными преимуществами [26]), в период 2020-х годов, в частности, в отечественной экономике, выполняется на неудовлетворительном уровне.

В этой связи представляется актуальной проблема формирования стратегии эффективного развития национальной экономики на период роста экономической активности в рамках VI технологического уклада в период 2030-х годов. Указанные обстоятельства и предопределили выбор темы представленного исследования.

Цель исследования

Таким образом, целью представленного исследования является формирование стратегии эффективного развития национальной экономики на период роста экономической активности в рамках VI технологического уклада в период 2030-х годов, обеспечивающей конкурентные преимущества на мировом экономическом пространстве.

Методическая база исследований

Методическую базу исследований составили известные научные работы, посвященные проблемам формирования стратегии национального развития таких авторов как Акимов Г.А. [11], Андрианов В.Д. [12], Гнилитская Е.В. [13], Гусарова М.С. [14], Косова Л.Н., Косова Ю.А. [19], Ленчук Е.Б. [20], Подберезкин А.И. [27], Сильвестров С.Н. [29], Тренев Н.Н. [36], Шелехов А.М. [25] и др.

Методическую основу исследований также составили указы Президента РФ и решения Правительства РФ, посвященные формированию стратегии национального развития [16,39] и др.

Основные результаты исследований

В основу проведенных исследований были положены результаты выявленных закономерностей управления социально-экономическими системами [33], в которых концепции управления, реализуемые в рамках малых циклов экономической активности (ЦЭА) К. Жугляра [7], последовательно сменяют друг друга по мере смены фаз экономической активности в рамках больших ЦЭА Н. Кондратьева [18], образуя тем самым пятифазную модель развития концепций менеджмента в рамках технологических укладов (ТУ), описание цикла которых применительно к VI-му ТУ приведено на рис.1.

Рисунок 1 – Описание цикла концепций менеджмента в рамках технологических укладов пятифазную модель развития применительно к VI-му ТУ

Источник: составлено авторами

Представленная 5-ти фазная модель описания процессов развития современного менеджмента предполагает циклическую смену в рамках ТУ следующих фаз:

- фазу кризиса ЭА, на которой инструменты менеджмента нацелены на преодоление экономического кризиса с минимальными издержками;
- фазу начала роста ЭА, когда инструменты менеджмента направлены на поиск путей наиболее быстрого развития;
- фазу приближения к пику ЭА, когда за счет использования избранных инструментов

менеджмента обеспечиваются наиболее высокие темпы развития;

- фазу начала спада ЭА, когда инструменты менеджмента нацелены на локализацию издержек за счет использования хорошо зарекомендовавших себя стандартизованных подходов к управлению;
- фазу приближения к экономическому кризису ЭА, на которой инструменты менеджмента одновременно нацелены и на локализацию всех видов издержек, и на определения рациональных путей преодоления кризиса, и на поиск перспективных путей выхода из кризиса.

Результаты авторской разработки динамики фаз ТУ и соответствующих им концепций менеджмента в рамках III-VI ТУ на баз материалов [33] представлена в табл.1.

Таблица 1 – Динамика фаз ТУ и соответствующих им концепций менеджмента в рамках III-VI ТУ

		Большие ЦЭА Н.Д. Кондратьева и соответствующие им ТУ			
		1870-1920-е гг. – тре-тий ТУ	1920-1970-е гг. – чет-вертый ТУ	1970-2020-е гг. – пя-тый ТУ	2020-2070-е гг. – ше-стой ТУ
Фазы ТУ, опреде-ляемые малыми ЦЭА К. Жугляра	Фаза кри-зиса, со-ответ- ствующая области минимума ЭА	1870-е гг. Нача-ло фор- мирова-ния кон-цепции научного управле-ния	1920-е гг. Концепция админи- стративного управления	1970-е гг. Концеп- ция ситуа- ционного подхода к управле-нию	2020-е гг. Концепция комбина- торного подхода к управле-нию
	Фаза начало подъема ЭА	1880-е гг. Фор- мирова-ния ос-новных положе-ний концеп-ции научного управле-ния	1930-е гг. Концепция управления с позиций психологии и человече-ских отно-шений	1980-е гг. Концеп-ция куль-туры управле-ния	2030-е гг. Концепция управления на основе использо- вания че- ловеческо-го капитала
	Фаза при- ближение к пику ЭА	1890-е гг. За-верше- ние форми- рования концеп-ции научного управле-ния	1940-е гг. Концепция эмпириче- ского или прагмати- ческого управления	1990-е гг. Концеп- ция инно- вационно-го подхода к управле-нию	2040-е гг. Концепция управления на основе использо- вания ин- теллекту- ального ка-питала
	Фаза начала спада ЭА после прохож-дения пи-ка	1900-е гг. Реа-лизация концеп-ции научного управле-ния	1950-е гг. Концепция системного подхода к управлению	2000-е гг. Концеп-ция управле-ния по це-лям	2050-е гг. Концепция управления интеллек- туальным капиталом организа-ции на ос-нове си-стемного подхода

		Большие ЦЭА Н.Д. Кондратьева и соответствующие им ТУ			
		1870-1920-е гг. – тре-тий ТУ	1920-1970-е гг. – чет-вертый ТУ	1970-2020-е гг. – пя-тый ТУ	2020-2070-е гг. – ше-стой ТУ
	Фаза быстрого спада ЭА при приближении к экономическому кризису	1910-е гг. Развитие концепции научного управления	1960-е гг. Концепция поведенческого подхода к управлению	2010-е гг. Концепция управления на основе информационных технологий	?

Источник: составлено авторами

Анализ закономерностей развития концепций менеджмента в фазе начала подъема ЭА (см. табл.1) показывает, что все они базируются на осознании менеджментом организации того, что главной движущей силой роста экономической активности после фазы преодоления кризиса (рис.1) является совокупность знаний, умений и навыков сотрудников организации, обеспечивающих ее эффективное развитие.

При этом, если в фазе кризиса ЭА (см. рис.1) у менеджмента (причем как предприятий на микроуровне, так и государств на макроуровне) происходит осознание несоответствия между уровнем развития производительных сил и характером сложившихся производственных отношений по К. Марксу [21], то в фазе начала роста ЭА у менеджмента предприятий и организаций приходит осознание того, что люди (сотрудники) – это главная ценность (человеческий капитал [3,8,9]) управляемой системы, но возможности материального поощрения их труда еще отстают от уровня затрат этого труда, в связи с чем и идет активный поиск технологий и инструментов нематериального поощрения труда.

Это касается и развития менеджмента 1880-х годов, когда Г. Таун настаивал на возможности использования огромного потенциала инженеров при обогащении их экономическими знаниями [10], чем очень впечатлил основоположника школы научного управления Ф. Тейлора [34].

Это касается и развития концепций менеджмента в 1930-е годы, когда Э. Мейо в рамках Хоторнского эксперимента [2] продемонстрировал, что и поведение человека в организации, и результаты его труда полностью зависят от социальных условий, в которых ему (человеку) приходится находиться в рамках этой организации, а также от отношений, складывающихся как между рабочими, так и между рабочими и управленцами (менеджерами) [5].

Ставка на человеческий потенциал при обеспечении эффективного развития предприятий являлась доминирующей и в концепции менеджмента 1980-х годов, когда в условиях жесткой товарной конкуренции при насыщении рынка в период роста экономической активности на первый план стали выходить преимущества в культуре управления, включающей повышение культуры взаимоотношений: между сотрудниками, между руководителями и сотрудниками, а также между фирмами-стейкхолдерами.

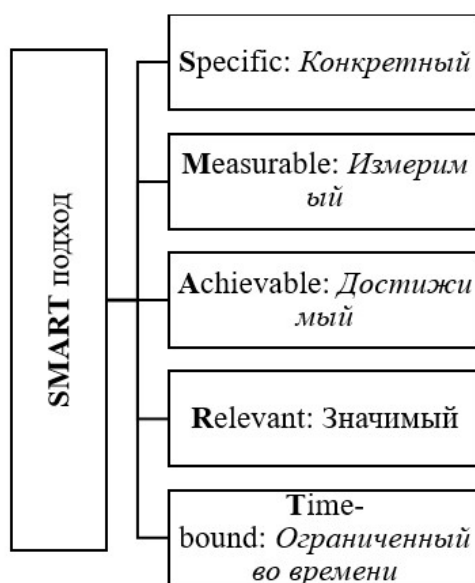
Также было обосновано [32], что в развитии менеджмента 2030-х гг. будет доминировать концепция на основе использования человеческого капитала, поскольку именно человек как генератор новых знаний способен обеспечить интенсивный экономический рост предприятия в рамках развития VI-го ТУ постиндустриальной экономики [32].

Не случайно в последние десятилетия начинают активно развиваться креативные индустрии [6], базирующиеся:

- во-первых, на использовании высоких технологий, которые основаны открытиях из различных областей знаний (т.е. на основе межотраслевых исследований);
- во-вторых, на высокой доле креативной составляющей человеческого труда;

- в-третьих, на острой необходимости наращивания на большой объем уже существующих знаний, которыми должен владеть сотрудник, новыми знаниями, которые должны генерировать сотрудники.

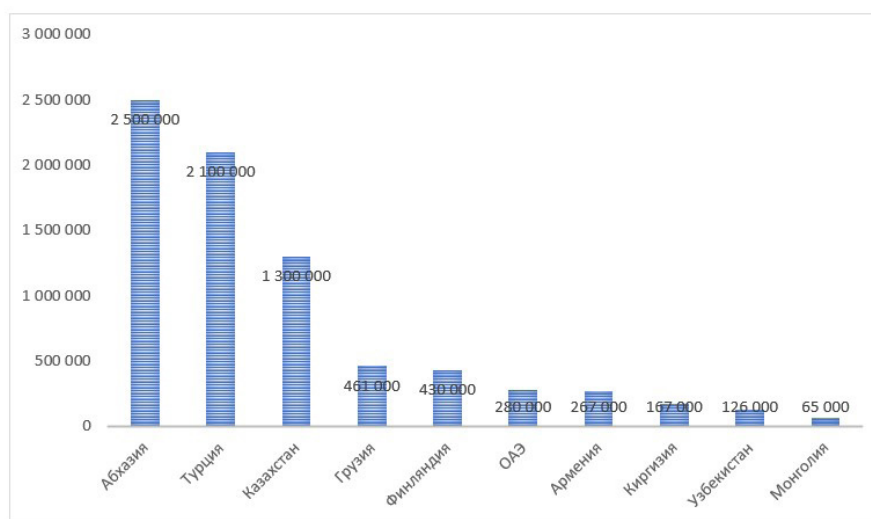
В качестве ключевой проблемы реализации концепции на основе использования человеческого капитала при мотивации менеджментом сотрудников к достижению более высоких результатов в деятельности организации (как на микро-, так и на макро-, то есть национальном уровне), описываемой с точки зрения SMART подхода как метода постановки целей развития управляемой системы, который помогает выбрать формулировку желаемого результата, дает осознание выбранного направления и помогает организовать процесс достижения целей [4] (рис.2) является, в первую очередь определение значимых и конкретных целей.

Рисунок 2 – Составляющие SMART подхода

Источник: составлено авторами

Если анализировать итоги развития Российской Федерации в 2022 году, то следует отметить, что одной из серьезных проблем этого периода явился отток населения из страны пример статистики, которого за III квартал 2022 года [30] представлен на рис.3.

Рисунок 3 – Статистика выехавших людей из России в III квартале 2022 года в разные страны

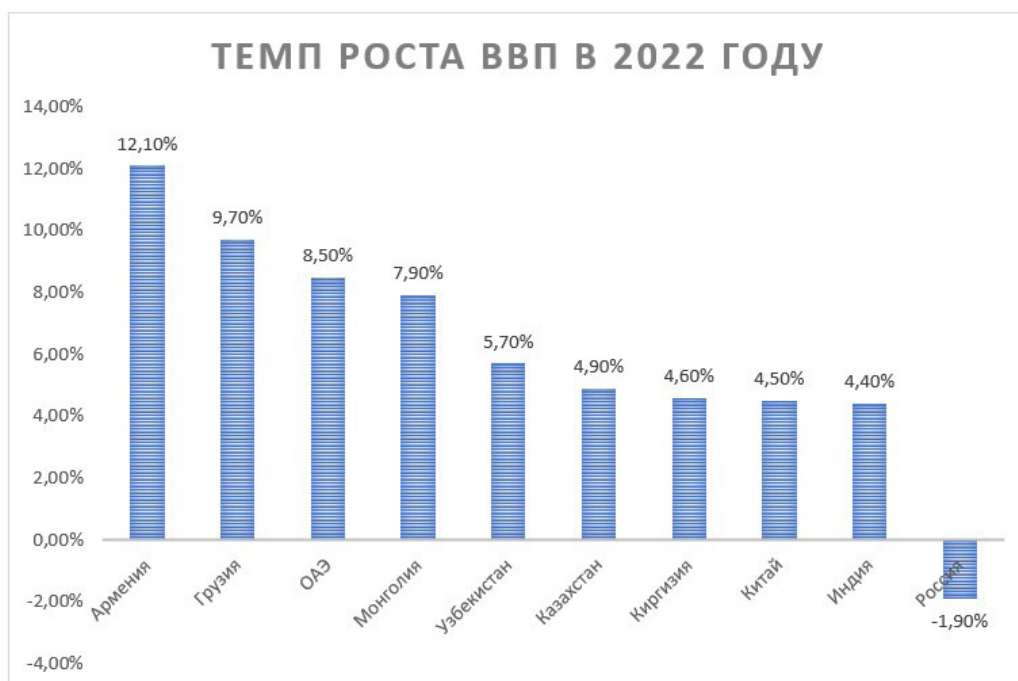
Источник: составлено авторами

Можно сколь угодно много дискутировать по поводу причин отъезда россиян из страны в 2022 году (отдых, рабочие командировки, учеба и т.д.) [24].

Но при этом сложно отрицать, что именно достаточно массовый отъезд за рубеж россиян наиболее экономического возраста укрепил экономики (на 10%) и национальные валюты (на 20-30%) таких бывших республик СССР как Армения и Грузия [22]. И это явная недоработка менеджеров, отвечающих за отечественную внутреннюю политику на уровне государства.

Разумеется, что мигрировавшие в 2022 году в Армению, Грузию и другие страны россияне в подавляющем большинстве случаев продолжили работать удаленно в своих прежних компаниях, с которыми и связаны их доходы. Но при этом расходы мигрировавшие россияне (на жилье, питание, транспорт, связь и т.д.) производят именно в станах пребывания, развивая их потребительский рынок и поднимая национальные экономики.

Соотношение темпов роста ВВП за последний год в Российской Федерации и странах, в которых наблюдалась наибольшая миграция россиян (в первую очередь в страны-бывшие республики СССР), а также традиционно быстро растущих экономики Китая и Индии [35] представлено на рис.4.

Рисунок 4 – Соотношение темпов роста ВВП за 2022 год в Российской Федерации, в странах, в которых наблюдалась наибольшая миграция россиян, а также в Китае и Индии

Источник: составлено авторами

Следует отметить, что все это происходит на фоне неблагоприятной демографической ситуации в Российской Федерации, население которой в 2022 году сократилось на 555 тыс. человек [23], а также низкого уровня предпринимательской уверенности (особенно в сфере обрабатывающих производств) (рис.5) [15], объясняемого в первую очередь неопределенностью экономической ситуации (рис.6) [15].

Следует отметить, что руководство страны сегодня ставит задачи по исправлению ситуации с развитием человеческого капитала, включая:

- сохранение населения, здоровья и благополучия людей [40] (рис.7);
- создание привлекательных механизмов для снижения оттока россиян из страны [37];
- предложение объявить «пятилетие предпринимательского созидательного труда» [28];
- и т.д.

Однако реализация перечисленных задач требует от менеджмента макро- (в первую очередь), мезо- и микроуровня формирования устойчивой системы мотивационных факторов, заложенных в

системе ценностей управляемой организации (рис.8).

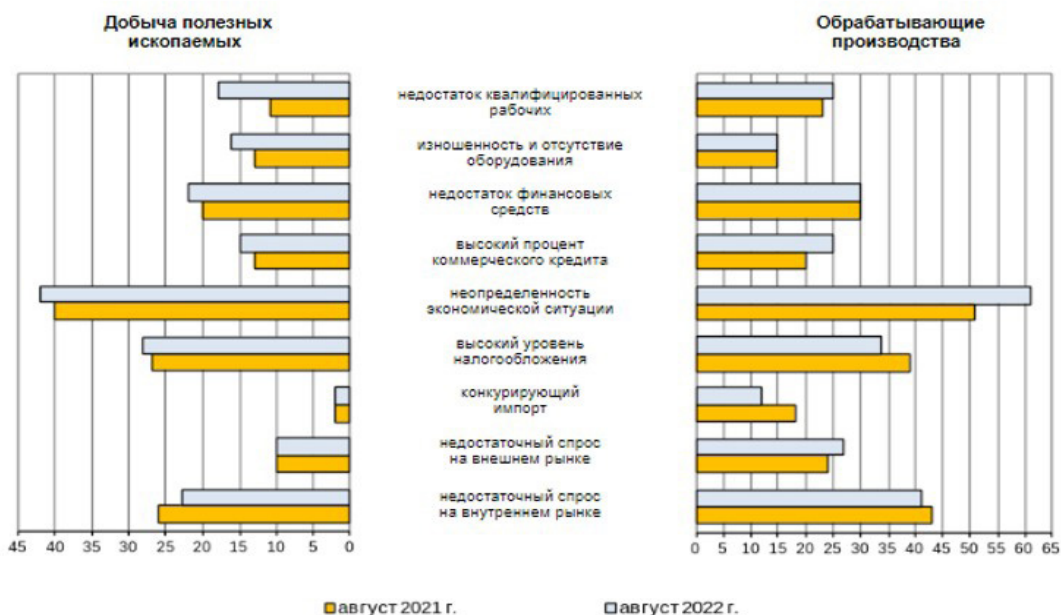
Однако с формированием системы ценностей, позволяющей аккумулировать человеческий капитал и максимально использовать людской потенциал на благо созидательного развития отечественный топ-менеджмент сегодня испытывает существенные проблемы.

**Индексы предпринимательской уверенности организаций
(с исключением сезонного фактора)
в процентах**

Рисунок 5 – Индекс предпринимательской уверенности в добывающих и перерабатывающих отраслях Российской Федерации в период с 2019 по 2022 годы по данным Росстата [15]

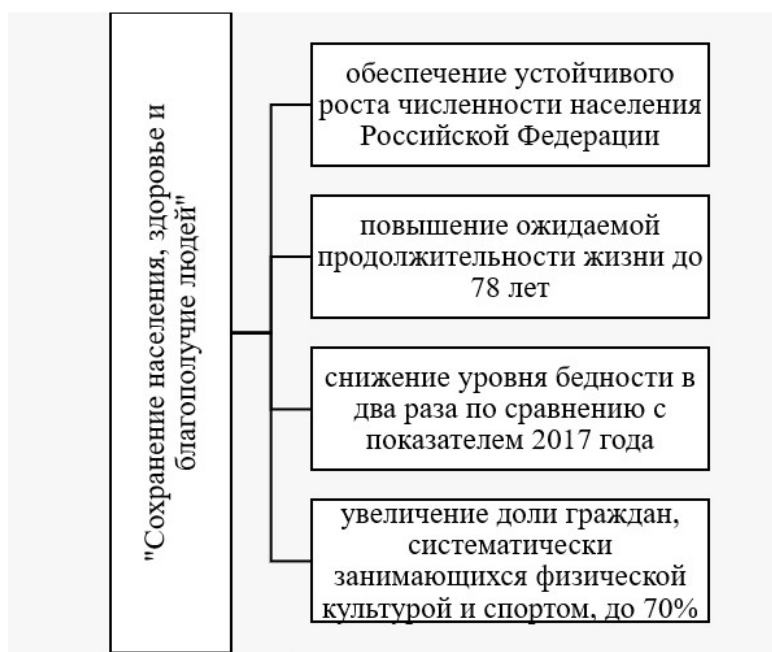
Источник: составлено авторами

Рисунок 6 – Результаты оценки факторов, сдерживающих рост производства в добывающих и перерабатывающих отраслях Российской Федерации в 2022 году по сравнению с 2021 годом по данным Росстата

Источник: Деловая активность организаций в России в августе 2022 года

Рисунок 7 – Составляющие национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей»

Источник: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Рисунок 8 – Центральное место системы ценностей в модели стратегического развития 7S McKinsey [1]

Источник: A Brief History of the 7-S («McKinsey 7-S»)

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, проведенные исследования показали, что сегодня комплекс задач управления, связанный с преодолением экономического кризиса (а именно: предвосхищение воздействий кризиса благодаря заблаговременным и точным прогнозам, прохождение кризиса с наименьшими издержками, выход из кризиса с конкурентными преимуществами), в период 2020-х годов, в частности, в отечественной экономике, выполняется на неудовлетворительном уровне.

В этой связи представляется актуальной проблема формирования стратегии эффективного

развития национальной экономики на период роста экономической активности в рамках VI технологического уклада в период 2030-х годов, обеспечивающей конкурентные преимущества на мировом экономическом пространстве.

В основу проведенных исследований были положены результаты выявленных закономерностей управления социально-экономическими системами, в которых концепции управления, реализуемые в рамках малых циклов экономической активности К. Жугляра, последовательно сменяют друг друга по мере смены фаз экономической активности в рамках больших ЦЭА Н. Кондратьева, образуя тем самым пятифазную модель развития концепций менеджмента в рамках технологических укладов.

Анализ закономерностей развития концепций менеджмента в фазе начала подъема экономической активности показывает, что все они базируются на осознании менеджментом организации того, что главной движущей силой роста экономической активности после фазы преодоления кризиса является совокупность знаний, умений и навыков сотрудников организации, обеспечивающих ее эффективное развитие. При этом, если в фазе кризиса экономической активности у менеджмента происходит осознание несоответствия между уровнем развития производительных сил и характером сложившихся производственных отношений по К. Марксу, то в фазе начала роста экономической активности у менеджмента предприятий и организаций приходит осознание того, что люди (сотрудники) – это главная ценность (человеческий капитал) управляемой системы, но возможности материального поощрения их труда еще отстают от уровня затрат этого труда, в связи с чем и идет активный поиск технологий и инструментов нематериального поощрения труда.

Указанные закономерности, прослеживаемые в развитии менеджмента 1880-х, 1930-х, 1980-х годов, соответствующих фазе роста экономической активности в рамках экономических укладов, ожидается, что в развитии менеджмента 2030-х гг. будет доминировать концепция на основе использования человеческого капитала, поскольку именно человек как генератор новых знаний способен обеспечить интенсивный экономический рост предприятия в рамках развития VI-го ТУ постиндустриальной экономики. Не случайно в последние десятилетия начинают активно развиваться креативные индустрии, базирующиеся: на использовании высоких технологий, которые основаны на открытиях из различных областей знаний (т.е. на основе межотраслевых исследований); на высокой доле креативной составляющей человеческого труда; на острой необходимости наращивания на большой объем уже существующих знаний, которыми должен владеть сотрудник, новыми знаниями, которые должны генерировать сотрудники.

В качестве ключевой проблемы реализации концепции на основе использования человеческого капитала при мотивации менеджментом сотрудников к достижению более высоких результатов в деятельности организации (как на микро-, так и на макро-, то есть национальном уровне), описываемой с точки зрения SMART подхода как метода постановки целей развития управляемой системы, который помогает выбрать формулировку желаемого результата, дает осознание выбранного направления и помогает организовать процесс достижения целей является, в первую очередь определение значимых и конкретных целей.

Однако, анализ итогов развития Российской Федерации в 2022 году, то следует отметить, что одной из серьезных проблем этого периода явился отток населения из страны, что свидетельствует об определенном непонимании и не разделении задаваемых целей определенной частью экономически активного населения. При этом отток населения негативно сказывается на процессах социально-экономического развития страны.

Следует отметить, что руководство страны сегодня ставит задачи по исправлению ситуации с развитием человеческого капитала, включая: сохранение населения, здоровья и благополучия людей; создание привлекательных механизмов для снижения оттока россиян из страны; предложение объявить «пяtilетие предпринимательского созидательного труда» и т.д.

Реализация перечисленных задач требует от менеджмента макро- (в первую очередь), мезо- и микроуровня формирования устойчивой системы мотивационных факторов, заложенных в системе

ценностей управляемой организации.

Однако с формированием системы ценностей, позволяющей аккумулировать человеческий капитал и максимально использовать людской потенциал на благо созидательного развития отечественный топ-менеджмент сегодня испытывает существенные проблемы.

Решением именно этой проблемы представляется сегодня краеугольным камнем обеспечения эффективности стратегического развития национальной экономики в 2030-е годы посредством реализации концепции управления человеческим капиталом, инвариантной к масштабам и направлениям деятельности хозяйствующих субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. A Brief History of the 7-S («McKinsey 7-S») Model. <https://tompeters.com/2011/03/a-brief-history-of-the-7-s-mckinsey-7-s-model/> (дата обращения 20.05.2023)
2. Adair G. (1984) «The Hawthorne effect: A reconsideration of the methodological artifact» *Journal of Appl. Psychology* 69 (2), 334—345.
3. Becker, Gary S. *Human Capital*. — N.Y.: Columbia University Press, 1964.
4. Doran, G. T. There's a S.M.A.R.T. way to write management's goals and objectives // *Management Review*. — 1981. — Vol. 70, no. 11. — P. 35–36.
5. Elton Mayo (1933) *The human problems of an industrial civilization* (New York: MacMillan).
6. Howkins, John (2001), *The Creative Economy: How People Make Money From Ideas*, Penguin.
7. Juglar C. *Des Crises commerciales et leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis*, — Paris, 1862.
8. Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. // *Journal of Political Economy*, Vol. 66, No. 4 (Aug., 1958), pp. 281—302.
9. Shultz T. Human Capital in the *International Encyclopedia of the Social Sciences*. — N.Y., 1968, vol. 6.
10. Towne, Henry R. «The Engineer as Economist», *Proceedings of the American Society of Mechanical Engineers* 7 (1886), 425ff.
11. Акимов, Г. А. Стратегия национальной безопасности РФ в свете современных угроз / Г. А. Акимов. — Текст: непосредственный // *Молодой ученый*. — 2022. — № 13 (408). — С. 169-171.
12. Андрианов В.Д. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ ДО 2030 г. И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ. // *РОССИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ*. Ежегодник. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием. Том Выпуск 17. Часть 1. Отв. редактор В.И. Герасимов. Москва, 2022. С.16-30.
13. Гнилитская Е.В. Формирование национальной конкурентоспособной стратегии развития в условиях глобализации // *Российское предпринимательство*. — 2005. — Том 6. — № 4. — С. 13-20.
14. Гусарова М.С. Проблемы инновационного развития России: анализ факторов и институциональные решения // *Вопросы инновационной экономики*. — 2021. — Том 11. — № 4. — С. 1383-1402.
15. Деловая активность организаций в России в августе 2022 года. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/145_31-08-2022.html (дата обращения 20.05.2023)
16. ЕДИНЫЙ ПЛАН ПО ДОСТИЖЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2024 ГОДА И НА ПЛАНОВЫЙ ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА. ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 1 октября 2021 года. https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/edinyy_plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2024_goda_i_na_planovyy_period_do_2030_goda.html (дата обращения 20.05.2023)
17. Задержка в глобальном развитии затягивается. <https://www.kommersant.ru/doc/5900696> (дата обращения 20.05.2023)
18. Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики. — 1-е изд. — М., 1928. — 287 с.
19. Косова Л.Н., Косова Ю.А. Стратегия экономического развития страны: подходы и цели. // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. — 2020. — № 9-2. — С. 260-268.
20. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения. // *Инновации*. 2020. №2, с.24-28.
21. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. -2-е изд. - Т. 46. - Ч. II. - М.: Политиздат, 1969.
22. Массовый переезд россиян укрепил экономики и национальные валюты Армении и Грузии.

<https://www.forbes.ru/biznes/480913-massovyj-perezhd-rossian-ukrepil-ekonomiki-i-nacional-nye-valuty-armenii-i-gruzii> (дата обращения 20.05.2023)

23. Население России за год сократилось на 555 тыс. человек. <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2023/63da428b9a7947e741363c53> (дата обращения 20.05.2023)

24. Не надо записывать всех в предатели: Сколько россиян покинуло страну после 24 февраля и почему они уезжают. <https://www.kp.ru/daily/27403.3/4598843/> (дата обращения 20.05.2023)

25. Основные положения стратегии устойчивого развития России /Под ред. А.М. Шелехова. М., 2002. - 161 с.

26. Основы антикризисного управления. (Аспирантура, Бакалавриат, Магистратура). Учебник. / Тебекин А.В., Валявский А.Ю., Лукошевичус Г.А., Манюшис А.Ю., Петров В.С. – Москва: Русайнс, 2020. – 162 с.

27. Подберезкин А.И. Формирование новой парадигмы стратегии национального развития и безопасности России – парадигмы «патриотической либеральной автаркии». <https://viperson.ru/articles/formirovanie-novoy-paradigmy-strategii-natsionalnogo-razvitiya-i-bezopasnosti-rossii-paradigmy-patrioticheskoy-liberalnoy-avtarkii> (дата обращения 20.05.2023)

28. Путин предложил объявить «пятилетие созидательного труда». <https://www.rbc.ru/economics/26/05/2023/6470a3449a7947784f7775c3> (дата обращения 20.05.2023)

29. Разработка системы стратегического планирования и ее интеграция в систему государственного управления: Сборник материалов симпозиума «Проблемы стратегического управления», Москва, 11 апреля 2019 г. / Под ред. С. Н. Сильвестрова. М.: Когито-Центр, 2019. – 170 с.

30. Сколько уехало и вернулось россиян: актуальная статистика миграции за 2022 год. <https://www.puteshestvuy.com/skolko-uehalo> (дата обращения 20.05.2023)

31. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 20.05.2023)

32. Тебекин А.В. К вопросу о формировании концепции менеджмента 2030-х гг. / А.В. Тебекин // Вестник Московского финансово-юридического университета. — 2019. — №2. — С. 168-176.

33. Тебекин А.В., Тебекин П.А., Егорова А.А. ФАЗОВЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ МЕНЕДЖМЕНТА В XX-XXI ВЕКАХ. // Транспортное дело России. 2020. № 1. С. 87-96.

34. Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента / Тейлор Фредерик Уинслоу; Пер. с англ. А. И. Зак. - Москва: Журн. «Контроллинг»: Изд-во стандартов, 1991. - 104 с.

35. ТЕМПЫ РОСТА ВВП (Г/Г) - СПИСОК СТРАН. <https://ru.tradingeconomics.com/country-list/gdp-annual-growth-rate> (дата обращения 20.05.2023)

36. Тренев Н.Н. Особенность формирования стратегии развития Российской Федерации. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014, т. 10, вып. 24, с. 29-36.

37. Указ Президента РФ от 12.05.2023 N 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. N 622». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446952/ (дата обращения 20.05.2023)

38. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 “О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года”. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (дата обращения 20.05.2023)

39. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (дата обращения 20.05.2023)

40. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». <https://base.garant.ru/74404210/> (дата обращения 20.05.2023)

Formation of a national development strategy based on the concept of human capital management

Tebekin Alexey Vasilyevich

Doctor of Technical Sciences, Doctor of Economics, Professor

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

E-mail: Tebekin@gmail.com

Annotation. The relevance of the presented study is determined by the need to find ways to exit the national economy from the crisis of the 2020s with competitive advantages, which is complicated by:

- global problems of overcoming the global economic crisis of the 2020s;
- the internal problems of the development of the national economy that have accumulated in recent decades, including the presence of a significant lag behind the world leaders, including a significant loss of positions of technological sovereignty in terms of technologies, on the one hand, outgoing technological modes, but, on the other hand, largely determine the current opportunities for the development of the national economy for own production account;
- purposeful sanctions pressure on the Russian economy of the collective West, the intensity of which has increased by more than two orders of magnitude in recent years.

The purpose of the presented study is to form a strategy for the effective development of the national economy for the period of growth of economic activity within the framework of the VI technological order in the period of the 2030s.

The scientific novelty of the presented study lies in the justification that the national development strategy in the 2030s will be based on the concept of human capital management, as well as in the formation of the main provisions of this strategy.

The practical value of the results obtained lies in the possibility of their use in the strategic development of the national economy in the 2030s through the implementation of the concept of human capital management, which is invariant to the scale and activities of economic entities.

Keywords: strategy formation, national development, management concepts, human capital, 2030s, technological paradigms.

Сравнение равновесий Нэша и Штакельберга в модели коллективных действий

Цуриков Владимир Иванович

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кострома, Российская Федерация.
E-mail: tsurikov@inbox.ru

Скаржинская Елена Матвеевна

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», г. Кострома, Российская Федерация.
E-mail: yelena.skarczinsky@gmail.com

Аннотация. С помощью математического моделирования проводится сравнение результатов коллективных действий, достигаемых в условиях их различной координации. Предполагается, что члены коллектива получают совокупный доход, величина которого возрастает с ростом прилагаемых ими усилий и подчиняется закону убывающей отдачи. Влияние координации на эффективность их действий обусловлено комплементарностью усилий, которая выражается в том, что рост объема усилий, прилагаемых каждым из агентов, приводит к росту предельного дохода по усилиям любого другого агента. Образование коалиции (малой группы), члены которой стремятся к максимуму коалиционного выигрыша, позволяет коллективу избежать ловушки «плохого равновесия» Нэша, в которую он попадает при автономном выборе каждым участником размера своих усилий. Анализируются и сравниваются результаты двух игр с участием коалиции: одновременной, в которой достигается равновесие по Нэшу, и последовательной с достижением равновесия по Штакельбергу. В последовательной игре члены коалиции играют роль лидера и поэтому первыми осуществляют свои усилия. Все некооперированные агенты играют роль последователей и определяют объемы прилагаемых ими усилий с учетом размеров усилий, уже осуществленных членами коалиции. Соответственно, члены коалиции, учитывая стремление каждого некооперированного агента к максимуму своего индивидуального выигрыша в условиях его информированности относительно размеров коалиционных усилий определяют методом обратной индукции оптимальный объем своих усилий. В результате применения коалицией стратегии Штакельберга величина совокупного дохода и выигрыш каждого члена коллектива в последовательной игре оказываются выше, чем в одновременной коалиционной игре.

Ключевые слова: коллективные действия, коалиция, равновесие Нэша, стратегия Штакельберга, эффективность по Парето

JEL codes: C31; D23; D61; D62

Для цитирования: Цуриков, В.И. Сравнение равновесий Нэша и Штакельберга в модели коллективных действий / В.И. Цуриков, В.И. Цуриков. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №1. - С75-86. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2024)

Введение

Работа посвящена теоретическому исследованию возможностей для повышения эффективности коллективных действий, направленных на получение совокупного дохода. Предполагается, что величина дохода возрастает с ростом объема индивидуальных усилий, прилагаемых каждым членом коллектива. По завершении усилий доход распределяется в заранее оговоренных относительных долях между всеми участниками. Чистый доход (выигрыш) каждого агента равен разности между получаемой им частью совокупного дохода и объемом приложенных им усилий в его денежном эквиваленте. Каждый участник коллектива стремится к максимуму своего индивидуального выигрыша.

Все агентам выгодно участвовать в коллективных действиях в силу синергетического эффекта, который обусловлен комплементарностью усилий, т.е. положительным влиянием, оказываемым

усилиями одного (любого) члена коллектива на усилия другого. В нашем случае связь между усилиями агентов такова, что рост усилий со стороны одного агента приводит к увеличению предельного дохода по усилиям другого агента. Математически она выражается в том, что производная второго порядка от совокупного дохода по усилиям двух разных агентов строго больше нуля.

В работе [1] мы показали, что если каждый член коллектива в стремлении к максимуму своего индивидуального выигрыша выбирает объем своих усилий автономно (независимо от других агентов), то коллектив попадает в ловушку «плохого», по выражению Р. Капелюшника [2, с. 9-10], равновесия Нэша (обозначаемое ниже как N). Существует бесчисленное множество Парето-предпочтительных исходов, причем таких, в каждом из которых выигрыши всех агентов выше, чем в плохом равновесии.

Достижение любого предпочтительного по Парето исхода требует приложения усилий в большем объеме. Но, что очень важно, каждому агенту выгодно прилагать дополнительные усилия только в том случае, когда он твердо уверен, что так же поступают и его партнеры. Как видим, проблема недоинвестирования тесно связана с проблемой координации действий, которая порождается проблемой заслуживающих доверие обязательств, характерной для гибридных организационных форм [3, гл. 7-8]. Отметим, что аналогичные условия наряду с эгоистическими устремлениями участников являются причиной недоинвестирования со стороны контрагентов в моделях неполного контракта [4-8; 9, с. 50-54; 10, с. 293-301] Они же порождают проблему морального риска в модели Бенгта Хольмстрёма [11].

В работе [1] нами рассмотрена возможность повышения эффективности коллективных действий путем образования в коллективе коалиции и реализации ею коалиционной стратегии. Под коалицией мы понимаем сложившуюся из членов коллектива небольшую группу агентов, полностью доверяющих друг другу и способных осуществить свои усилия в тех объемах, которые необходимы для максимизации коалиционного выигрыша. В [1] показано, что коалиционная стратегия приводит коллектив к равновесию Нэша (далее для него используется обозначение: N) в коалиционной игре, в которой коалиция выступает как единый игрок, максимизирующий коалиционный выигрыш, а каждый некооперированный член коллектива по-прежнему максимизирует свой индивидуальный выигрыш. Это равновесие оказывается доминирующим плохое равновесие Нэша N .

Коалиционная стратегия, приводящая коллектив к равновесному по Нэшу исходу, оказывается не единственным способом координации усилий членов коллектива, позволяющим им избежать плохого равновесия. Предпочтительный по Парето исход коллектив может достичь в результате появления в коллективе лидера по Штакельбергу.

Напомним, что первоначально модели Курно [12] и Штакельберга [13] были разработаны для дуополии. Позднее они были обобщены на произвольное количество компаний [14-17] и на многопродуктовые рынки [18]. Если в модели Курно обе фирмы равноправны, то модель Штакельберга предполагает отказ от симметрии, в результате чего одна из сторон является лидером, делающим первый шаг, а вторая – последователем. Последователь выбирает свою стратегию с учетом уже известной ему стратегии лидера. Лидер, зная будущую реакцию последователя на свои действия, вводит эту зависимость в свою функцию полезности и тем самым получает зависимость своей полезности только от собственной стратегии. Дальше ему остается только выбрать ту стратегию, которая максимизирует его выигрыш.

Концепция Штакельберга оказалась очень привлекательной для теоретической экономики, сохранив свою актуальность и в наше время. В частности, в последние годы появился ряд работ, посвященных ее дальнейшему развитию. Например, в работах [19-20] изучаются возможности достижения олигополией равновесия по Штакельбергу в условиях отсутствия у агентов достоверной информации относительно издержек и выбора конкурентов. В модели олигополии [21] анализируется зависимость выигрышей в равновесии Штакельберга от вида функций издержек.

Наряду с работами, посвященными равновесию Штакельберга на олигополистическом рынке, появляются работы, распространяющие идею Штакельберга о зависимости стратегий лидера

и последователя, на коллективные действия. Одним из первых среди экономистов к этой теме обратился Бенджамин Гермалин (B. Hermalin). Согласно предложенной им в 1998 году концепции лидер, в отличие от остальных членов коллектива, располагает информацией о влиянии их усилий на величину дохода [22]. Это информационное преимущество он может использовать двумя способами.

Первый способ состоит в том, что лидер, убедив членов коллектива в достоверности этой информации, способен с помощью побочных платежей влиять на стимулы агентов к осуществлению усилий. Второй способ состоит в убеждении и увлечении своих последователей собственным примером. Асимметричное распределение информации, как показано в [23], способно приводить коллектив к предпочтительному по Парето исходу относительно того исхода, который достигается в случае симметричной информации. В [24] это утверждение было подвергнуто экспериментальной проверке и получило подтверждение. Последовавшие за работой Гермалина полевые и лабораторные исследования свидетельствуют как о существовании зависимости поведения от убеждений, так и о сильном влиянии, которое оказывают на убеждения своим поведением лидеры в роли образцов для подражания [25].

Стремление следовать за лидером можно учитывать по-разному. Например, в математической модели, построенной в [26], функцией полезности последователя просто предусмотрен рост полезности по мере снижения разности между усилиями лидера и последователя. В работах [27-28] последователи следуют за лидером, как и в нашей модели, вследствие комплементарности усилий. Однако в работе Жерве-Гольдштейна [27] стратегия Штакельберга не осуществляется, так как предпочтительный по Парето эффект образуется благодаря тому, что последователь неадекватно оценивает собственные усилия, т.е. фактически вследствие нерационального поведения. Равновесие Штакельберга достигается в модели коллективных действий Дж. Кима [28]. В отличие от нашей модели в модель Кима введен принципал, наделенный способностью компенсировать лидеру его издержки.

Нужно отметить, что стратегия Штакельберга анализируется в работах, посвященных теории управления [29-32]. Как правило, соответствующие математические модели строятся для иерархической системы, состоящей из двух игроков: Центра и агента. Центр ограничивает своим первым ходом множество действий игрока, и в общем решении максимизации выигрыша равновесие Штакельберга выступает в виде одного из возможных вариантов.

В качестве наиболее заметных отличий нашей модели от моделей типа Центр-агент и других, предложенных в литературе, можно отметить следующие: мы рассматриваем деятельность коллектива произвольной численности; коллектив предполагается независимым от внешних агентов, способным к самоуправлению и самоорганизации; выигрыш каждого участника зависит и от его собственного выбора и от действий его любого партнера; поведение агентов рационально.

Цель статьи состоит в том, чтобы с помощью математического моделирования с использованием методов теории игр сравнить эффективность трех различных стратегий коллективных действий. Две из рассматриваемых стратегий приводят коллектив к равновесным по Нэшу исходам, а третья – к равновесию Штакельберга с коалицией в роли лидера. Исчерпывающее сравнение стратегий предполагает отыскание в каждом из исходов и соответствующее сравнение величин совокупного дохода, размеров индивидуальных выигрышей и осуществленных агентами усилий.

Базовая модель. Плохое равновесие

Для наиболее наглядной демонстрации получаемых результатов используется конкретная математическая зависимость величины совокупного дохода D от приложенных агентами усилий:

$$D = \lambda \prod_{i=1}^n \sigma_i^\alpha \quad (1)$$

где σ_i – денежный эквивалент усилий агента i , n – количество участников, λ , α – постоянные, причем $\lambda > 0$, $0 < \alpha < 1$. Эти условия достаточны для того, чтобы функция (1) удовлетворяла всем

стандартным требованиям, обычно предъявляемым неоклассической экономической теорией к функциям дохода.

К особенностям функции (1) можно отнести свойство постоянной эластичности дохода по усилиям любого члена коллектива:

$$\frac{\sigma_i}{D} \frac{\partial D}{\partial \sigma_i} = a, \quad i = 1, \dots, n \quad (2)$$

Из неравенств

$$\frac{\partial^2 D}{\partial \sigma_i \partial \sigma_k} = \frac{a^2 D}{\sigma_k \sigma_i} > 0 \quad \text{при } i \neq k \quad (3)$$

следует условие комплементарности усилий всех агентов: рост усилий одного агента увеличивает отдачу от усилий другого.

Для большей наглядности получаемых результатов будем считать, что все агенты имеют равные доли в совокупном доходе, т.е. доля каждого равна $1/n$. В основу модели положим следующие предположения.

1. Функция дохода и стремление каждого участника к максимальному значению своего индивидуального выигрыша являются общим знанием.

2. Каждый участник сам выбирает размер прилагаемых им усилий.

3. Усилия агентов не верифицируемы, но наблюдаемы после их завершения для всех членов коллектива. Из этого условия следует, что члены коллектива получают информацию относительно объема усилий, уже осуществленных любым участником, но они не могут ее использовать для разрешения споров и конфликтов, прибегая к помощи третьей стороны (внешнего агента).

4. Поведение каждого участника коллективных действий направлено на «простое следование личным интересам» и соответствует, согласно классификации О. Уильямсона [3, с. 97-107], полусильной форме эгоизма. Это означает, что каждый член коллектива, преследуя личные экономические интересы, не прибегает к крайним формам оппортунизма в виде вероломства, шантажа, насильственного захвата заложников и т.п.

Рассмотрим случай, в котором все агенты осуществляют выбор объема своих усилий независимо друг от друга. Цель каждого – максимизировать свой индивидуальный выигрыш U_i :

$$U_i = \frac{1}{n} D - \sigma_i \rightarrow \max_{\sigma_i > 0}, \quad i = 1, \dots, n. \quad (4)$$

Так как функция (4) строго выпукла вверх, то она имеет единственный максимум, находящийся в стационарной точке. Поэтому размеры усилий, прилагаемых агентами, можно найти из условий максимума первого порядка:

$$\frac{\partial U_i}{\partial \sigma_i} = 0 \Rightarrow \frac{1}{n} \frac{\partial D}{\partial \sigma_i} = 1, \quad i = 1, \dots, n \quad (5)$$

Используя свойство (2) перепишем уравнения (5) в виде

$$\sigma_i = \frac{aD}{n}, \quad i = 1, \dots, n \quad (6)$$

Подставив выражение для усилий из (6) в (1), получим уравнение относительно совокупного дохода D , из которого найдем его значение в плохом равновесии N :

$$D^N = \left(\lambda \left(\frac{a}{n} \right)^{an} \right)^{\frac{1}{1-an}} \quad (7)$$

Используя (7) получим из (6) и (4) выражения для усилий и выигрышей:

$$\sigma_i^N = (\lambda a/n)^{\frac{1}{1-an}}, U_i^N = \frac{1}{n} D^N (1-a), i = 1, \dots, n \quad (8)$$

Из (8) видно, что все члены коллектива в плохом равновесии N затрачивают одинаковые усилия и получают равные выигрыши.

Равновесие Нэша в одновременной коалиционной игре

В работе «Логика коллективных действий» Мансур Олсон, сравнивая большие и малые группы индивидов по эффективности совместных действий, сформулировал вывод о том, что малым группам легче добиться достижения своих целей [33]. В дальнейшем концепция Олсона относительно связи размера группы с эффективностью коллективных действий подверглась уточнению и развитию в целом ряде работ, см. в частности, [34-36]. Вопросы о роли состава группы и общности норм поведения ее членов изучала в ходе своих лабораторных и полевых исследований Элинон Остром [37].

Результаты этих работ позволяют нам допустить, что в любом достаточно многочисленном коллективе вполне может сложиться небольшая группа агентов (коалиция), в которой окажется успешно разрешенной не только проблема морального риска, но и проблема оппортунистического поведения в целом. Отметим, что анализу вопросам сдерживания оппортунистического поведения в коллективных действиях посвящено множество работ, в частности [38-41]. Для нашей модели достаточно, чтобы члены коалиции были способны без заметных транзакционных издержек осуществить свои усилия в объемах, достаточных для достижения максимума коалиционного выигрыша.

Предположим, что среди членов коллектива сложилась такая состоящая из m индивидов коалиция. Используем в дальнейшем следующие обозначения: I – множество членов коллектива; C – множество членов коалиции, $NC=I \setminus C$ – множество некооперированных агентов. Если коалиция максимизирует коалиционный выигрыш, а некооперированные агенты – свои индивидуальные выигрыши, причем для всех игроков эта информация является общим знанием, то коллектив достигает равновесный по Нэшу исход в коалиционной игре, в которой коалиция рассматривается как единый игрок.

Результаты этой игры для функции (1) получены в нашей работ [42]. Для их использования необходимо только учесть, что в рассматриваемой здесь задаче относительные доли всех членов коллектива в совокупном доходе одинаковые. Преобразовав результаты [42] для случая, в котором доля некооперированного агента равна $1/n$, а доля коалиции – m/n , получим следующие выражения для совокупного выигрыша, размеров усилий и индивидуальных выигрышей и :

$$D^{N_c} = \left(\lambda (a/n)^{an} m^{am} \right)^{\frac{1}{1-an}} \quad (9)$$

$$\sigma_i^{N_c} = \frac{am D^{N_c}}{n}; \sigma_j^{N_c} = \frac{a D^{N_c}}{n}; i \in C, j \in NC \quad (10)$$

$$U_i^{N_c} = D^{N_c} (1-am)/n; U_j^{N_c} = D^{N_c} (1-a)/n \quad (11)$$

Теперь сравним результаты двух рассмотренных стратегий, приводящих коллектив к равновесным по Нэшу исходам. Для этого построим отношения значений параметров, достигаемых в равновесиях N_c и N . Используя выражения для доходов (9) и (7), а также для усилий (6) и (10), получим:

$$\frac{D^{N_c}}{D^N} = \frac{\sigma_j^{N_c}}{\sigma_j^N} = m^{\frac{am}{1-an}}, \frac{\sigma_i^{N_c}}{\sigma_i^N} = m^{\frac{am}{1-an}+1}, i \in C, j \in NC \quad (12)$$

Для получения более наглядного представления обратимся к конкретному случаю. Пусть $n=20$, $m=4$, $\alpha=0,04$. Тогда, согласно (12),

$$\frac{D^{N_c}}{D^N} = \frac{\sigma_j^{N_c}}{\sigma^N} = 4^{0,8} \approx 3,03; \frac{\sigma_i^{N_c}}{\sigma^N} \approx 12,1 \quad (13)$$

Используя выражения для индивидуальных выигрышей (8) и (11) найдем соответствующие отношения:

$$\frac{U_i^{N_c}}{U_i^N} = \frac{D^{N_c}(1-am)}{D^N(1-a)} \approx \frac{3,03 \times 0,84}{0,96} \approx 2,7; \frac{U_j^{N_c}}{U_j^N} = \frac{D^{N_c}}{D^N} \approx 3 \quad (14)$$

Таким образом, в результате перехода от плохого равновесия N к равновесию N_c совокупный доход и выигрыш каждого некооперированного члена коллектива возрастают более чем в 3 раза, а выигрыш каждого члена коалиции – в 2,7 раза. При этом объем усилий члена коалиции увеличивается в 12 раз, а некооперированного агента – в 3 раза.

Равновесие Штакельберга в последовательной игре

Прежде всего, отметим, что модель Штакельберга, первоначально разработанная для дуополии, не может быть автоматически перенесена на коллективные действия. В дуополии обе фирмы являются конкурентами, и поэтому любая активность конкурента для каждого участника не желательна. В коллективных же действиях, наоборот, активность партнера выгодна каждому участнику. Однако в случае существования зависимости между стратегиями игроков главная идея, положенная Штакельбергом в основу модели, – наличие лидера и последователя, когда лидер, действующий первым, выбирает свою стратегию методом обратной индукции, сохраняет свою актуальность.

В рассматриваемой модели уже имеется предпосылка для успешного использования коалицией (или любым членом коллектива) стратегии по Штакельбергу. Она состоит в условии (3), согласно которому повышение уровня усилий со стороны любого члена коллектива ведет к возрастанию предельного дохода по усилиям каждого его партнера. Поэтому если кто-либо из участников приложит дополнительные усилия сверх их равновесного значения (8) или (10), принимаемого в соответствующей игре, то величина индивидуального предельного дохода по усилиям любого другого агента превысит величину его предельных издержек (в нашей модели, единицу).

Соответственно, каждому из этих агентов в данном случае выгодно увеличить размеры прилагаемых им усилий до уровня, отвечающего максимуму его соответствующего выигрыша – индивидуального (если агент не является членом коалиции) или коалиционного (для члена коалиции). Чтобы пойти на такой шаг агент (последователь) должен быть абсолютно уверен в том, что тот или иной его партнер (лидер) действительно уже осуществил или непременно осуществит свои усилия сверх их значения, отвечающего равновесию Нэша. Такую уверенность агенту-последователю может дать или полное доверие с его стороны обещаниям лидера, либо внесение будущим лидером залога, либо непосредственное наблюдение осуществленных лидером усилий.

Для успешной реализации стратегии Штакельберга достаточно выполнения любого из этих условий. Мы остановимся на том варианте, в котором технология, используемая в коллективных действиях, позволяет членам коалиции и некооперированным агентам осуществить свои усилия в двух различных следующих друг за другом временных интервалах. Отметим, что подобная возможность была предусмотрена механизмом *timing decisions*, предложенным в работе [43] для применения стратегии Штакельберга в условиях дуополии.

Предположим, что члены коалиции осуществляют свои усилия в первом временном интервале. Тогда все некооперированные агенты имеют возможность выбрать уровень своих усилий, осуществляемых ими во втором временном интервале, с учетом объема усилий, уже осуществленных членами коалиции. В этом случае коалиция играет роль лидера по Штакельбергу, а все некооперированные агенты являются ее последователями.

Перепишем функцию совокупного дохода (1) в виде:

$$D = \lambda \prod_{i \in C} \sigma_i^a \prod_{j \in NC} \sigma_j^a \quad (15)$$

Каждый некооперированный агент выбирает уровень своих усилий из условия максимума первого порядка собственного выигрыша при заданных размерах усилий членов коалиции σ_i :

$$\frac{1}{n} \frac{\partial D}{\partial \sigma_j} = 1, \quad j \in NC \quad (16)$$

При любых положительных σ_i система (16) имеет единственное решение, представляющее собой оптимальные значения усилий некооперированных агентов. Так как эти усилия зависят от усилий членов коалиции, то их можно трактовать как функции реагирования некооперированных агентов. Используем для решения системы (16) следующие обозначения:

$$\sigma_j = R_j(\sigma_i), \quad j \in NC, \quad i \in C \quad (17)$$

Для функции (15) уравнения (16) можно представить в виде:

$$aD = n\sigma_j \quad (18)$$

из которого следует, что все некооперированные агенты осуществляют равные усилия. Подставив выражение для D из (15) в (18) получим уравнение

$$\lambda a \sigma_j^{a(n-m)} \prod_{i \in C} \sigma_i^a = n\sigma_j \quad (19)$$

из которого выразим σ_j , т.е. найдем функцию реагирования:

$$\sigma_j = R_j(\sigma_i) = \left(\frac{\lambda a}{n} \prod_{i \in C} \sigma_i^a \right)^{\frac{1}{1-a(n-m)}}. \quad (20)$$

Члены коалиции, взявшей на себя роль лидера по Штакельбергу, вычисляют размеры своих усилий с учетом функций реагирования (20) некооперированных агентов на свои будущие усилия. Подставив выражение для усилий некооперированных агентов из (20) в функцию совокупного дохода (15) найдем зависимость его величины от усилий членов коалиции:

$$D = \left(\lambda \left(\frac{a}{n} \right)^{a(n-m)} \prod_{i \in C} \sigma_i^a \right)^{\frac{1}{1-a(n-m)}} \quad (21)$$

Условия максимума коалиционного выигрыша первого порядка для функции дохода (20) принимают вид:

$$\frac{m}{n} \frac{\partial D}{\partial \sigma_k} = 1 \Rightarrow \frac{m}{n} \times \frac{a}{1-a(n-m)} \times \frac{D}{\sigma_k} = 1, \quad k \in C \quad (22)$$

Из (22) находим объем усилий, прилагаемый каждым членом коалиции, благодаря чему коллектив и достигает равновесный по Штакельбергу исход:

$$\sigma_k = \frac{maD}{n - an(n-m)}, \quad k \in C \quad (23)$$

Подставив выражение для усилий членов коалиции из (23) в (20), получим уравнение для величины совокупного дохода, из которого найдем его значение в равновесии Штакельберга:

$$D = D^S = \left(\lambda \left(\frac{a}{n} \right)^{an} \left(\frac{m}{1-a(n-m)} \right)^{am} \right)^{\frac{1}{1-an}} \quad (24)$$

С учетом (24) значение объема усилий (23) членов коалиции принимает вид:

$$\sigma_i^S = \frac{maD^S}{n - an(n - m)}, \quad i \in C \quad (25)$$

Таким образом, члены коалиции, найдя оптимальный объем своих усилий (25), осуществляют их в первом временном интервале. Некооперированные агенты после завершения этого интервала определяют, учитывая объем усилий (24) уже осуществленных членами коалиции, уровень своих усилий либо из выражения (20) либо, что удобнее, из уравнения (18):

$$\sigma_j^S = \frac{aD^S}{n}, \quad j \in NC \quad (26)$$

Определив размер собственных усилий, некооперированные агенты осуществляют их во втором временном интервале. В результате коллектив достигает равновесие Штакельберга. Заметим, что ни коалиции, как единому агенту, и ни одному некооперированному агенту невыгодно осуществлять свои усилия в объемах, отличающихся от тех, которые определяются выражениями (25)-(26) и (24).

С учетом (25) и (26) получим выражения для индивидуальных выигрышей:

$$U_i^S = \frac{1}{n} D^S \frac{1 - an}{1 - a(n - m)}; \quad U_j^S = \frac{D^S}{n} (1 - a); \quad i \in C, \quad j \in NC. \quad (27)$$

Перейдем к сравнению результатов двух стратегий, одна из которых приводит коллектив к равновесию Нэшу в коалиционной одновременной игре, а другая – к равновесию Штакельберга в последовательной игре с коалицией в роли лидера. Для $n=20$, $m=4$, $\alpha=0,04$ из (9) и (24) получим:

$$\frac{D^S}{D^{Nc}} = \left(\frac{1}{1 - a(n - m)} \right)^{\frac{am}{1 - an}} = \left(\frac{1}{0,36} \right)^{0,8} \approx 2,26 \quad (28)$$

Из (10) и (25) найдем:

$$\frac{\sigma_i^S}{\sigma_i^{Nc}} = \frac{D^S}{(1 - a(n - m))D^{Nc}} \approx \frac{2,26}{0,36} \approx 6,3; \quad i \in C \quad (29)$$

Из (26) и (10), а также (27) и (11) получим соответствующие отношения для усилий и выигрышей некооперированных агентов:

$$\frac{\sigma_j^S}{\sigma_j^{Nc}} = \frac{U_j^S}{U_j^{Nc}} = \frac{D^S}{D^{Nc}} \approx 2,26; \quad j \in NC \quad (30)$$

Отношение выигрышей члена коалиции найдем из формул (27) и (11):

$$\frac{U_i^S}{U_i^{Nc}} = \frac{D^S}{D^{Nc}} \times \frac{1 - an}{(1 - am)(1 - a(n - m))} \approx 1,5; \quad i \in C \quad (31)$$

Как видим, в результате перехода коалиции от стратегии максимизации коалиционного выигрыша в одновременной игре, приводящей коллектив к равновесию Нэша, к стратегии Штакельберга с ролью лидера в последовательной игре совокупный доход и выигрыши некооперированных агентов возрастают почти в 2,3 раза, а выигрыши членов коалиции – в 1,5 раза. Таким образом, наиболее эффективной из трех рассмотренных стратегий оказывается стратегия Штакельберга.

Заключение

В предложенной в настоящей статье модели использована конкретная функция совокупного дохода. Поэтому может создаться впечатление, что при использовании функции другого вида и результат может оказаться другим. Поэтому хотелось бы подчеркнуть те причины, в силу которых

равновесие по Штакельбергу оказалось доминирующим равновесие по Нэшу, достигаемое в одновременной игре. Представляется, что полученный результат порождается следующими тремя условиями: действием закона убывающей отдачи, стремлением каждого участника к повышению своего индивидуального выигрыша и комплементарностью усилий.

Первые два условия ограничивают объемы усилий, прилагаемых агентами. Если бы не выполнялось первое условие, то либо модель оказалась бы абсолютно нелепой, либо пришлось бы менять функцию издержек таким образом, чтобы функция выигрыша была строго выпуклой вверх. В последнем случае получаемый результат не претерпел бы качественных изменений. Второе условие вполне естественно и необходимо для использования понятия Парето-эффективности. Условие комплементарности усилий необходимо для синергетического эффекта, без которого для любого агента утрачивается выгода коллективных действий. Перечисленные свойства функций дохода и выигрыша являются стандартными в неоклассической экономической теории. Поэтому можно думать, что использование в модели любой другой функции дохода или выигрыша, удовлетворяющей перечисленным условиям, привело бы к аналогичным результатам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цуриков В.И., Скаржинская Е.М. Проявление эффекта малой коалиции в действиях большого коллектива. Часть 1 // Теоретическая экономика. 2022. № 9 (93). С. 57-70.
2. Капелюшников Р.И. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике-2009: Препринт WP3/2010/02 (Часть 1). – М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – 52 с.
3. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996. – 702 с.
4. Grossman S., Hart O. The Cost and Benefits of Ownership: A Theory of Vertical and Lateral Integration // Journal of Political Economy. 1986. No 4. P. 691-719.
5. Hart O.D., Moore J. Incomplete Contracts and Renegotiation // Econometrics. 1988. No 4. P. 755-785.
6. Hart O.D., Moore J. Incomplete Contracts and Renegotiation // Econometrics. 1988. No 4. P. 755-785.
7. Шаститко А. Неполные контракты: проблемы определения и моделирования // Вопросы экономики. 2001. № 6. С. 80-99.
8. Скоробогатов А. Теория организации и модели неполных контрактов // Вопросы экономики. 2007. № 12. С. 71-95.
9. Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности. Т.1. Пер. с англ. – СПб.: Экономическая школа, 2000. – 376 с.
10. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. Пер. с англ. – СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2005. – 702 с.
11. Holmstrom B. Moral Hazard in Teams // The Bell Journal of Economics. 1982. № 2. P. 324-340.
12. Cournot A. Recherches into the Mathematical Principles of the Theory of Wealth. – London: Hafner, 1960. (Original 1838.) – 213 p.
13. Stackelberg H. Marktform und Gleichgewicht. – Wien; Berlin: J. Springer, 1934. – 138 p.
14. Anderson S., Engers M. Stacelberg versus Cournot oligopoly equilibrium // International Journal of Industrial Organization. 1992. No 1. P. 127-135.
15. Linster B. Stackelberg rent-seeking // Public Choice. 1993. No 2. P. 307-321.
16. Ino H., Matsumura T. How Many Firms Should be Leaders? Beneficial Concentrations Revisited // International Economic Review. 2012. No 4. P. 1323-1340.
17. Julien L. Stackelberg Games. In Handbook of Game Theory and Industial Organisation. 2018. V. 1. No 10. P. 261-311.
18. Nocke V, Shutz N. Multiproduct-Firm Oligopoly: An Aggregative Games Approach // Econometrica. 2018. V. 86. No 2. P. 523-557.
19. Алгазин Г.И., Алгазина Д.Г. Процессы рефлексии и равновесие в модели олигополии с лидером // Автоматика и телемеханика. 2020. № 7. С. 113-128.
20. Алгазин Г.И., Алгазина Д.Г. Коллективное поведение в модели Штакельберга в условиях неполной информации // Автоматика и телемеханика. 2017. № 7. С. 91-105.
21. Гераськин М.И. Приближенное вычисление равновесий в нелинейной модели олигополии Штакельберга на основе линеаризации // Автоматика и телемеханика. 2020. № 9. С. 120-143.
22. Hermalin B. Toward an Economic Theory of Leadership: Leading by Example // The American Economic Review. 1998. V. 88. P. 1188-1206.
24. Potters J., Sefton M., Vesterlund L. Leading-by-example and signaling in voluntary contribution games: an experimental study // Economic Theory. 2007. No 33. P. 169-182.
25. Gächter S, Renner E. Leaders as role models and 'belief managers' in social dilemmas // Journal of Economic Behavior & Organization. 2018. V. 154(C). P. 321-334.
26. Huck S., Rey-Biel P. Endogenous leadership in teams // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2006. No 2. P. 253-261.
27. Gervais S., Goldstein I. The Positive Effects of Biased Self-Perceptions in Firms // Review of Finance.

2007. No 3. P. 453-496.
28. Kim J. Endogenous leadership in incentive contracts // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2012. No 1. P. 256-266.
29. Горелов М.А. Модель управления ограничениями деятельности // *Проблемы управления*. 2019. № 4. С. 43-49.
30. Губко М.В., Новиков Д.А. Теория игр в управлении организационными системами. – М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2005. – 138 с.
31. Новиков Д.А. Математические модели формирования и функционирования команд. – М.: Физматлит, 2008. – 184 с.
32. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексия и управление: математические модели. – М.: Физматлит, 2013. – 412 с.
33. Olson M. *The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups*. Harvard University Press: Cambridge, MA. 1965. – 176 p.
34. Weimann J., Brosig-Koch J., Heinrich T., Hennig-Schmidt H., Keser C. Public good provision by large groups – the logic of collective action revisited // *European Economic Review*. 2009. V. 118 (C). P. 348-363.
35. Diederich J., Goeschl T., Waichman I. (2016). Group size and the (in)efficiency of pure public good provision // *European Economic Review*. 2016. V. 85(1). P. 272-287.
36. Nosenzo D., Quercia S., Sefton M. Cooperation in small groups: the effect of group size. *Experimental Economics*. 2015. No 1. P. 4-14.
37. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. Пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, 2011. – 447 с.
38. Hilbe C., Sigmund K. Incentives and opportunism: From the carrot to the stick // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2010. V. 277 (1693). P. 2427-2433.
39. Carpenter J.P. The demand for punishment // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2007. No 4. P. 522-542.
40. Sefton, M., Shupp, R., Walker J.M. The effects of rewards and sanctions in provision of public goods // *Economic Inquiry*. 2007. No 4. P. 671-690.
41. Walker J.M., Halloran W.A. Rewards and sanctions and the provision of public goods in one-shot settings // *Experimental Economics*. 2004. No 7. P. 235-247.
42. Цуриков В.И., Скаржинская Е.М. К вопросу об устойчивости малой коалиции в большом коллективе. Часть 2 // *Теоретическая экономика*. 2023. № 5 (101). С. 43-52.
43. Hamilton J., Slutsky S. Endogenous timing in duopoly games: Stackelberg or Cournot equilibria // *Games and Economic Behavior*. 1990. No 2. P. 29-46.

Comparing the Nash and Stackelberg Equilibria in a Collective Action Model

Tsurikov Vladimir Ivanovich

Doctor of Economics, Professor,
Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma, Russian Federation.
E-mail: tsurikov@inbox.ru

Skarzhinskaya Elena Matveevna

Doctor of Economics, Professor,
Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation.
E-mail: yelena.skarzhinsky@gmail.com

Annotation. This study compares collective action outcomes under varying coordination conditions using mathematical modeling. The assumption is that the collective's members receive a cumulative income, which increases with the escalation of their efforts and adheres to the law of diminishing returns. The impact of coordination on the effectiveness of their actions is attributed to the complementarity of efforts, which implies that an increase in the effort made by each agent results in an increase in the marginal income from the efforts of any other agent. The formation of a coalition (small group), whose members strive to maximize coalition gains, allows the collective to avoid the Nash bad equilibrium trap, into which it falls when each member chooses the scope of their effort autonomously. We analyze and compare the outcomes of two games involving a coalition: a simultaneous game where Nash equilibrium is achieved, and a sequential game where Stackelberg equilibrium is achieved. In the sequential game, coalition members assume the leader's role and are therefore the first to implement their efforts. All non-cooperative agents act as followers and decide on their effort scope depending on the efforts already made by coalition members. Consequently, considering each non-cooperative agent's aim to maximize their individual gain given their knowledge about the relative size of coalition efforts, coalition members determine the optimal scope of their efforts using backward induction. As a result of the coalition's Stackelberg strategy, the aggregate revenue and each team member's payoff in the sequential game is greater than in the simultaneous coalition game.

Keywords: Collective action, coalition, Nash equilibrium, Stackelberg strategy, Pareto efficiency

Интеграционные проекты «пояса соседства» России в контексте фрагментации и регионализации постсоветского пространства: часть 1

Медведев Илья Витальевич

младший научный сотрудник

Институт экономики РАН, Центр постсоветских исследований, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ilya13092@yandex.ru

Аннотация. Развитие интеграционных проектов постсоветского пространства (ПСП) на современном этапе сталкивается со все новыми вызовами в условиях конкуренции на нем глобальных и региональных центров экономического притяжения в лице США, Евросоюза, Китая и Турции, что актуализирует исследование перспектив интеграционных проектов новых независимых государств (ННГ). Целью настоящего исследования является уточнение контуров дальнейшего развития региональной кооперации через обобщение и сравнительный анализ теоретических подходов к интеграции ПСП с выделением возможной оптимальной модели кооперации ННГ. Для достижения указанной цели работа разделена на два блока которые обусловлены задачами исследования. Первая часть работы сфокусирована на проведении ретроспективного анализа региональной кооперации ПСП в контексте используемых теорий и подходов к региональной интеграции. Вторая часть исследования посвящена сравнительному анализу используемых подходов к региональной кооперации ННГ с целью выявить перспективные модели региональной кооперации в условиях внешнего санкционного давления. В исследовании проводится обобщение некоторых закономерностей в контексте интеграции ПСП и анализ этапов развития постсоветской интеграции в контексте российской концепции поворота на восток. Производится разграничение между фрагментацией и регионализацией постсоветского пространства. Делается вывод, что хотя европейский опыт и продолжает использоваться в проектировании постсоветской интеграции, его применимость существенно ограничена фактором суверенитета, сильной дифференциацией участников по уровню экономического развития, стремлением стран-участниц проводить многовекторную политику. В современных условиях фрагментации и регионализации постсоветского пространства все большую актуальность обретает поиск собственной модели региональной кооперации, которая бы отвечала новым требованиям постсоветской интеграции и адаптации экономики России к внешним вызовам.

Ключевые слова: интеграция, ЕАЭС, СНГ, ЕС, национальные интересы, суверенитет, «Пояс соседства» России.

JEL codes: N75, O38, O53.

Для цитирования: Медведев, И.В. Интеграционные проекты «пояса соседства» России в контексте фрагментации и регионализации постсоветского пространства: часть 1/И.В. Медведев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №1. - С.87-97. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2024)

Введение

Одним из актуальных направлений исследования интеграционных проектов «Пояса соседства»¹ России является анализ поиска, обоснования и реализации собственной модели региональной интеграции, что обусловлено как спецификой участвующих в ней национальных экономик, так и складывающейся геополитической ситуацией.

В научной литературе уделяется значительное внимание проблематике региональной интеграции ПСП. Существует множество исследований посвященных сравнительному анализу существующих

¹ К «Поясу соседства» России (термин введен и активно используется исследователями Отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН) относятся не только соседи первого порядка (страны, имеющие непосредственную границу с Россией), но и страны, вовлеченные в орбиту интересов России в торговой, инвестиционной и социально-культурной сферах, а также взаимодействие с которыми облегчено их участием в интеграционных группировках [1].

интеграционных проектов ПСП с интеграционной моделью Евросоюза. Здесь можно выделить работы Кондратьевой Н.Б. [2], Ишукова А.А., Бедрина Е.Б [3] и др. посвященные проблеме адаптации европейского опыта к интеграции ПСП. Здесь важно подчеркнуть, что процесс дезинтеграции СЭВ и СССР происходили на фоне успехов евроинтеграции, которая вошла в наиболее развитую стадию экономического и валютного союза. Европейский опыт интеграции характеризует то, что интегрирующиеся государства имели четкое понимание для чего они хотят вступить в объединение и решения каких задач они хотят добиться с помощью интеграции, что сыграло ключевую роль в развитии механизмов наднационального регулирования интеграционных процессов. В случае интеграции ЕЭС-ЕС расширение рынков способствовало появлению спроса на модернизацию, в том числе модернизацию институтов интеграции², что привело к созданию конкуренции юрисдикций, где бизнес выбирает при каком налоговом режиме, таможенном администрировании и судопроизводстве ему выгоднее развиваться. В результате компоненты институциональной интеграции, представленные действующей нормативно-правовой базой, системой регулирующих органов интеграционного объединения, совместных институтов и реализуемых интеграционных политик, развивались на фоне вертикального построения интеграционного процесса которой дополнялся горизонтальным взаимодействием между субъектами интегрирующегося рынка в лице компаний, территориальных администраций и т.д.

В отличие от постепенного развития институтов интеграции в ЕС, интеграционные процессы между ННГ начала 1990-х годов происходили в условиях, когда старая система взаимодействия между субъектами интеграции в лице ННГ перестала существовать, а новая еще не успела сформироваться, что не могло не сказаться на качестве институтов интеграции ПСП. Формирование институтов интеграции постсоветских стран в указанный период характеризуется несоответствием между декларируемыми формами и реальными условиями интеграции, в которых оказались национальные экономики ПСП. Наиболее ярким примером этого несоответствия стали попытки выстраивания институтов интеграции в рамках СНГ, которые предполагали быструю реинтеграцию единого пространства, ориентируясь на историческую общность. Техничко-экономический комплекс, оставшийся после СССР, должны были обеспечить необходимый импульс для быстрого перехода ННГ к единому экономическому пространству.

Однако как показала практика подобный подход к созданию институтов интеграции ПСП был обречен на неудачу. Последующая логика построения интеграционного процесса была продиктована как формальным, так и неформальным желанием в условиях неопределенности «скопировать» наиболее успешную и уже опробованную институциональную модель интеграции, которая успела зарекомендовать себя на протяжении многих десятков лет [4]. Господствующее представление об интеграции как о процессе гармонизации законодательства и экономической политики, идеи создания наднациональных органов, их структура и особенности, а также определение глубины интеграции как основного показателя эффективности интеграционного процесса выдвинули на первый план образец интеграции в лице ЕС.

Несмотря на то, что некоторые авторы указывают на небезупречность Евросоюза [5], модель европейской интеграции долгое время продолжала и продолжает играть важную роль как ориентир постсоветских интеграционных проектов и, в частности, ЕАЭС. Как правило основной причиной востребованности опыта ЕС является его наибольшая успешность в сравнении с другими формами интеграции в части критериев институционализации, глубины интеграции основных рынков и ключевых секторов экономики. Иными словами модель интеграции Евросоюза представляется

² В исследовании под институтами интеграции понимается устойчивые в отношении к изменению поведения или интересов отдельных субъектов нормы, продолжающие действовать в пространстве интеграционного объединения в течении длительного о периода времени а также принципы, установки, соглашения, обеспечивающие эффективное регулирование различных форм сотрудничества стран-участниц интеграционного объединения, что обуславливает создание общего и в перспективе единого институционального пространства взаимодействия между экономическими субъектами [4].

как наиболее эффективная практическая реализация соглашений о свободной торговле, которые являются абсолютным императивом экономической интеграции [6].

Попытки заимствования европейского опыта осуществлялись и в рамках других интеграционных проектов в Южной Америки, Африки и др. В качестве примера можно выделить исследование Маламуда А. [7] посвященное интеграционным процессам в Южной Америке на примере МЕРКОСУР и Андского сообщества. Указанные объединения также обладают своей спецификой и проблемами и, как и в случае интеграции ПСП являются менее успешными в сравнении с Евросоюзом. В обоих случаях интеграционные процессы поставили под сомнение применимость частного случая европейской интеграции как универсального рецепта развития, что подтверждается рядом исследований затрагивающим концептуальные вопросы провалов интеграции в Южной Америки [8], [9] и проблем интеграции между новыми независимыми государствами (далее ННГ) на постсоветском пространстве [10].

Этапы развития интеграционных проектов постсоветского пространства.

С исторической ретроспективы отличительной особенностью постсоветской интеграции являлось стремительное появление 15 новых независимых государств, которые формировались под влиянием культурной традиции, унаследованного от СССР экономического потенциала и внешних удачных примеров региональной кооперации. Внешнеэкономические и интеграционные приоритеты определялись потребностями экономики и в соответствии с формирующейся идентичностью [11]. В определенной степени это оказалось верным и для новых интеграционных проектов ПСП, которые на начало 2000-х формировались с оглядкой на модель европейской интеграции. В исследованиях постсоветской интеграции можно выделить несколько этапов развития мысли экономической и политической интеграции, а также самих интеграционных проектов и институтов интеграции ПСП. В таблице 1 в обобщенном виде представлены основные этапы развития интеграционных проектов, используемых теоретических подходов и полученных результатов ПСП в контексте проводимой политики России в отношении ННГ.

Таблица 1 – этапы развития интеграционных проектов ПСП в контексте внешней политики России

Основные этапы	Контекст	Теоретические основания	Характеристика институтов интеграции	Результаты
1992-1994	Декларируемая цель на указанном этапе состояла в усилении центро-стремительной тенденции и стимуляции договорного процесса на фоне дезинтеграции СССР с целью сохранения единого геополитического пространства и роли России как ключевого игрока в регионе в условиях становления новой государственности.	Наличие предпосылок к быстрой реинтеграции, которые были представлены единым технико-экономическим ком-плексом, культуры, языка как главных компонентов быстрой реинтеграции единого экономического пространства ННГ.	Формирование различающихся экономических и финансовых систем ННГ, создание таможенных барьеров, распад рублевой зоны и фактическое отсутствие консенсуса в отношении общих правовых основ определило декларативный характер интеграции на указанном этапе.	Неудачная попытка быстрой реинтеграции ННГ в единое пространство в рамках СНГ, раздробление единого технико-экономического комплекса, усиление центробежных тенденций под влиянием факторов суверенитета, поддерживаемых международным сообществом, переориентация ННГ на взаимодействие со странами вне СНГ, трансформация

Основные этапы	Контекст	Теоретические основания	Характеристика институтов интеграции	Результаты
				СНГ в площадку для многосторонних межгосударственных контактов по отдельным конкретным вопросам сотрудничества
1995-2001	Стабилизация российской государственности, переосмысление отношений со странами ЕС и США опосредовало применение новых подходов России к взаимодействию с ННГ с целью сохранения пространства СНГ и своего определяющего влияния в регионе.	Использование концепции ассиметричной или разноуровневой и разнотемпной интеграции с точечным выбором направлений сотрудничества.	Указанный этап характеризуется как появление предпосылок для выстраивания интеграции ПСП в рамках СГРБ и ЕврАзЭС.	Поиск альтернатив и создание новых интеграционных проектов на фоне фрагментации постсоветского пространства, интеграция становится разнонаправленной, происходит раскол ННГ с выделением трех групп государств: прозападные (ГУАМ), проевроазиатские (ЦАС, ЕврАзЭС) и нейтральные.
2002-2008	Инициативы России по углублению интеграции с заинтересованными странами СНГ в рамках Таможенного Союза и ЕЭП с Белоруссией и Казахстаном на фоне начала ухудшения отношений с ЕС и США. Выход Грузии из СНГ.	Продолжение курса на ассиметричную интеграцию, заимствование опыта ЕС в проектировании ЕЭП, ЕврАзЭС.	Указанный этап связан с переходом от декларативных намерений об интеграции к практической реализации ЕЭП между ННГ, заинтересованными в экономическом сотрудничестве и углублении интеграции в рамках Таможенного Союза ЕврАзЭС.	Слияние ЦАС и ЕврАзЭС, концепты реализации ЕЭП России, Белоруссии и Казахстана.
2009-2012	Перезагрузка отношений с США и странами Запада. Вступление России в ВТО с целью возможного присоединения к ОЭСР. Присоединение России к	Экономический прагматизм и переход на рыночные условия сотрудничества в рамках многовекторной политики ННГ. Применение	На указанном этапе происходит доразвитие СНГ на принципах экономического прагматизма и рыночных условий сотрудничества (создание многосто-	Переход к практической реализации ЕЭП в рамках ЕврАзЭС. Проблема сопряжения норм ВТО и ЕАЭС.

Основные этапы	Контекст	Теоретические основания	Характеристика институтов интеграции	Результаты
	многостороннему соглашению ЗСТ СНГ.	практик ВТО в проектировании региональных торговых соглашений (РТС) в т.ч. ЗСТ СНГ и ЕврАзЭС.	ронного соглашения ЗСТ в рамках СНГ). Институциональная интеграция ЕврАзЭС (появление нормативно-правовой базы, вненациональных органов регулирования ЕврАзЭС).	
2013-2021	Ухудшение отношений с США и странами ЕС. Конфликт с Украиной. Реализация концепции поворота на Восток.	Применение концепций открытого регионализма и межправительственного подхода по вопросам экономического сотрудничества с ННГ, актуализация межблокового взаимодействия и концепции интеграции интеграций.	Указанный период характеризуется дальнейшим развитием институциональной интеграции ПСП на фоне прбразования ЕврАзЭС в ЕАЭС. Процесс доразвития ЕАЭС через создание ЗСТ с третьими странами.	Выделение «ядра» евразийской интеграции в лице ЕАЭС. Нерешенные проблемы сопряжения интеграционных проектов в связи с факторами суверенитета и многовекторной политикой ННГ. Упрощение интеграционных проектов в сравнении с первоначальными концептам.
2022-н.в.	Обострение конфликта с Украиной, странами ЕС и США. Введение всеобъемлющих западных санкций в отношении наиболее чувствительных отраслей российской экономики, инициативы России по ускоренному созданию ЕАЭС и экономическому сотрудничеству со странами АТР. Ренессанс Союзного государства России и Белоруссии.	Использование новых моделей регионализации в условиях адаптации экономики России и трансформации интеграционных проектов ПСП.	Современный период характеризуется процессами трансформации экономики России в связи с введенным ограничениями и переориентации торговых потоков в Азию на фоне значительных сближения с Белоруссией. Активируется использование механизмов параллельного импорта через территорию ННГ что значительным образом актуализировало вопросы сопряжения интеграционных проектов ННГ.	Реализация преференциальных и не преференциальных моделей сотрудничества. Процессы формирования внутри интеграционных объединений ПСП целевых субрегионов как мест совместной деятельности в рамках соглашений между несколькими государствами, участвующими в более крупных региональных объединениях

Источник: составлено автором по [11], [12], [24]

На первом этапе развития ННГ основная ставка на быструю интеграцию делалась из расчета, что само наличие некогда единого экономического комплекса и культурной общности, будут способствовать относительно быстрой реинтеграции ПСП. В данном случае основным критерием эффективности интеграционных процессов между ННГ выступала оценка глубины интеграции в сравнении с наиболее удачным примером в лице Евросоюза. Однако неоднозначные результаты функционирования СНГ показали невозможность практической реализации планов по созданию копии Евросоюза на территории ПСП. Состояние институциональной интеграции СНГ хорошо иллюстрирует пример, где из 164 документов, которые были приняты на начало 2000 г. на заседаниях высших органов СНГ, только 7 вступили в силу для всех подписавших их государств [13], что ознаменовало уход от идей быстрой реинтеграции и создание единого экономического пространства между ННГ.

Второй этап развития интеграционных проектов ПСП характеризуется как попытка выстраивания единого экономического пространства на принципах равноуровневой и разноскоростной интеграции. Пассивно-нейтральное отношение ННГ к интеграционным процессам 1992-1994 показало невозможность достижения консенсуса между всеми участниками в рамках СНГ, что привело к созданию интеграционных проектов СГРБ и ЕврАзЭС, которые также были нацелены на реинтеграцию постсоветского пространства, но уже на указанных принципах. Важным этапом развития этой концепции является 2004 г., который прошел под знаком интеграционных импульсов, связанных с подготовкой и подписанием основных документов по формированию Единого Экономического Пространства (далее ЕЭП) России, Беларуси, Казахстана и Украины. Необходимо обратить внимание, что буквально первая строчка ст. 5 Соглашения о ЕЭП обозначает, что проектирование ЕЭП осуществляется поэтапно с учетом возможности равноуровневой и разноскоростной интеграции. Определение терминов дается в приложении к ЕЭП указанному в ст. 3 Соглашения, где равноуровневая и разноскоростная интеграция означают, что каждая сторона самостоятельно определяет, в каких из направлений развития интеграции или отдельных интеграционных мероприятиях она принимает участие и в каком объеме [14].

Некоторые авторы называют такую интеграцию асимметричной так как оба указанных термина отражают различные стороны одного и того же явления [15]. Заложенные в 90-х идеи создания новых субрегиональных объединений как альтернативы СНГ, которые получили широкое распространение среди ННГ и логическим продолжением этой концепции стало развитие таких интеграционных проектов как Центрально-Азиатское сотрудничество (далее ЦАС) и Восточно-Европейский союз, преобразованный в ГУАМ по первым буквам стран участниц (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова). В первом случае организация объединяла бывшие советские республики Центральной Азии и была создана как площадка для взаимодействий между государствами ЦА в различных сферах экономики для создания единого экономического пространства. В дальнейшем организация была объединена с ЕврАзЭС как более совершенного формата интеграции с одинаковыми заявленными целями.

Предпосылки, которые привели к фактической дезинтеграции проекта отражены в исследовании З.А. Дадабаевой и Е.М. Кузьминой, где показан ряд проблем, который заключается в однотипности экономик ЦА, отсутствии надлежащих формальных институтов интеграции на примере подробного анализа трансформации интеграционных проектов ЦАЭС-ЦАФ-ЦАС, их реорганизация и объединение с ЕврАзЭС. История трансформации ЦАС показала организация не смогла должным образом разрешить имеющиеся противоречия собственными силами даже с учетом рекомендаций Всемирного банка, Азиатского и Исламского банка [16]. Сделанные выводы об отсутствии перспектив активного развития формальной интеграции на основе соглашений и институтов в целом не противоречат проблемам интеграции развивающихся стран на примере других интеграционных объединений. В частности, можно привести пример интеграции на африканском континенте, где попытки формальной интеграции «сверху» от Всемирного банка и региональных объединений

Африки в лице ЭКОВАС, КОМЕСА, ЭККАС потерпели неудачу по той же самой причине [17].

ГУАМ в отличие от ЦАС в качестве основных целей провозгласил противостояние новому российскому экспансионизму, однако на практике организация стала являться политическим механизмом для создания препятствий по реализации единого транспортного пространства СНГ со стороны стран ЕС и США. Вместе с этим важно подчеркнуть, что имеющиеся противоречия между ГУАМ и РФ существенным образом опосредуют большое количество дезинтегрирующих факторов в деятельности организации. Так некоторые исследователи делают вывод, что ни помощь США, ни проекты ЕС («Восточное партнерство» и «Черноморская синергия») не способствовали какому-либо развитию проекта ГУАМ [18]

На примере указанных организаций в определенной степени можно наблюдать попытки выстраивания территории безопасности для ННГ, которая предполагала бы появление общей идентичности, ценностей, и смыслов; многосторонних прямых связей и взаимных долгосрочных интересов [19]. Однако ставка на совместные политические устремления и оторванность институтов от реальных процессов экономического взаимодействия привело к тому, что несмотря на разные заявленные цели обе организации оказались или фактически упразднены (ГУАМ) или преобразованы (ЦАС).

Таким образом, дизайн постсоветской интеграции в конце 90-х и начала 2000-х определялся не необходимостью совместного решения проблем (общая внешняя угроза, либерализация торговли и т.п.), а разделяемыми подходами относительно суверенитета, выживания режимов, невмешательства и т.д. На указанном этапе происходит окончательный раскол ННГ, интеграция начинает носить разнонаправленный характер, ННГ стали подразделяться на прозападные, проевроазиатские и нейтральные, что опосредует многовекторный характер политики ННГ.

Третий этап развития интеграции ПСП является продолжением курса на ассиметричную интеграцию, которая происходит на фоне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и роста инвестиций в Российскую экономику, которая становится локомотивом для национальных экономик большинства ННГ. Появившийся интерес к сотрудничеству с Россией по экономическим вопросам ознаменовали переход от декларации о намерениях к практической реализации экономического сотрудничества и выстраивания институтов интеграции на основе рыночного прагматизма, что дало импульс к развитию Таможенного Союза и ЕЭП России, Белоруссии и Казахстана.

Четвертый этап развития интеграционных проектов ПСП происходит на фоне глобального финансового кризиса 2008 года, который вызвал масштабный отток капитала из России. Падение курса рубля, сокращение спроса на импорт, экспорт и рабочую силу ослабило позитивное влияние российской экономики на ННГ. Развивается институциональная интеграция в рамках ЕврАзЭС, которая, однако, сталкивается с разнонаправленностью интересов, которые опосредованы многовекторной политикой, где приоритеты российских сырьевых и несырьевых наукоемких компаний находятся вне зоны евразийской интеграции и региона СНГ.

Пятый этап развития ПСП предстает как доразвитие существующих интеграционных проектов в частности происходит окончательное выделение ядра Евразийской интеграции на фоне ускоренного преобразования ЕврАзЭС-ЕАЭС с практическим одновременным созданием ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом, а позже и с другими странами, что существенно актуализировало необходимость межблокового сотрудничества со странами АСЕАН в контексте проводимой политики России. Вместе с этим важно подчеркнуть, форсированное создание ЕАЭС привело к значительному упрощению интеграционного проекта несмотря на переход к более глубокой форме интеграции. Так из первоначальных планов создания общего рынка лекарственных средств к 2017, электроэнергетического рынка к 2019, общего рынка нефти и газа к 2022 и финансового рынка к 2022-2025 на данный момент де-юре полностью заработал только общий рынок лекарственных средств ЕАЭС, где до сих пор существуют проблемы технического характера, свободное обращение лекарственных средств в странах «пятерки» не обеспечено. Доля импорта лекарственных средств из третьих стран долгое время оставалась

невысокой (на 2020 г. эти показатели составляли 97,12 % по ЕАЭС и 99% по России) [20].

Шестой (современный) этап характеризуется адаптацией экономики России к беспрецедентному санкционному давлению со стороны западных стран, что обуславливает происходящие трансформации интеграционных проектов. Возрастает актуальность сопряжения интеграционных проектов ННГ, как складывающую систему неформальную систему, где СГБР, ЕАЭС, СНГ и ШОС дополняют друг друга, как по страновому охвату, так и по институтам регионализации.

Острые вопросы сохранения национальной идентичности, сложившийся в конце 90-х начала 2000-х дизайн интеграционных проектов обусловили невозможность наднациональной интеграции ПСП на указанном этапе. Ядро евразийской интеграции в лице ЕАЭС [22] хоть и имеет развитый институциональный каркас, но основные интеграционные изменения локализованы в сферах таможенно-тарифного регулирования, вопросы сотрудничества носят подчеркнута экономический характер. Сам характер интеграции остался разнонаправленным что привело к проблемам сопряжения интеграционных проектов ПСП. Таким образом на современном этапе особую актуальность приобретает поиск оптимальных моделей региональной кооперации ННГ и контуров дальнейшего развития постсоветской интеграции в условиях конкуренции на нем различных центров экономического притяжения в лице Евросоюза, США, Китая и Турции.

Обсуждение и результаты.

Проведенный анализ показывает, что современный этап развития интеграции ПСП существенным образом отличается от европейской модели интеграции. Несмотря на то, что проектирование моделей интеграции (в т.ч. евразийской) осуществлялись с оглядкой на европейский опыт, сама форма реализации интеграции с постепенным углублением сотрудничества с последующим выделением наднациональных органов является невыполнимой задачей в сложившихся условиях. В настоящий момент выбранное направление институционализации ЕАЭС является скорее избыточным и присоединение каждого нового участника будет представлять все большие вызовы для организации в условиях увеличения дифференциации участников и разнонаправленности их интересов. Дальнейшая региональная кооперация между ННГ в рамках ЕАЭС и СНГ видятся в создании диалоговых партнерств и функциональному расширению организации вширь через реализацию преференциальных и непреференциальных моделей сотрудничества [23]. Такой подход с выделением отдельных вопросов сотрудничества может заинтересовать нейтральные ННГ в евразийском интеграционном проекте.

Подытожив вышесказанное перспективы дальнейшего развития кооперации ННГ являют собой расширение сотрудничества на межнациональном уровне с выделением в первую очередь вопросов экономической целесообразности. В этой связи необходимо обозначить более чем 50-летний опыт интеграции АСЕАН, который имеет много общих черт с постсоветской интеграцией. Дальнейшее направление исследований видится в более подробном изучении специфики указанного объединения как компонента в создании собственной модели региональной кооперации в условиях фрагментации и регионализации ПСП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин М. Ю., Лобанов М. М. Инвестиционное взаимодействие России со странами «Пояса соседства» // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. №1. С.17-31.
2. Кондратьева Н.Б. Европейская модель интеграции рынков становление и перспектива: монография / Наталия Борисовна Кондратьева; Российская академия наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук. М.: РАН, 2020. 384 с.
3. Ишуков А.А., Бедрина Е.Б. Европейская и Евразийская интеграции: сходства и различия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. №4. С.80-95.
4. Акопян А.С. Формирование институтов интеграции постсоветских стран // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2008. № 1 (12). С. 39-43.
5. Илюхина И.Б. Проблемы экономической интеграции в европейском Союзе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. С. 113-123.
6. Гринберг Р.С. СНГ – состояние и перспективы [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/show?id=688> (дата обращения 01.06.2023)
7. Malamud A. 2001. Spillover in European and South American Integration: An Assessment.
8. Buelvas E.P. Why regionalism has failed in Latin America: Lack of Stateness as an important factor for failure of Sovereignty Transfer in Integration Projects // Contexto int. 2013. № 35 (2) <https://doi.org/10.1590/S0102-85292013000200005>
9. Velástegui P.G. Latin American integration as a wicked problem: the case for a plural approach // Revista de Relaciones Internacionales, Estrategia y Seguridad. 2018. № 1. pp. 93-117.
10. Ахмеджанова Д.Ф. Проблемы развития региональной интеграции на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. Т. 5. №1. 2022. С. 90-108.
11. Вардомский Л.Б. Постсоветский интеграционный проект: что хотели и что получили // Мир перемен. 2016. № 3. С. 8-23.
12. Зиядуллаев Н.С. Экономика стран Содружества: ретроспектива, стратегии и императивы / под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: ИПР РАН, 2022. 240 с.
13. Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. II. 1917 – 2002. М.: ОЛМА-Медиа, 2002. 617 с.
14. Соглашение о формировании ЕЭП (Ялта, 19 сентября 2003 г.) [СПС Гарант] (дата обращения 01.06.2023).
15. Троицкий В.А. Правовые основы асимметричной интеграции в рамках соглашений о едином экономическом пространстве // Проблемы современной экономики. 2005. № 1.
16. Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. 55
17. Рыжова Н. П. Роль институтов в международной экономической интеграции // Пространственная экономика. 2013. №1. С. 72–88.
18. Владимир И. ГУАМ: старые проблемы и новые вызовы // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 4-5 (64-65).
19. Emanuel A and Barnett M. 1998. Security Communities. - Cambridge: Cambridge University Press pp. 3 – 28.
20. Бликбаев К.Н., Дятлова М.И. Общий рынок лекарственных средств ЕАЭС: анализ текущего состояния и проблем развития. 2022. №3. С.47-52.
21. Каспийский регион в процессах регионализации Евразии: Коллективный научный доклад / Отв. ред. Л.Б. Вар домский. – М.: Институт экономики РАН, 2023. – 74 с.
22. Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С. Внешнеторговые и интеграционные приоритеты Республики

Узбекистан // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 6. С.63-82.

23. Российский «Пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. – М.: Институт экономики РАН, 2022. – 118 с.

24. Хейфец Б.А. Три видения стран-участниц Евразийского экономического союза // Экономическое взаимодействие стран-членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта: Сборник научных статей / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 33–44.

Integration projects of Russia and states of «neighborhood zone» in the context of fragmentation and regionalization of the post-soviet space: part 1

Medvedev Ilya Vitalievich

junior research assistant

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

E-mail: ilya13092@yandex.ru

Annotation. The development of integration projects in the post-Soviet space (PSS) at the present stage is facing ever new challenges in the context of competition among global and regional centers of economic attraction represented by the USA, the European Union, China and Turkey, which actualizes the study of the prospects for integration projects of the newly independent states (NIS). The purpose of this study is to clarify the contours of the further development of regional cooperation through a generalization and comparative analysis of theoretical approaches to the integration of PSP with the identification of a possible optimal model of cooperation in the NIS. To achieve this goal, the work is divided into two blocks, which are determined by the objectives of the study. The first part of the work is focused on conducting a retrospective analysis of PSP regional cooperation in the context of the theories and approaches to regional integration used. The second part of the study is devoted to a comparative analysis of the approaches used to regional cooperation in the NIS in order to identify promising models of regional cooperation in the context of external sanctions pressure.

The study summarizes some patterns in the context of PSP integration and analyzes the stages of development of post-Soviet integration in the context of the Russian concept of turning to the east. A distinction is made between fragmentation and regionalization of the post-Soviet space.

It is concluded that although the European experience continues to be used in the design of post-Soviet integration, its applicability is significantly limited by the factor of sovereignty, strong differentiation of participants by level of economic development, and the desire of the participating countries to pursue a multi-vector policy. In modern conditions of fragmentation and regionalization of the post-Soviet space, the search for our own model of regional cooperation that would meet the new requirements of post-Soviet integration and adaptation of the Russian economy to external challenges is becoming increasingly relevant.

Keywords: integration, EAEU, CIS, EU, national interests, sovereignty, zone of neighboring states (neighborhood zone).

Институциональная среда устойчивого развития и ESG-трансформации российской экономики: мега-, макро-, мезо- и микроуровни

Берендеева Алла Борисовна

доктор экономических наук, доцент, профессор

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Российская Федерация

E-mail: abab60@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен международный аспект развития концепции устойчивого развития (конференции, принятые документы), глобальные трансформации, прямо или косвенно влияющие на устойчивое развитие и ESG-повестку. Обозначены экологические, экономические и социальные вызовы, актуализирующие повестку устойчивого развития и ESG. Представлен обзор теоретических концепций отечественных и зарубежных ученых, связанных с устойчивым развитием, в том числе концепций «зеленой» экономики, циркулярной экономики, эколого-экономической безопасности, «Net Zero by 2050», «Живой экономики», ноосферизма, теорий циклов, управления новациями, управления устойчивым развитием активных систем, др. Дано определение понятия «устойчивое развитие» в узком и широком смысле слова, на макро-, мезо- и микроуровнях. Показана взаимосвязь устойчивого развития с ESG-повесткой, этапы развития «зеленой повестки» на международном уровне. Отражена роль Банка России в продвижении концепции устойчивого развития и ESG: задачи, приоритеты. Дана характеристика основных этапов государственного регулирования перехода на принципы устойчивого развития на уровне государства, регионов и муниципалитетов в Российской Федерации с 2009 по 2023 год. Актуализирован вопрос о разработке права устойчивого развития. Обозначены задачи федеральных органов государственной власти и Банка России на перспективу, задачи федерального Центра и регионов в Климатической доктрине РФ, принятой в 2023 году. Подняты проблемы пространственной дифференциации регионов России и ее влияния на декарбонизацию. Показана необходимость синхронизации политики устойчивого развития с политикой пространственного развития, научно-технической и инновационной политикой. Отражены возможности и направления движения регионов и муниципалитетов к «зеленой» экономике и низкоуглеродной модели развития, опыт разработки климатических планов городов.

Ключевые слова: глобальное потепление, низкоуглеродное развитие, энергопереход, устойчивое развитие, концепция «Net Zero by 2050», «зеленая экономика», ESG-повестка, ESG-модернизация, законодательство РФ, Банк России, региональные индикаторы устойчивого развития, климатические планы городов

JEL codes: F20, F42, O33, Q28, Q38

Для цитирования: Берендеева, А.Б. Институциональная среда устойчивого развития и ESG-трансформации российской экономики: мега-, макро-, мезо- и микроуровни/А.Б. Берендеева. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №1. - С.98-119. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2024)

Введение

Как отмечалось в Климатической доктрине РФ (2009г.), «изменение климата является одной из важнейших международных проблем XXI века, которая выходит за рамки научной проблемы и представляет собой комплексную междисциплинарную проблему, охватывающую экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития Российской Федерации» [34]. В целях реализации данного распоряжения Президента РФ в 2019г. Правительством РФ был принят Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 г.

В Климатической доктрине Российской Федерации, принятой в октябре 2023г. говорится, что «особую обеспокоенность вызывает беспрецедентно высокая скорость глобального потепления, происходящего в течение последних десятилетий. Современная наука находит все больше

подтверждений тому, что хозяйственная деятельность человека, связанная, прежде всего, с выбросами парниковых газов, все сильнее влияет на климат на фоне его естественной изменчивости» [33].

Подписано распоряжение Правительства РФ от 11 марта 2023 г. №559-р «Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 г.», в котором отмечается, что «стихийные бедствия являются значимым фактором для осуществления хозяйственной деятельности и миграционных процессов в районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока... Климатические факторы в обозримой перспективе начнут оказывать все более значимое воздействие на рынок труда и занятость населения Российской Федерации посредством потерь рабочего времени, вызванных увеличением частоты и масштабов опасных природных явлений, и снижением производительности труда (особенно на открытом воздухе), вызванным экстремальными погодными условиями (жара, интенсивные осадки, в том числе тропические и ледяные дожди, град, шквалистый ветер, смерчи, дым от лесных пожаров, штормовые нагоны и др.)». Там же отмечается воздействие климатических факторов на систему здравоохранения и ее инфраструктуру, на эпидемиологическую обстановку, на оказание медицинской помощи в экстренной форме, на энергетику и жилищно-коммунальное хозяйство, др. [36]

Современные глобальные вызовы и возрастающая сложность социально-экономических систем (мировых, национальных, региональных) приводят к необходимости усиления роли отдельных государств, интеграционных группировок стран мира в обеспечении устойчивого развития (УР) и развития «зеленой экономики».

В настоящее время человечество проходит через четыре глобальные трансформации, прямо или косвенно влияющие на УР и ESG-повестку:

- декарбонизация (связанная с потеплением климата). Необходимо ограничить глобальное потепление не более 1,5–2 градусов Цельсия – такая цель поставлена в Парижском соглашении, и половина стран мира уже взяла на себя обязательство по достижению углеродной нейтральности (Net Zero), на эти страны приходилось 68% ВВП в 2022 г.;

- трансформация финансовых рынков – перераспределение финансовых потоков в пользу компаний с ESG-политикой. Давление со стороны инвесторов, кредиторов, регуляторов и всего общества вошло в топ-3 драйверов внедрения ESG-практик в компаниях. Объем активов под управлением фондов с ESG-фокусом в мире превысил 100 трлн долл. США, что в 5 раз больше годового ВВП США. Финансирование будет «зеленеть», и к бизнесу будут предъявляться все более высокие требования в области ESG, и многие компании будут просто вынуждены не только радикально перестроить цепочки создания стоимости, но и модернизировать свои системы отчетности и, соответственно, заботиться о получении новых видов рейтингов;

- демографические изменения (старение населения, миграции, появление так называемых пандемиапов – молодежь в возрасте 15–24 года, вся жизнь которых протекает в условиях финансового, экологического, а теперь еще и пандемического кризиса. В свете демографических изменений компаниям важно пересматривать свои продуктовые линейки с фокусом на инклюзивность, адаптировать их под потребности молодежи, пожилых граждан, живущих в условиях пандемии;

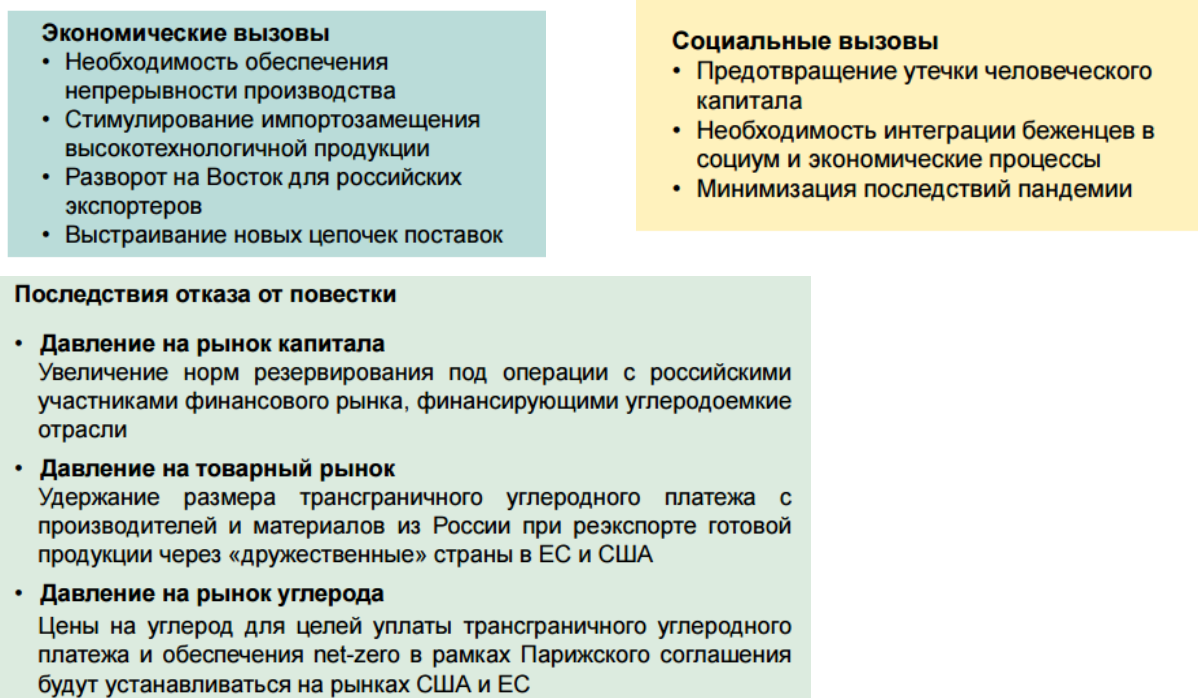
- технологическая революция – переход на умные и ресурсосберегающие технологии в базовых отраслях экономики (в первую очередь энергетике, транспорте, строительстве, сельском хозяйстве). Только в сфере искусственного интеллекта за последние годы появилось более 50 решений для борьбы с изменением климата [45].

Наряду с понятием УР сейчас широко используется понятие ESG – применительно к деятельности компаний. Аббревиатура ESG составлена из первых букв английских слов: «environmental», «social» и «governance»: факторы окружающей среды (англ., E – environment), социальные факторы (англ., S – social), факторы корпоративного управления (англ., G – governance). В широком смысле ESG есть устойчивое развитие коммерческой деятельности. Далее мы более подробно рассмотрим понятия «УР» и «ESG», сравним их.

Специалисты отмечают, что наибольшее влияние на фундаментальные изменения мира, ESG-трансформацию оказывают пять глобальных трендов:

- быстрое изменение климата;
- переход на экономику замкнутого цикла;
- разворот модели взаимодействия человека с миром в сторону устойчивости;
- внедрение цифровых технологий для зелёной трансформации;
- пересмотр оценки прогресса с учётом стоимости экосистемных услуг [46].

Актуальность повестки УР для России определяется экономическими, социальными вызовами; отказ от повестки УР может привести к негативным последствиям (рис.1):

Рисунок 1 – Актуальность повести устойчивого развития для России [40, с.9]

Источник: повестка Банка России в области устойчивого развития и климата, 2023

В связи с этим в теории и на практике получают распространение новые модели экономики, которые учитывают экологические факторы: зеленая экономика (green economy), экономика на основе зеленого роста (green growth), низкоуглеродная экономика (low-carbon economy), биоэкономика (bioeconomy), синяя экономика (blue economy) и др. Появляются и новые «гибридные» виды, например, циркулярная биоэкономика (circular bioeconomy). В определенной степени, перечисленные новые экономические модели можно считать различными видами зеленой экономики» [2, с.40;14]. «Зеленая экономика» и «зеленые технологии» неоднозначно влияют на занятость и рождают новые проблемы утилизации отходов [5].

В настоящее время проводятся международные форумы по проблемам УР, разрабатываются и внедряются международные стандарты в этой области, дающие импульс в развитии национального законодательства и стандартизации. СБЕР с 2022г. на базе своего Корпоративного университета проводит обучение по программе повышения квалификации по курсу «Устойчивое развитие / ESG-повестка».

Актуальна тема социальной безопасности, преодоления социальных проблем, социальных «издержек» реформирования. Своевременная нерешенность социальных проблем приводит к ухудшению характеристик общественного здоровья, снижению демографического потенциала общества, миграциям населения, углублению проблем бедности, поляризации общества по доходам,

«вымыванию» среднего класса общества, др. [6].

Благополучие общества в значительной степени зависит от эффективности управления на национальном, региональном и местном уровнях, а успешное развитие компаний – от эффективности работы менеджмента.

В связи с актуальностью экологических, социальных и управленческих проблем появилась концепция ESG-трансформации экономики, ESG-финансирование, управление ESG-рисками, ESG-интеграция, нефинансовая отчетность, ESG-отчет / Отчет об устойчивом развитии, ESG-рейтинги и рэнкинги ит.д. [4]

То есть повестка устойчивого развития дополняется ESG-повесткой, Поэтому важно сравнить данные понятия, провести между ними различие, определить регуляторов и инструменты управления данными процессами в нашей стране.

Цель исследования

Таким образом, цель нашего исследования – рассмотрение устойчивого развития во взаимосвязи с ESG-повесткой, теоретических подходов к определению устойчивого развития и ESG-модернизации, институциональных основ устойчивого развития и ESG-повестки, анализ «двигателей» и инструментов развития ESG-повестки в нашей стране на уровне государства, регионов и муниципалитетов, отраслей, предприятий.

Методы исследования

Исследование устойчивого развития и перехода на путь ESG-модернизации экономики опирается на использование общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также специальных методов научных исследований, к которым нами отнесены: метод контент-анализа экономических публикаций, метод экономической компаративистики, монографический метод (сравнительный анализ методологических и теоретических положений в научной литературе).

Концепция устойчивого развития: эволюция, теоретические аспекты

ESG-повестка появилась в рамках концепции устойчивого развития. Поэтому сначала рассмотрим подходы к определению, основные этапы формирования концепции УР, развитие законодательной базы, продвижение повестки на мега-, макро-, мезо-, микроуровнях экономики.

Как отмечают многие ученые и специалисты, понятие «устойчивое развитие» имеет различные обоснования и интерпретации.

В Экологическом словаре под термином «устойчивое развитие» (англ. sustainable development – поддерживаемое развитие) понимается «такое развитие общества, при котором улучшаются условия жизни человека, а воздействие на окружающую среду остаётся в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа функционирования человечества. При устойчивом развитии удовлетворение потребностей осуществляется без ущерба для будущих поколений. Концепция устойчивого развития рассматривается как предпосылка долговременного прогресса человечества, сопровождаемого приумножением капитала и улучшением экологических условий...Для человечества в целом эта концепция подразумевает частичное, целенаправленное, поддерживающее перемещение финансовых ресурсов из богатых регионов в бедные при широком обмене экологическими знаниями и информацией. Термин содержит в себе противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, подчеркивает необходимость постоянного развития (в том числе материального), а с другой, предполагает ограничение этого развития. С позиции эволюционного учения спорно также само сочетание терминов “устойчивость” и “развитие» [49].

На сайте Банка России устойчивое развитие определяется как «развитие, отвечающее потребностям настоящего времени без ущерба для благополучия будущих поколений». Отмечается, что «глобальный тренд на декарбонизацию, разработку экологических стандартов производства и повышение социальной ответственности бизнеса формирует понимание того, что участники,

не учитывающие эти факторы, будут создавать повышенные риски для финансового сектора». Обозначена основная роль Банка России в сфере УР – создание условий для его финансирования.

Определены задачи Банка России в сфере УР:

- помочь финансовым организациям и публичным компаниям адаптироваться к новым вызовам и условиям. Финансовый сектор должен в первую очередь уметь учитывать риски, связанные с переходом к целям УР, и понимать, что повышенный риск связан, прежде всего, с игнорированием целей устойчивого развития в своей деятельности. Поэтому необходимо создавать системы по идентификации, оценке, мониторингу и стресс-тестированию ESG-рисков;

- дать возможность людям и бизнесу принять участие в определении будущего планеты через создание необходимой инфраструктуры и устойчивых финансовых инструментов, в частности зеленой ипотеки, зеленых облигаций, зеленых кредитов [36].

Обозначены приоритеты Банка России:

– краткосрочный горизонт планирования: развитие рынка устойчивого финансирования и оценка ESG-рисков: инвестиционные инструменты, инфраструктура, корпоративное управление, углеродное регулирование;

– среднесрочный горизонт планирования: интеграция ESG-рисков в пруденциальное регулирование и надзор [40].

В узком понимании под устойчивым развитием понимается процесс изменения показателей системы, предполагающий предельно допустимый объем потребления природных ресурсов с учетом их самовосстановления. В широком понимании «устойчивое развитие» трактуется как поступательное, прогрессивное изменение системы с учетом соотношения баланса интересов объекта и субъекта управления, не в ущерб окружающей природной среде как фактору экономической устойчивости, с учетом перспективы использования природных ресурсов будущими поколениями [19].

Концепция УР начала формироваться в 70-80-е гг. XX в. и разрабатывалась в ответ на угрозы глобального мира как новая модель развития с целью поддержания баланса в трех сферах: экономической, социальной и экологической. Появляются публикации по теме УР: Гаррет Хардин «Трагедия общества» (1968) [52], доклад Римскому клубу «Пределы роста» – авторы американские учёные, исследователи охраны окружающей среды и климатических изменений Деннис Медоуз, Йорген Рандерс, Донелла Медоуз, (1972) [50] и др. [53-56]

Концепция УР и сам термин «устойчивое развитие» получили международное признание на Конференции ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972 г.). Официальное определение устойчивого развития было представлено Международной комиссией ООН по окружающей среде и развитию (МКОСР) в докладе «Наше общее будущее» (1987 г.). Данная Комиссия получила Комиссия Брундтланд по имени главы Комиссии – премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брундтланд.

Переломным периодом развития концепции УР стали годы после Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. (другие названия конференции – Рио-92, Саммит Земли). В главном документе Саммита – «Повестке дня на XXI век» – рассматривался «поиск новых схем производства и потребления с учетом потребностей общества». В другом важном документе – Декларации Рио-де-Жанейро – были обозначены основные принципы экологического права. Созданная в 1995 г. Комиссия по устойчивому развитию ООН утвердила Программу работы по показателям УР (социальным, экономическим, экологическим и институциональным) [41].

В 2002 г. в Йоханнесбурге (ЮАР) прошла Всемирная встреча на высшем уровне по устойчивому развитию и была принята Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию, в которой был описан план действий по реализации «Повестки дня на XXI век» концепцию мира – на основе концепции мира, стабильности и безопасности, уважения прав и свобод человека.

С целью сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу Земли для противодействия глобальному потеплению 11 декабря 1997 г. в японском городе Киото был подписан Киотский протокол – как дополнительный документ к Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. (вступил

в силу 16 февраля 2005г.). Главная цель соглашения была направлена на стабилизацию уровня концентрации парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему планеты.

В 2015г. в ходе Конференции по климату в Париже было принято Парижское соглашение – соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующее меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 г. (взамен Киотского протокола). В 2015 г. было принято два важных документа: «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в рамках которой были сформулированы Цели устойчивого развития ООН на 2015-2030 гг. [47]

Эволюция климатической повестки широко освещается в российских научных публикациях [14; 15; 23; 27; 28; 31].

Многочисленны публикации ученых по проблемам УР применительно к миру в целом, стране (макроуровень), отрасли, региону (мезоуровень) и предприятиям, организациям, учреждениям, домохозяйствам (микроуровень).

Предлагаются различные концепции УР. В 1990-е годы Дж.Элкингтон поставил вопрос о триединстве цели устойчивого развития: экологической целостности, экоэффективности и экосправедливости [51].

Есть концепция, связанная с сокращением выброса парниковых газов, – концепция перехода на низкоуглеродную энергетику. Концепция достижения климатической нейтральности «Net Zero by 2050» основана на том, что у нас еще есть время для сокращения выбросов углекислого газа на 70% по отношению к данным 2020г. Концепция Рае Квон Чунга, главного советника Генерального секретаря ООН по вопросам изменения климата, лауреата Нобелевской премии 2007 г., связана с моделью «новой климатической экономики» («new climate economy»), согласно которой страна сможет обеспечить рост доходов, если средства будут вкладываться в развитие низкоуглеродной экономики, «зеленых» производств, использующих «зеленую» энергетику [48].

В монографии, выпущенной коллективом авторов – ученых Института экономики РАН, НИИ «Высшей школы экономики», Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова, Российского государственного университета им. А.Н.Косыгина – рассматривается концепция циркулярной экономики (замкнутой, «зеленой» экономики) в концепции УР, отмечается, что необходим «поиск нового формата экономического развития в посткризисный период после пандемии, инновационное развитие биоэкономики по переработке и утилизации отходов, социально-экономическое развитие регионов как условие обеспечения экономической безопасности страны, влияние инновационной деятельности на достижение устойчивого развития регионов России, импакт-инвестиции, предпринимательство как фактор перехода к циркулярной экономике» и др. [28]

В.Морозков, Т.Прокопьева, А.Прокопьев увязывают проблемы устойчивого развития социально-экономических систем с теорией циклов, факторами экономического роста на макроуровне [18].

С.Владимиров, В.Плотников и А.Румянцев сравнивают концепцию УР с положениями концепции экономической безопасности [8]. Е.Каранина, В.Караулов и К.Картавых рассматривают проблемы региона с позиции концепции эколого-экономической безопасности [16].

Е.Шамаева (университет «Дубна»), рассматривая проектирование систем устойчивого развития, увязывает концепцию УР, развитие систем (социальных, социально-экономических, экологических и др.) с теорией управления новациями [30].

Г.Угольницкий Г., О.Горбанёва, А.Усов, М.Агиева и М.Мальсагов определяют концепцию УР в привязке к теории управления организационными системами, развиваемую Д.Новиковым и его соавторами, и предлагают теорию управления устойчивым развитием активных систем (ТУРАС). А поскольку в основе концепции УР лежит понятие гомеостаза, т.е. выполнения определённых требований к состоянию эколого-экономических систем на протяжении длительного времени, то

авторы увязывают концепцию УР с теорией живучести Ж.-П.Обена. В своих публикациях авторы рассматривают управление устойчивым развитием эколого-экономических систем, территориальных систем, образовательных систем [29,с.90, 97-99].

Дэвид Гарви и другие западные ученые развивают концепцию «пространственной справедливости», которая объединяет социальную справедливость, экологическую справедливость и пространство [53].

Как отмечает А.Шевчук, «связность природы, общества и капитала рассматривалась российскими учеными задолго до решения ООН, ЕС и других международных организаций». Он напоминает о работах Д.И.Менделеева, В.И.Вернадского, Т.С.Хачатурова [31,с.72]. Автор подробно описывает развитие экологической составляющей ESG-фактора в документах стратегического планирования РФ.

На основе учения В.И.Вернадского о биосфере как едином природном организме [7] развивается концепция «Живая экономика», предложенная в 1990-х гг. академиком Д.С.Львовым – модель мирохозяйственного устройства на основе эколого-экономических принципов промышленного природопользования, обеспечивающая экологически согласованное научно-техническое и экономическое сотрудничество всех стран мира [25]. Развивая идеи «живой экономики», С.Сухорукова и А.Погорелый отмечают, что «в наши дни на Земле уже формируется модель экономики, предполагающая экономическое и научно-технологическое сотрудничество равноправных суверенных стран, гарантируя их экологически стабильное развитие (БРИКС, ШОС, АСЕАН), где отношения стран, исключая возможность политического принуждения, строятся на принципах равноправия и взаимовыгодного сотрудничества» [26, с.9].

Проблемы УР, энергоперехода, ESG-повестки, активно обсуждаются на страницах экономических и социологических научных журналов [4]. Например, в журнале «Социологические исследования (СОЦИС)» с 2023г. открыта рубрика «Экосоциология» (№3). В журнале «Проблемы прогнозирования» исследования экологии и устойчивого развития публикуются в рубриках «Экономика и экология», «Макроэкономические проблемы», «Региональные проблемы», «Отрасли и межотраслевые комплексы», «Зарубежный опыт». В номере 6 за 2023г. 6 статей опубликовано в новой рубрике «Важнейший инновационный проект государственного значения по климату». Авторы М.Решетников, А.Широв и А.Колпаков, С.Гулев, Б.Порфирьев, Н.Скубачевская и С.Милякин, А.Романовская, В.Гинзбург и А.Гладильщикова, С.Филиппов, Ф.Веселов, А.Кейко, А.Хоршев, И.Ерохина И.В., Р.Аликин, В.Гильмундинов, Ю.Панкова, Т.Тагаева, Д.Ползиков, Ю.Зинченко, А.Галингер, С.Жуков, И.Копытин и другие отмечают взаимодействие экономической и климатической политик государства, акцентируют внимание на создании в России национальной системы мониторинга выбросов климатически активных веществ и учет климатической повестки в долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны до 2060 г.

На страницах журнала «Теоретическая экономика» проблемы устойчивого развития затрагиваются в многочисленных публикациях. Более 12 лет назад в журнале выдвинута концепция теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях [11]. Главный редактор журнала Валерий Александрович Гордеев и его коллеги развивают данную концепцию, которая опирается на полиметодологический подход, при этом «приоритет отдается методологии классической политэкономии в её высшем выражении – марксистском – в творческом её развитии, с нацеленностью на выявление объективных социально-экономических закономерностей» [12,с.29]. Политэкономический подход позволяет выделить и обосновать теоретико-методологические основы устойчивого развития.

Так, один из авторов этого журнала У.Алиев, положив в основу генетико-структурно-функциональный принцип отношения человека к объективным условиям производства, описывает экономическую систему как диалектическое единство географо-экономических (геоэкономических), этнолого-экономических (этноэкономических), эколого-экономических, технолого-экономических

(технико-экономических), организационно-экономических, информационно-экономических, управленческо-экономических, юридико-экономических, социально-экономических отношений людей по производству (воспроизводству) материальных благ и услуг [1, с.14]. То есть в рамках воспроизводственного подхода одними из отношений выступают, в том числе, эколого-экономические, социально-экономические, управленческо-экономические отношения, что соотносится с устойчивым развитием и ESG-повесткой.

В своих многочисленных публикациях на страницах журнала «Теоретическая экономика» А.Субетто развивает учение В.И.Вернадского о переходе Биосферы в Ноосферу, как законе глобальной эволюции. По мнению автора, «ноосферизм – это и новая научная идеология XXI века; и новая стратегия развития человечества, спасающая его от экологической гибели; и новая, ноосферная парадигма науки, образования и культуры, и новая форма бытия человека; и «Роды Действительного Разума», которые должны совершиться в XXI века; и новая миссия России, определяющая её как Лидера Ноосферного Прорыва Человечества; и Ноосферный Экологический Духовный Социализм; и программа ноосферогенетического синтеза научных знаний; и революция в самой системе представлений об управлении, выводящая человечество на уровень научного управления социоприродной эволюцией [24, с.126].

Н.Симченко и В.Коркин исследуют возможности обеспечения социально ориентированного экономического роста в цифровой экономике, а термины «устойчивое развитие», «устойчивый экономический рост» связывают с темпами и сущностью экономического роста, его факторами, количественными и качественными характеристиками, социально-технологической детерминантой в цифровой экономике. Авторы отмечают, что «достижение устойчивых темпов экономического роста на основе поддержания эффективности внедрения прорывных цифровых технологий должно быть сопряжено обеспечением положительного социального эффекта, заключающимся в повышении благосостояния всех членов общества» [21, с.79].

А.Тебекин и О.Ломакин дают обзор исследований и документов, посвященных проблеме адаптации к изменениям климата (АИК), поднимают вопрос о необходимости разработки отраслевых и региональных планов АИК. Авторы рассматривают проблемы определения эффективности запланированных и реализуемых мероприятий по адаптации к изменениям климата; показывают недостаточный уровень проработки количественных критериев оценки данной эффективности на основе учета только вероятного ущерба (негативных последствий изменения климата) и предлагают критерии оценки эффективности с учетом как ожидаемых негативных, так и вероятных позитивных последствий изменения климата. При этом авторы отмечают: «очевидно, что представленные общеизвестные методы в большей мере носят монетарный характер и связаны с оценкой выгод и рисков от действия, в то время как при оценке эффективности мероприятий по АИК, реализуемых в рамках региональных, национальных и международных планов, проектов и программ в первую очередь требуется оценить риск бездействия в вопросах АИК по сравнению с перспективами и результатами действий по адаптации» [27].

Д.Ахмадеев рассматривает недостатки «коричневой» экономики и возможности перехода России к «зеленой» экономике. Пишет о том, что «устойчивое развитие в России интерпретируется несколько иначе, чем в мире, так как под ним понимается в первую очередь рост экономики на основе показателя ВВП. На Западе под устойчивым развитием понимается сбалансированное развитие трех компонентов – экономической, социальной, и экологической». Но следует поспорить с автором и отметить, что в последние годы Правительство России и главный регулятор, Банк России, активизировали деятельность по продвижению не только экологической, но и ESG-повестки. В данной статье раскрываются подходы к формированию индикаторов УР и обосновывается тезис, что корректная оценка степени развития человечества в целом и отдельных стран в частности в настоящее время остается сложной задачей [2, с.41].

Устойчивое развитие и ESG-повестка

Понятие «устойчивое развитие» тесно связано с ESG-повесткой. Сравним понятия УР и ESG. По мнению А.Ведяхина, первого заместителя председателя правления СБЕРА, «устойчивое развитие – такое развитие при котором человечество, с одной стороны, удовлетворяет свои текущие потребности, а, с другой стороны, не ставит под угрозу удовлетворение потребностей будущих поколений. ESG – это практическая форма понятия «устойчивое развитие», его прикладное применение в бизнесе» [45].

В широком смысле ESG есть устойчивое развитие коммерческой деятельности, которое строится на следующих принципах:

- ответственное отношение к окружающей среде и подразумевает минимизацию негатив воздействия на окружающую среду (E);
- высокая социальная ответственность и максимизация положительного эффекта на общество (S);
- высокое качество корпоративного управления, повышение стандартов и прозрачности управления, экономической устойчивости бизнеса (G).

Поэтому в деловой среде меры, которые предпринимает компания для достижения УР, подразделяется на 3 группы: экологические, социальные, управленческие.

В Повестке Банка России в области устойчивого развития и климата отмечаются ESG-факторы – как факторы, риски и возможности, связанные с окружающей средой (экологические и связанные с изменением климата), обществом (социальные) и корпоративным управлением (рис. 2, 3).

Рисунок 2 – ESG-факторы.

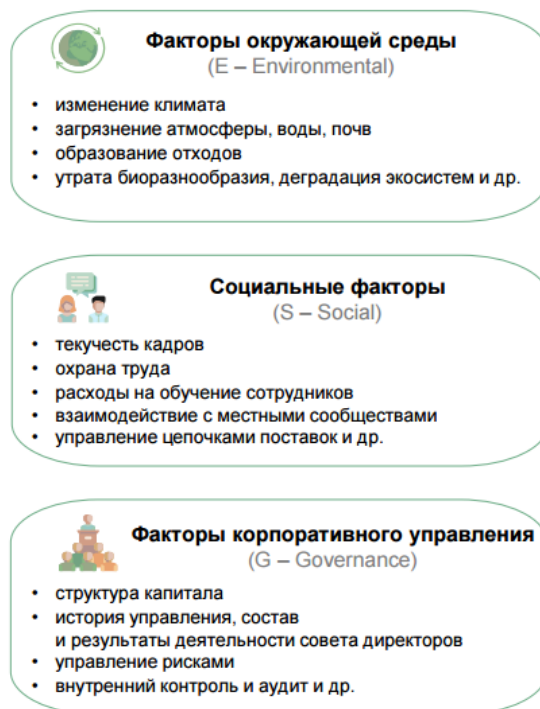
Источник: распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2021г. N1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ».

Проводится различие между понятиями «устойчивое развитие» и «ESG-факторы». Как видно из рис. 4, устойчивое развитие связано с реализацией целей и задач ЦУР, а ESG – это методы и процессы, которые могут способствовать достижению ЦУР.

В настоящее время в научной литературе с опорой на международные и российские практики рассматриваются различные аспекты ESG-модернизации экономики и ее инструментов [4].

На международном уровне разработаны ESG-принципы, концепции и стандарты ESG-отчетности: Global Reporting Initiative (GRI), Sustainability Accounting Standards Board (SASB), Global Real Estate Sustainability Benchmark (GRESB), Carbon Disclosure Project (CDP), Task Force on Climate-related Financial Disclosures (TCFD).

ESG-принципы следующие. Экологические принципы подразумевают заботу компании об окружающей среде, пути сокращения ущерба, наносимого экологии. Социальные принципы показывают отношение компании к персоналу, партнерам, поставщикам, клиентам, потребителям. Чтобы соответствовать стандартам, бизнес должен улучшать условия труда, инвестировать в социальные проекты, соблюдать гендерный баланс и т.д. Управленческие принципы затрагивают качество управления компаниями: прозрачность отчетности, отношения с акционерами, зарплаты менеджмента, антикоррупционные меры, здоровую обстановку в офисах и т.д. [22]

Рисунок 3 – ESG-факторы /Факторы, связанные с окружающей средой (экологические и климатические), обществом (социальные) и корпоративным управлением.

Источник: Банк России. Устойчивое развитие.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

- 17 целей устойчивого развития (ЦУР) по достижению идеала устойчивого, разнообразного и инклюзивного общества к 2030 году
- ЦУР относятся ко всем, в том числе к обществу, а не только к странам и компаниям
- ЦУР – **цели и задачи**

ESG-ФАКТОРЫ

- факторы, риски и возможности, связанные с окружающей средой, обществом и корпоративным управлением
- относятся в первую очередь к бизнес-сообществу и компаниям в части оценки устойчивости бизнеса или проведения инвестиционного анализа ценных бумаг
- ESG – **методы и процессы**, которые могут способствовать достижению ЦУР

Рисунок 4 – Сравнение понятий «устойчивое развитие» и «ESG-факторы»

Источник: Опыт Москвы. Как разработать Климатический план города? Базовые рекомендации по адаптации и снижению воздействия

Роль государства в продвижении устойчивого развития и ESG-повестки

Зарубежный опыт энергоперехода к «зеленой» экономике в США, Евросоюзе, Китае, отражен в публикации С.Жукова и О.Резниковой. Авторы делают вывод о необходимости масштабной и разнообразной поддержки энергоперехода со стороны государства, что позволит создать эффективные рыночные решения в поддерживающих переход ключевых технологиях [13].

На современном этапе цифровой трансформации ученые-правоведы разрабатывают право устойчивого развития. Например, С.Кашкин рассматривает эволюцию права общественных явлений, формирование права устойчивого развития от киберправа через интеграционное право, сетевое право, платформенное право – к концепции УР [17].

Если на международном уровне уже, как было отмечено выше, создан механизм и система поддерживающих его инструментов, то в России только развивается законодательная база в области устойчивого развития, «зеленой» экономики. Российская Федерация подписала Парижское соглашение 22 апреля 2016 г. Соглашение заключается в удержании прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 градусов Цельсия по сравнению с доиндустриальными уровнями (1850–1900 годы) и приложении усилий по ограничению прироста глобальной средней температуры до 1,5 градуса Цельсия. Постановлением Правительства РФ от 21.09.2019 г. Соглашение было «принято», но не ратифицировано Государственной Думой РФ. Есть мнение, что «Россия в этом процессе долгое время занимала достаточно пассивную позицию, формально принимая участие во всех ключевых соглашениях, но не осуществляя серьезных действий по их интеграции в национальную политику» [2, с 42].

В последнее время тема ESG стала одной из ключевых и обсуждается на уровне первых лиц государства. Создано несколько межведомственных групп с участием Банка России, МЭР, Аппарата Правительства – все они решают вопросы в области УП и ESG на национальном уровне. Разрабатывается законодательное регулирование по «зеленому», а теперь и социальному финансированию (табл.1).

В конце 2020г. в Банке России создана Рабочая группа по финансированию устойчивого развития, которая определяет стратегическую повестку по этому направлению и контролирует ее реализацию. Приняты рекомендации Банка России по устойчивому развитию. На сайте Банка России (на 22.12.2023г.) представлено 12 документов по концепции УР [37].

В 2021г. принято распоряжение Правительства РФ «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ», в котором отмечается, что цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ определяют ключевые направления государственной политики РФ по развитию инвестиционной деятельности в нашей стране и привлечению внебюджетных средств в проекты, связанные с положительным воздействием на окружающую среду, развитие социальных отношений и иных направлений устойчивого развития, определенных международными договорами [35].

В данном документе выделяются принципы, которым должны удовлетворять «зеленые проекты» и «адаптационные проекты».

Приоритетными целями, связанными с положительным воздействием на окружающую среду, названы:

- сокращение выбросов парниковых газов;
- снижение выбросов и сбросов загрязняющих веществ и (или) предотвращение их влияния на окружающую среду;
- энергосбережение и повышение эффективности использования ресурсов;
- сохранение, охрану или улучшение состояния окружающей среды.

Данное распоряжение определило основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ: энергетика; обращение с отходами; промышленность; строительство; транспорт и промышленная техника; водоснабжение и водоотведение; сельское хозяйство; природные ландшафты, реки, водоемы и биоразнообразие; устойчивая инфраструктура [35].

Наиболее важные этапы государственного регулирования перехода на принципы устойчивого развития в нашей стране представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Основные этапы государственного регулирования в РФ перехода на принципы устойчивого развития

Годы	Соглашения, нормативно-правовые акты
2009г., декабрь	Подписано распоряжение Президента РФ от 17 декабря 2009г. №861-рп «О климатической доктрине Российской Федерации». Утратило силу - Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023г. №812.

Годы	Соглашения, нормативно-правовые акты
2015 г., декабрь	Участие России в разработке Парижского соглашения.
2016 г., апрель	Российская Федерация подписала Парижское соглашение 22апреля 2016 г.
2017 г., апрель	Подписан указ Президента РФ от 19апреля 2017г. №176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025года».
2018 г., январь	Утверждена Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года распоряжением Правительства РФ от 25 января 2018 г. № 84-р.
2018 г., май	Подписан указ Президента РФ от 7мая 2018г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
2019 г., сентябрь	Постановлением Правительства РФ от 21сентября 2019 г. Парижское соглашение было «принято», но не ратифицировано Государственной Думой РФ.
2019 г., ноябрь	Соглашение вступило в силу для России.
2018 г.	Утвержден национальный проект «Экология» (сроки реализации 01.10.2018–31.12.2024гг.).
2019 г., декабрь	Утвержден Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года: распоряжение Правительства РФ от 25декабря 2019г. №3183-р.
2020 г., июль	Подписан указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
2020 г.	В конце 2020 г. вБанке России создана Рабочая группа по финансированию устойчивого развития, которая определяет стратегическую повестку по этому направлению и контролирует ее реализацию. В группе – 5 тематических экспертных подгрупп с участием представителей федеральных органов исполнительной власти, институтов развития, участников финансового рынка, саморегулируемых организаций и науки.
2021 г., июль	Принят федеральный закон от 02июля 2021г. №296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов».
2021 г., июль	Подписано распоряжение Правительства РФ от 14июля 2021г. N1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ».
2021 г., февраль	Подписан указ Президента РФ от 8февраля 2021г. №76 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений».
2021 г., октябрь	Подписано распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2021г. №3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050г.».
2021–2023 гг.	Приняты рекомендации Банка России по устойчивому развитию.
2022 г., февраль	Постановлением Правительства РФ от 8 февраля 2022 г. № 133 утверждена Федеральная научно-техническая программа в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 годы.
2022 г., декабрь	Приняты рекомендации РСПП по поддержанию и продвижению повестки устойчивого развития в современной российской практике (заседание 27.12.2022 г.).

Годы	Соглашения, нормативно-правовые акты
2023 г., март	Подписано распоряжение Правительства РФ от 11 марта 2023г. №559-р «Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025г.».
2023 г., октябрь	Подписан указ Президента РФ от 26 октября 2023г. №812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации».

Источник: составлено автором.

Федеральные органы государственной власти в нашей стране обеспечивают:

совершенствование и применение законодательства РФ с учетом влияния климатического фактора на соответствующие отрасли экономики и население;

разработку и реализацию комплекса мер по адаптации, в том числе в рамках национального и отраслевых планов адаптации к изменению климата;

функционирование систем учета антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов (включая леса и иные экосистемы);

развитие экономических институтов и финансовых механизмов, включая системы налогообложения и финансового стимулирования, содействующих технологическому переоснащению предприятий, замене устаревшего оборудования, внедрению технологий, способствующих снижению выбросов парниковых газов, в том числе энергоэффективных и энергосберегающих технологий, технологий снижения выбросов парниковых газов предприятиями топливно-энергетического комплекса, транспорта, металлургической, химической и других отраслей промышленности, а также расширению использования возобновляемых и альтернативных источников энергии с низким уровнем выбросов парниковых газов;

разработку и реализацию мер по созданию и функционированию системы экологического просвещения и образования;

подготовку и публикацию на регулярной основе оценочного доклада об изменении климата и его последствиях на территории РФ [33, п.66].

Для Банка России задачами следующего этапа выступают: развитие инструментов финансирования устойчивого развития; разработка Рекомендаций по формированию стратегии УР и стратегии климатического перехода компаний; развитие подходов к раскрытию информации об устойчивом развитии; Продолжение мониторинга и совершенствование подходов к анализу климатических рисков; интеграция ESG-рисков в пруденциальное регулирование и надзор; Совершенствование ESG-рейтингов в части их методологий; развитие национальной системы углеродного регулирования и биржевой торговли углеродными единицами [40, с.20].

Устойчивое развитие и ESG-повестка: региональный аспект

Последствия изменения климата проявляются на глобальном, региональном, субрегиональном и национальном уровнях. Значительная часть территории РФ находится в области наиболее интенсивного изменения климата, как происходящего, так и ожидаемого [33, п.12].

На региональном уровне концепция УР «подразумевает развитие региона через самоорганизацию прирамочной внешней поддержке, предупреждающей возможность его перехода в состояние необратимой деградации среды» [33, п.45].

В Климатической доктрине РФ-2023 при разработке региональных программ УР предусмотрено решение следующих задач, связанных с изменением климата:

а) совершенствование и применение законодательства субъектов РФ с учетом влияния климатического фактора на состояние территорий, отраслей экономики и социальной сферы;

б) разработка и реализация мер по адаптации, включая учет фактора изменения климата в среднесрочных и долгосрочных планах социально-экономического развития регионов РФ и

соответствующих отраслей экономики;

в) разработка и внедрение региональных систем эффективного реагирования на опасные погодные-климатические явления;

г) реализация мер по смягчению антропогенного воздействия на климат, включая внедрение технологий, способствующих сокращению выбросов парниковых газов и увеличению их поглощения;

д) разработка и реализация мер, направленных на предотвращение распространения инфекционных и паразитарных заболеваний в результате расширения ареалов обитания их переносчиков, обусловленного изменением климата [33, п.67].

В научных публикациях рассматриваются следующие региональные аспекты применения концепции УР.

В научной литературе обсуждаются проблемы пространственной дифференциации России, показателей социально-экономического развития и отраслевой структуры отдельных регионов, неравномерному размещению производств с выбросами парниковых газов. Например, В.Гильмундинов, Ю.Панкова и Т.Тагаева дают схему учета региональных особенностей при разработке сценариев декарбонизации экономики нашей страны. Авторы отмечают необходимость синхронизации данной политики с политикой пространственного развития, научно-технической и инновационной политикой, что, по их мнению, «позволит сформировать новые, «зеленые» центры экономического развития, способствующие устойчивому развитию обширных территорий РФ» [10, с.93].

Д.Гайнанов, Р.Гатауллин и Р.Сафиуллин пишут о разной степени уязвимости регионов России от процессов декарбонизации, Например, в бóльшую зависимость от де-карбонизации попадают, прежде всего, промышленно развитые регионы с преобладанием в их структуре экономики таких секторов, как ТЭК, металлургия, химия и нефтехимия, сельскохозяйственное производство, формирующие основную часть экспорта. В то же время не зависят от процессов декарбонизации недостаточно экономически развитые регионы, которые не так активно участвуют в международном разделении труда, например, республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Тыва, Чеченская и Еврейская автономная область. Поэтому, по мнению авторов, при реализации стратегий социально-экономического развития с учетом процессов декарбонизации необходимо учитывать территориальную специфику региональных экономик. А с учетом введения в перспективе странами ЕС трансграничного углеродного регулирования (ТУР) переход на экологически чистые технологии производства товаров и услуг становится необходимостью территориально-структурной трансформации региональных экономических систем. Авторы выделяют регионы с экстремально высокой, высокой, средней и низкой зависимостью (по отраслям экономики, подпадающим под углеродное налогообложение) [9, с.34].

Е.Каранина, В.Караулов и К.Картавых предлагают методику воздействия хозяйственной деятельности на природную экосистему на основе расчета индекса экологического благополучия и показывают результаты апробации данной методики на примере субъектов Приволжского федерального округа в 2010–2020 гг. Авторы описывают механизм обеспечения эколого-экономической безопасности региона и пишут о необходимости разработки новых статистических показателей, характеризующих, наряду с состоянием окружающей среды, темпы и уровень экономического развития. Это, по их мнению, является «вызовом перед экономической статистикой». А добиваться цели эколого-экономической безопасности регионы, по их мнению, должны с помощью единой государственной политики, направленной на предотвращение внутренних и внешних угроз экономической и экологической безопасности [16, с. 218, 222].

А.Ахмадов и Т.Бурцуева акцентируют внимание на выборе национальных и региональных индикаторов устойчивого развития – наряду с международными индикаторами УР, разработки набора показателей целей УР региона и проведения их регионального мониторинга [3].

Поднимаются вопросы климатических и экологических рисков в развитии регионов,

муниципалитетов. Например, Б.Ревич и Т.Харькова исследуют климатические риски Ямало-Ненецкого автономного округа в связи с потеплением климата, таянием вечной мерзлоты, обозначая последствия этого: разрушение дорожной инфраструктуры и объектов здравоохранения, ухудшение доступности медицинской помощи, активизации очагов инфекционных заболеваний, др. [20]

Банк России в число целей УР включает оценку устойчивого развития через систему индикаторов – как на национальном, так и на и региональном уровнях [40].

В конце 2020г. запущен региональный эксперимент Сахалинской области по достижению углеродной нейтральности к 2025г. Программа проведения данного эксперимента разработана Министерством экологии и устойчивого развития Сахалинской области. Цель эксперимента – достижение до 31декабря 2025г. углеродной нейтральности на территории Сахалинской области. Для этого на уровне субъекта РФ используются такие инструменты, как: квотирование выбросов парниковых газов региональных регулируемых организаций, инвентаризация выбросов и поглощений парниковых газов, расширенная (по сравнению с федеральным уровнем) обязательная углеродная отчетность [42].

На муниципальном уровне под устойчивым развитием муниципального образования понимается «совершенствование финансово-хозяйственной деятельности муниципального образования, позволяющее путем эффективного использования собственных ресурсов, не полагаясь на привлечение минимального объема районного, регионального финансирования, целевое использование федеральных финансовых активов, показывать стабильные результаты социально-экономического развития с применением средств инновационно-предпринимательской активности, наукоемких «зеленых» технологий. В основе целеполагания экономического развития следует рассматривать такие критерии, как уровень комфортности жизни населения, достойное материальное положение, платежеспособность, состояние общественной, санитарно-эпидемиологической и производственной безопасности, рациональное использование ресурсного и производственного потенциала, перспективы освоения муниципальной территории будущими поколениями».

В.Морозков В.А., Т.Прокопьева и А.Прокопьев пишут, что, «для систем отраслевого и территориального типа нарушение устойчивости их развития несет угрозу ухудшения производственных показателей, снижения уровня жизни населения, нарушения сбалансированности бюджетов всех уровней». Многие муниципальные образования вследствие дотационного характера местных бюджетов подвержены рискам неустойчивости [18,с.52-53].

Города, с одной стороны, являются двигателями роста и инноваций, а, с другой стороны, – основными источниками выбросов углерода и уязвимы к последствиям изменения климата. Мировой опыт показывает, что низовым инициативам принадлежит ключевой вклад в климатические действия. Ядром изменений по всему миру становятся муниципалитеты, которые вовлекают малый и средний бизнес, местных жителей в климатически дружественные мероприятия: развитие возобновляемой энергетики, энергоэффективности, экологичного транспорта, оценку проявлений изменения климата и внедрение мер адаптации. Во многих странах местные власти разрабатывают собственные стратегии и планы по снижению воздействия на климат, – есть климатические планы в отдельных городах, муниципалитетах, компаниях и даже школах. Климатические планы становятся частью планов устойчивого развития, и это становится распространенной практикой в мире.

Реализуются проекты обновления городов с упором на низкоуглеродное развитие. Так, в 2005г. была создана сеть городов C40 Cities [43], объединившихся для реализации климатической повестки – тогда их было 40 (в сеть C40 входит и г.Москва), сейчас таких городов уже 97. Сеть C40 ставила цель, чтобы каждый город до конца 2020 г. разработал и начал выполнять комплексный и всеобъемлющий план, учитывающий необходимость адаптироваться к воздействиям изменения климата, сокращать выбросы парниковых газов и приносить более широкие социальные, экологические и экономические выгоды. Климатические планы есть у столичных городов в Норвегии – Осло, в Финляндии – Хельсинки, в Швеции – Стокгольм, Гётеборг, в Дании – Копенгаген, Сённерборг и остров Самсё.

В 2008г. в Европе стартовало Соглашение мэров по климату и энергетике. В настоящее время в соглашении участвуют города Беларуси, Армении, Казахстана. Эта инициатива объединяет более 9000 местных и региональных властей из 57 стран, в том числе стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии [38].

Под эгидой C40 действует Форум низкоуглеродных регионов (Low-Carbon Districts Forum, LCDF), он создает условия для взаимодействия участников с городами, региональными правительственными агентствами, частным сектором, академическими учреждениями, другими глобальными сетями и программами для внедрения инноваций и совместной реализации низкоуглеродных технологий, проекты регионального развития [44].

Москва входит в группу городов — климатических лидеров C40. В 2017г опубликованы рекомендации по адаптации и снижению воздействия на климат на примере подходов Москвы, в которых предусмотрены решения для климатической адаптации и снижения выбросов парниковых газов мерами в таких секторах, как строительство, энергетика, транспорт, коммунальное хозяйство, здравоохранение и природа (зеленые насаждения и природные территории). С 2017г. Москва ежегодно организует Климатический форум городов — площадку для обмена самым передовым опытом климатических действий [39, с.29-30].

В ряде городов осуществляется переход на энергоэффективное освещение в зданиях, улучшения теплоизоляции зданий, энергоэффективной модернизации теплоснабжения, проводится теплоаудит жилых зданий, школ с присвоением зданиям класса энергоэффективности.

Распоряжением Правительства РФ от 22апреля 2015г. №716-р утверждена Концепция формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в РФ, в соответствии с которой регионы обязаны учитывать выбросы парниковых газов. Специалисты многих регионов заявляют, что нормативная база для этого пока недостаточна. По данным Минприроды, в 2017г. 11 субъектов РФ добровольно провели инвентаризацию парниковых газов г.Москва, республики Алтай, Башкортостан, Карачаево-Черкесская, области: Воронежская, Кировская, Ленинградская, Новгородская, Сахалинская, Хабаровский край, Ямало-Ненецкий автономный округ [39, с.30].

Внедрению возобновляемой энергетики в регионах способствует Госпрограмма поддержки возобновляемых источников энергии (распоряжение Правительства РФ №1081-р от 18апреля 2020г. – о внесении изменений в основные направления государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2024г.). Практика показывает, что использование возобновляемых источников энергии может приводить к получению экологических преимуществ, снижению цен, развитию технологического и экономического потенциала, что повышает интерес бизнеса, частных потребителей, региональных властей к этим источникам энергии.

Таким образом, во многих странах муниципалитеты стали локомотивами процесса перехода к «зеленой» экономике и низкоуглеродной модели развития, а климатические планы стали одним из инструментов для УР на уровне страны, регионов, муниципалитетов. Важно при этом увязывать интересы, добиваться компромисса и синергии органов власти, общественности, бизнеса, градостроителей при решении климатических, энергетических и экологических проблем.

Т.Шпилькина, А.Ковалев и Н.Филимонова отмечают, что «реализация концепции устойчивого развития – процесс сложный, пока неоднозначный, затрагивающий все сферы жизнедеятельности человека и общества: экономическую, технико-технологическую, политическую, социальную и духовную. Одним из важных триггеров, который может запустить процесс зеленой экономики, является человеческий капитал, так как именно он может способствовать становлению стандартов и принципов. Помимо этого, одним из условий, которые предписывает нам сегодняшний день, является активное внедрение цифровых технологий во все сферы» [32, с.270].

Заключение

Актуальность повестки устойчивого развития для России определяется экологическими, экономическими, социальными вызовами. Тема УР – интегральная и затрагивает экономическую, технико-технологическую, политическую, социальную и духовную сферы общества. В настоящее время декарбонизация, связанная с потеплением климата, является одним из глобальных трендов развития и определяет политику устойчивого развития. Концепция УР и достижение климатической нейтральности «Net Zero by 2050» связана с другими теориями и концепциями (теорией циклов, концепцией циркулярной экономики, экономической безопасности, эколого-экономической безопасности, ноосферизма, пространственной справедливости, управления устойчивым развитием активных систем, управления новациями, др.). В создании условий для финансирования УР и ESG-повестки основная роль в нашей стране отведена Банку России. На международном уровне разработаны соглашения в области устойчивого развития, «зеленой экономики», стандарты в области государственной политики низкоуглеродного развития. В Российской Федерации на законодательном уровне также активно разрабатывается политика устойчивого развития. На региональном уровне учету территориальных особенностей декарбонизации пока уделяется недостаточное внимание. В связи с этим актуализируется задача разработки для регионов концептуально-методологических основ декарбонизации. Есть примеры разработки климатических планов российских городов и реализации экологической повестки в первую очередь в таких отраслях строительство, энергетика, транспорт, коммунальное хозяйство, здравоохранение и городская среда. Муниципалитеты могут стать локомотивами процесса перехода к «зеленой» экономике и низкоуглеродной модели развития.

Во второй статье, посвященной тематике УР и ESG, будут рассмотрены теоретические аспекты устойчивого развития компаний и ESG-трансформации бизнеса, механизмы управления устойчивым развитием бизнеса, отраслевой аспект УР, влияние ESG-повестки компаний на изменение системы корпоративного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АлиевУ.Ж. Диалектика количественного и качественного в социально-экономических исследованиях //Теоретическая экономика. - 2019. - №12 (60). - С.11-18. - URL:<http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 28.11.2023)
2. АхмадеевД.Р. Российская экономика в контексте перехода к устойчивому развитию: возможности и риски // Теоретическая экономика. - 2021 - №6. - С.38-51. - URL:<http://www.theoreticaleconomy.ru/index.php/tor> (дата обращения: 23.12.2023)
3. АхмадовА.Р., БурцуеваТ.А. Развитие региона в концепции теории устойчивого развития / Современные проблемы управления в социально-экономических системах: цифровая трансформация экономики и культуры общества: сб. материалов IVМеждунар. науч.-практ. конф. (г.Ростов-на-Дону, 25–28 апреля 2022 г.). - Ростов-на-Дону, 2022. - С.302-305.
4. БерендееваА.Б. ESG-повестка в рыночной экономике: теоретико-методологические аспекты //Вестник Иван. гос. ун-та. Сер. Экономика. - 2023. - №3. - С.7-21. - URL:http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/economics.php (дата обращения: 15.12.2023).
5. БерендееваА.Б. Рецензия на статью: ФроловА.С. Влияние процессов экологизации экономики на занятость населения //Теоретическая экономика. - 2021. - №3 (75). - С.98-103. - URL:<http://www.theoreticaleconomy.ru/index.php/tor> (дата обращения: 12.11.2023)
6. БерендееваА.Б., СергеевС.М. Социализация экономики: теоретические подходы к оценке показателей и потенциала //Теоретическая экономика. - 2023. - №1(97). - С.13-18. - URL:<http://www.theoreticaleconomy.ru/index.php/tor> (дата обращения: 12.11.2023)
7. ВернадскийВ.И. Собр. соч. в 24т. /под ред. академика Э.М.Галимова; Ин-т геохимии и аналитической химии им.В.И.Вернадского; Комиссия РАН по разработке научного наследия акад.В.И.Вернадского. - М.: Наука, 2013. - Т.8. Живое вещество и биосфера. - 526с. - URL:<http://www.vernadsky-heritage.ru/SiteAssets/24tomnik/Том%208.pdf> (дата обращения: 21.12.2023)
8. ВладимировС.С., ПлотниковВ.А., РумянцевА.С. Устойчивое развитие: анализ с позиций теории экономической безопасности /Устойчивое развитие: перед лицом глобальных вызовов: сб. материалов конф. (г.Санкт-Петербург, 25–27мая 2023г.). - Санкт-Петербург, 2023. - С.22-27.
9. ГайнановД.А., ГатауллинР.Ф., СафиуллинР.Г. Типологизация региональных систем России в связи с процессами декарбонизации экономики //Экономика региона. - 2023. - Т.19 (1). - С.29-44.
10. ГильмундиновВ.М., ПанковаЮ.В., ТагаеваТ.О. Концепция региональной дифференциации процессов декарбонизации экономики России //Проблемы прогнозирования. - 2023. - №6. - С.91-102.
11. ГордеевВ.А. Теоретическая экономия: новые штрихи к избранной концепции //Теоретическая экономика. - 2023 - №11. - С.4-10. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 22.12.2023)
12. ГордеевВ.А., ШкиотовС.В. О траектории социально-экономического развития Российской Федерации с позиции теоретической экономии //Вестник Твер. гос. ун-та. - Сер: Экономика и управление. - 2022. - №4(60). - С.28-33.
13. ЖуковС.В., РезниковаО.Б. Энергетический переход в США, Европе и Китае: новейшие тенденции //Проблемы прогнозирования. - 2023. - №4. - URL: <https://ecfor.ru/publication/politika-dekarbonizatsii-v-ssha-evrope-i-kitae/> (дата обращения: 13.09.2023)
14. Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России: колл. монография /Под науч. ред. С.Н.Бобылёва, П.А.Кирюшина, О.В.Кудрявцевой. - М.: Эконом. факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, 2019. - 284с.
15. КамашеваМ.Г. Концепция устойчивого развития: история и определение понятия // Инновации. Наука. Образование. - 2021. - №37. - С.1786-1792.
16. КаранинаЕ.В., КарауловВ.М., КартавыхК.Е. Концептуальный подход к диагностике эколого-экономической безопасности региона //Теоретическая и прикладная экология. - 2022. - №4. - С.214-223.
17. КашкинС.Ю. Основные принципы правового регулирования устойчивого развития //Юрист.

- 2022. - №9. - С.10-18.

18. Морозков В.А., Прокопьева Т.В., Прокопьев А.В. Социально-экономическая характеристика муниципального образования в контексте теории устойчивого развития // Общество: политика, экономика, право. - 2019. - №4(69). - С.52-58.

19. Мохов В.Г., Лайне А.Е. Российская государственная политика в области устойчивого развития // Управление инвестициями и инновациями. - 2018. - №2. - С.74-79.

20. Ревич Б.А., Харьков Т.Л. Климатические риски социального развития Ямало-Ненецкого автономного округа // Проблемы прогнозирования. - 2023. - №4. - С.157-167. - URL: <https://ecfor.ru/publication/klimaticheskie-riski-sotsialnogo-razvitiya-yanao/> (дата обращения: 14.09.2023)

21. Симченко Н.А., Коркин В.И. Социально-технологические детерминанты устойчивого экономического роста в цифровой экономике // Теоретическая экономика. - 2023 - №11. - С.74-83. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 22.12.2023)

22. Синюк Т.Ю., Суржиков М.А., Панфилова Е.А. ESG-рейтинги и ESG-принципы: проблемы построения и взаимосвязи / Реализация ESG-принципов в стратегии устойчивого развития экономики России; авторы: Вовченко Н.Г., Кузнецов Н.Г., Макаренко Е.Н. и др. - Ростов-на-Дону, 2022. - 508 с. - С. 157-166.

23. Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия: колл. монография / Бельский В.Ю., Василенко И.А., Делокаров К.Х. и др.; под ред. А.И.Костина. - М.: Изд-во МГУ, 2018. - 316с.

24. Субетто А.И. Ноосферизм как целостное учение и базис теории и практики перехода к управляемой истории человечества в новом качестве как управляемой социоприродной эволюции // Теоретическая экономика. - 2023 - №8 (104). - С.108-126. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 18.12.2023)

25. Сухорукова С.М., Погорелый А.М. Живая экономика (экономическая наука, как космопланетное явление). Вып.2. - М., 2021. - 129с.

26. Сухорукова С.М., Погорелый А.М. Экономическая теория глобального экологически устойчивого развития в условиях энергоинформационного уклада // Вестник Института развития ноосферы. - 2023. - №1(18). - С.5-11.

27. Тебекин А.В., Ломакин О.Е. Критерии эффективности мероприятий по адаптации национального хозяйства к изменениям климата // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.40-55. URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 23.12.2023)

28. Теория, история и практика циркулярной экономики в концепции устойчивого развития: монография / Бурденко Е.В., Быкасова Е.В., Мудрова С.В. и др. - М.: Ай Пи Ар Медиа, 2021. - 259с.

29. Угольницкий Г.А., Горбанева О.И., Усов А.Б., Агиева М.Т., Мальсагов М.Х. Теория управления устойчивым развитием активных систем // Управление большими системами: сб. трудов. - 2020. - №84. - С.89-113.

30. Шамаева Е.Ф. Основы теории управления новациями в проектировании систем устойчивого развития с использованием универсальных величин // Перспективы науки. - 2019. - №10(121). - С.12-17.

31. Шевчук А.В. ESG – современная стратегия экологизации экономики России / Глобальные вызовы и национальные экологические интересы: экономические и социальные аспекты: сб. материалов XVII междунар. науч.-практ. конф. Росс. общества экологической экономики. Под ред. Т.О. Тагаевой, Л.К. Казанцевой. - Новосибирск, 2023. - С.71-81.

32. Шпилькина Т.А., Ковалева И., Филимонова Н.Н. Современный рынок труда и особенности его развития в условиях санкций и цифровизации и устойчивого развития // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2022. - №8(90). - С.268-274.

33. Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. №812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации».

34. Распоряжение Президента РФ от 17 декабря 2009 г. №861-рп. «О климатической доктрине Российской Федерации» (дата обращения: 21.12.2023)
35. Распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2021 г. N1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ».
36. Распоряжение Правительства РФ от 11 марта 2023 г. №559-р «Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 г.».
37. Банк России. Устойчивое развитие. - URL: <https://cbr.ru/develop/u/> (дата обращения: 22.12.2023)
38. Климатические планы муниципалитетов. Обзор успешного опыта и рекомендации / О.Н. Сенова. - Санкт-Петербург: РСоЭС, 2022. - 40 с. - URL: https://rusecounion.webtm.ru/ru/climateinfokit/climate_plans_b (дата обращения: 22.12.2023)
39. Опыт Москвы. Как разработать Климатический план города? Базовые рекомендации по адаптации и снижению воздействия/ URL: <http://ecoline.ru/wp-content/uploads/how-to-develop-a-climate-plan-for-the-city.pdf>. (дата обращения: 22.12.2023)
40. Повестка Банка России в области устойчивого развития и климата, 2023. - 20 с. - URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123919/Press_ur.pdf (дата обращения: 21.12.2023)
41. Принципы Глобального договора ООН. - URL: <https://globalcompact.ru/about/ten-principles/> (дата обращения: 18.12.2023)
42. Программа проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области: постановление Правительства Сахалинской области от 28 ноября 2022 г. №551. - 64 с. - URL: https://ecology.sakhalin.gov.ru/fileadmin/user_upload/programmapprovedenijajekspерimenta.pdf (дата обращения: 18.12.2023)
43. Сеть климатических городов C40. - URL: <https://www.c40.org/cities> (дата обращения: 22.12.2023)
44. Форум низкоуглеродных регионов. - URL: <https://www.c40.org/programmes/low-carbon-districts-forum> (дата обращения: 22.12.2023)
45. ВЭФ-2023: сессия СБЕРа, посвященная устойчивому развитию стран БРИКС. Выступление А. Ведяхина, первого заместителя председателя правления СБЕРа. - URL: <https://tass.ru/online-conference/18669387> (дата обращения: 23.12.2023)
46. ИESG-конгресс РБК «(Р)эволюция». Сбер представил пять глобальных трендов, влияющих на устойчивое развитие. Выступление старшего вице-президента СБЕРа по ESG Т. Завьяловой. - URL: <https://presscentr.rbc.ru/tpost/4uehlolln1-sber-predstavil-pyat-globalnih-trendov-v> (дата обращения: 23.12.2023)
47. Цели устойчивого развития ООН и Россия. - М.: Доклад о человеческом развитии в РФ / Аналитический центр при Правительстве РФ. - М., 2016. - 298 с. - URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf> (дата обращения: 21.12.2023)
48. Цифровая энергетика. МЭА представило «Net Zero by 2050» – план перехода на зеленую энергетику и достижения климатической нейтральности. - URL: <https://www.digital-energy.ru/2021/05/20/industry/мэа-представило-net-zero-by-2050-план-перехода-на/> (дата обращения: 21.12.2023)
49. Экологический словарь. - URL: <https://ecolog.academic.ru/1065/УСТОЙЧИВОЕ> (дата обращения: 15.12.2023). (дата обращения: 12.11.2023)
50. Dennis Meadows, Jorgen Randers, Donella Meadows. Limits to Growth. - URL: <http://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-toGrowth-digital-scan-version.pdf> (дата обращения: 16.11.2023)
51. Elkington J. Cannibals with forks: the triple bottom line of 21st century business. . Oxford: Capstone, 1997. 402 p. (дата обращения: 22.11.2023). - URL: https://archive.org/details/cannibalswithfor00elki_0 (дата обращения: 21.11.2023)
52. Garrett Hardin. The Tragedy of the Commons. - URL: <https://science.sciencemag.org/content/162/3859/1243> (дата обращения: 23.11.2023).

53. Garvey G., Norman J.B., Büchs M., Barrett J. A «Spatially Just» Transition? A Critical Review of Regional Equity in Decarbonisation Pathways // *Energy Research & Social Science*. 2022. Vol. 88.

54. History of SD. - URL: http://www.sdcommission.org.uk/pages/history_sd.html (дата обращения: 23.11.2023)

55. Limits To Growth And Sustainable Development, 1972. - URL: <https://youmatter.world/en/definition/definitions-sustainable-development-sustainability/> (дата обращения: 06.12.2023)

56. The Tragedy of Commons And Sustainable Development. 1968. - URL: <https://youmatter.world/en/definition/definitionssustainable-development-sustainability/> (дата обращения: 06.12.2023).

Institutional environment for sustainable development and ESG transformation of the Russian economy: mega-, macro-, meso- and micro levels

Berendeeva Alla Borisovna

doctor of economic sciences, associate professor, professor

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

E-mail: abab60@mail.ru

Annotation. The international aspect of the development of the concept of sustainable development (conferences, adopted documents), global transformations that directly or indirectly affect sustainable development and the ESG agenda are considered. Environmental, economic and social challenges that update the sustainable development and ESG agenda are identified. An overview of the theoretical concepts of domestic and foreign scientists related to sustainable development is presented, including the concepts of “green” economy, circular economy, environmental and economic security, “Net Zero by 2050”, “Living Economy”, noospherism, theories of cycles, innovation management, management of sustainable development of active systems, etc. The concept of “sustainable development” is given in the narrow and broad sense of the word, at the macro-, meso- and micro levels. The relationship between sustainable development and the ESG agenda and the stages of development of the “green agenda” at the international level are shown. The role of the Bank of Russia in promoting the concept of sustainable development and ESG is reflected: objectives, priorities. The characteristics of the main stages of state regulation of the transition to the principles of sustainable development at the level of the state, regions and municipalities in the Russian Federation from 2009 to 2023 are given. The issue of developing the law of sustainable development has been updated. The tasks of the federal government bodies and the Bank of Russia for the future, the tasks of the federal Center and regions in the Climate Doctrine of the Russian Federation, adopted in 2023, are outlined. The problems of spatial differentiation of Russian regions and its impact on decarbonization are raised. The need for synchronization of sustainable development policy with spatial development policy, scientific, technical and innovation policy is shown. The possibilities and directions of movement of regions and municipalities towards a “green” economy and a low-carbon development model, as well as the experience of developing climate plans for cities are reflected.

Keywords: global warming, low-carbon development, energy transition, sustainable development, concept “Net Zero by 2050”, green economy, ESG agenda, ESG modernization, Russian legislation, Bank of Russia, regional indicators of sustainable development, climate plans of cities.

Теоретические и прикладные аспекты продовольственной безопасности в России

Скачков Руслан Альбертович

аспирант

Владимирский филиал РАНХиГС, г. Владимир, Россия

Ерёмин Александр Владимирович

аспирант

Владимирский филиал РАНХиГС, г. Владимир, Россия

Новиков Александр Иванович

Доктор экономических наук, профессор

Владимирский филиал РАНХиГС, г. Владимир, Россия

E-mail: Novikov-ivanovo50@yandex.ru

Старикова Татьяна Владимировна

Доктор экономических наук, профессор

Владимирский филиал РАНХиГС, г. Владимир, Россия

E-mail: t.v.starikova@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы мобилизации имеющегося в России потенциала земельных ресурсов. В плане логического построения исследования был осуществлен обзор публикаций по вопросам продовольственной безопасности и продовольственного обеспечения населения в России в контексте экономической доступности, качества сельскохозяйственной продукции, устойчивости социального устройства и качества жизни на селе. Выявлены тенденции мирового землеустройства и качества плодородия, отмечено выбытие земель сельскохозяйственного назначения на фоне ежегодного прироста численности населения до 80 млн человек, что провоцирует голод. Несмотря на принимаемые мировой общественностью меры, доля голодающих не сокращается, а сохраняется и в ближайшей перспективе. На этом фоне имеющийся потенциал России как никогда востребован. Изучен опыт совместного пользования земельными ресурсами, позволяющий реализовать крупномасштабные проекты на селе. Но в плане реализации проектов требуются соответствующие трудовые ресурсы, которые в силу ряда причин ограничены. Для восполнения трудовых ресурсов предлагается решение дефицита кадров за счет мигрантов, для этого необходимо выстраивать цивилизованные трудовые отношения.

Ключевые слова: продовольствие, земельные ресурсы, потенциал, механизмы

JEL codes: I30; H49; Q18

Для цитирования: Скачков, Р.А. Теоретические и прикладные аспекты продовольственной безопасности в России / Р.А. Скачков, А.В. Ерёмин, А.И. Новиков, Т.В. Старикова. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №1. - С120-127. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2024)

Формулирование проблемы

На страницах журнала «Теоретическая экономика» достаточно часто публикуются статьи по проблемам продовольственного обеспечения, достижении продовольственной безопасности, что косвенно свидетельствует о популярности этой темы на исследовательском поле журнала. Только в 2023 году были опубликованы статьи Г.Ю. Митяшина «Продовольственная безопасность: формы и институты обеспечения» (№3 2023) [8, с. 104-116]; С.В. Кекелева и Ф.Н. Завьялова Ф.Н «Развитие экономических отношений в сельском хозяйстве и экспорт его продукции» (№7 2023); Ж. Ладислава «Устойчивое развитие как «Потемкинское село» и др.

С учетом последних достижений российского агропрома можно констатировать, что продовольственная безопасность в России в целом то достигнута, аграрии сумели и в 2023 году обеспечить рекордные объемы производства зерна и зернобобовых и других сельскохозяйственных культур. Но остались нерешенными вопросы экономической доступности продовольствия всеми категориями населения, вопросы качества сельскохозяйственной продукции. В этом контексте обратимся к ранее опубликованным материалам на страницах журнала «Теоретическая экономика».

В статье «Сравнительный анализ продуктового поведения полярных групп российских домохозяйств в условиях снижения реальных доходов в 2013-2017 годы» автор Д.Н. Емельянов рассматривает динамику потребления российскими домохозяйствами продуктов питания по десяти основным товарным позициям (№5 2019 г.). [5, с. 10-20].

В этой статье приведена динамика потребления базовых продуктов питания, которая увязана с динамикой номинальных денежных доходов и цен на них. Сравнительный анализ осуществлен на примере самых незащищенных децильных групп или низкодоходных (1 и 2) и благополучных или высокодоходных (9 и 10). Автором установлено, что потребление высокоценных продуктов питания: мясопродуктов, молокопродуктов и рыбы в высокодоходных группах почти в два раза превышает уровень потребления этих продуктов в сравнении с низкодоходными, по фруктам – этот уровень составляет почти в три раза. По уровню потребления хлебопродуктов и картофеля объемы потребления примерно одинаковые, но можно допустить, что разница в их качестве.

Также выделим статью Е.Н. Антамошкиной и А.Ф. Рогачева «Создание интеллектуальной системы для оценки и прогнозирования продовольственной безопасности в условиях импортозамещения на основе нечеткого когнитивного подхода» (№5 2019 г.) [2, с. 50-57].

Авторы предложили методический подход к оценке продовольственной безопасности на основе определения комплексного показателя – индекса эффективности, получаемого агрегированием экономических, финансовых и социальных индикаторов.

Несмотря на бесспорные достигнутые успехи в сельскохозяйственной отрасли, положение дел на российском рынке продовольствия характеризуется многими проблемами как объективного, так и субъективного свойства. Это ничем не обоснованное подорожание мяса птицы и яиц в конце 2023 года, стабильно высокий уровень цен на фрукты, что делает проблематичным достижение рекомендуемых норм потребления их и решение задач по организации здорового питания населения и пр.

Цель исследования

Россия располагает свободными земельными ресурсами, позволяющими увеличить объемы производства продовольствия, которое в условиях сокращения земельных ресурсов на континенте и деградации почв, имеет огромный потенциал и высокую экономическую и социальную цену [11].

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели был выполнен обзор литературы и докладов международных институтов (ООН, ВОЗ, ФАО и др.) по заданной тематике. Актуализированы публикации по вопросам продовольственного обеспечения на страницах журнала «Теоретическая экономика».

Результаты исследования

Проявляя профессиональный интерес к раскрытию российского потенциала по усилению роли страны на рынках продовольствия и достижения продовольственной безопасности по всем ее параметрам выскажем свою точку зрения с позиции теоретических и прикладных аспектов [10 с. 90-94].

В мире остро ощущается нехватка продовольствия. В докладе Организации Объединенных Наций по вопросам продовольственного обеспечения приводится, что число людей, страдающих от голода, с каждым годом увеличивается и приводится цифра голодающих более 800 млн. человек [9 с.

54-59].

Неслучайно ООН так много внимания уделяло и уделяет зерновой сделке по Украине (2022-2023 гг.), предусматривающей, с одной стороны, снятие барьеров по вывозу зерна из украинских портов, с другой стороны, упрощение формирования и движения зерновых потоков и удобрений с российских рынков.

На глобальном веб-сайте Всемирной организации здравоохранения размещен доклад (2022 г.) «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире» (СОФИ), в котором приводится положение дел в области обеспечения населения продовольствием. В докладе приводится:

1. Почти 924 млн человек или 11,7% от всего мирового населения столкнулись с отсутствием продовольственной безопасности в тяжелых формах.
2. В 2020 году здоровое питание не могли позволить себе более 40% населения земли – 3,1 млрд человек. Это на 112 млн больше, чем в 2019 году.
3. Из-за хронического недостатка в рационе жизненно важных питательных веществ 149 млн детей в возрасте до пяти лет отстают в развитии, в то же время 39 млн детей имеют избыточный вес.
4. Согласно прогнозам, в 2030 году, даже с учетом восстановления мировой экономики, около 670 млн человек или 8% мирового населения все еще будут не доедать.

Эти показатели, обращенные к мировому сообществу и политикам, призывают к конкретным действиям, а ученых и исследователей к углублению и расширению тематики продовольственного обеспечения, то есть переориентации мер сельскохозяйственной политики, см. рис. 1.

Рисунок 1 – Механизм обеспечения продовольственной безопасности

Источник: составлено авторами

Продовольствие теперь превращается во все более дефицитный товар [3 с. 44-49], [4 с. 15-22], [12 с. 264-270]. Возможности расширения посевных площадей в большинстве регионов мира исчерпаны, земли истощены, плодородие снижено, нарастить объемы производства продовольствия все сложнее, а население увеличивается ежегодно на 80 млн человек [1 с. 101-108], [6 с. 94-95].

По оценкам Международного справочно-информационного центра почвоведения (МСИЦП) и Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), деградацией земель в мире охвачены примерно 2 млрд га, из которых 38% классифицируются как слабо деградированные, 46% - умеренно деградированные, 15% - сильно деградированные и 0,5% - чрезмерно деградированные. Самый высокий процент деградации земель отмечается в Азии (38%), затем идут Африка (25%), Южная

Америка (12 %), Европа (11%), Северная Америка (8%), и Австралия (5%) .

Взоры ученых устремлены в сторону России, располагающей свободными земельными ресурсами. То есть российский агропродовольственный сектор имеет огромный потенциал и высокую экономическую и социальную цену [7].

Земельно-ресурсный потенциал нашего государства - это 1709 млн. гектаров земли (12,5% мировой территории). На территории России сосредоточено 55% черноземных почв мира, 50% запасов пресной воды. Ученые оценивают емкость территориального пространства России по биоклиматическому потенциалу для нормальной жизни в пределах 1,0-1,3 млрд. человек, то есть на располагаемых в России земельных ресурсах можно производить с/х продукцию для такого количества людей [15].

В настоящее время, по материалам журнала «Эксперт» самая большая обрабатываемая площадь в США, около 170 млн га, далее идут: Индия, около 160 млн га, Китай, более 140 млн га, Россия, около 140 млн га. С точки зрения потенциала Россия располагает еще земельными ресурсами, которые не обрабатываются, более 40 млн га, что составляет 18% от всех земель сельскохозяйственного назначения. А площадь неиспользуемой пашни, по данным доклада Евразийского региона, составляла 18,8 млн га, то есть около 16% общей площади пашни [7]. Одной из причин являются правовые проблемы в системе землеустройства .

Реализуемые в регионах мероприятия по вводу заброшенных земель в оборот и предотвращению негативных процессов на примере Владимирской области неадекватны степени и размерам их проявления. От общего количества заброшенных земель, 260 тыс. га, по данным Россельхознадзора подлежат восстановлению около 100 тыс. га, а остальные земельные ресурсы, около 160 тыс. га подлежат переводу их в земли лесного фонда.

Из заброшенных земель сельхозназначения в связи с ограниченными средствами планируется ввод менее 20 тыс. га. Мероприятиями предусматривается субсидирование расходов, связанных с вводом в оборот заброшенных земель до 50% расходов. Таким образом, потенциал земельных ресурсов дает нам основание считать сельское хозяйство той отраслью, которая способна вывести Россию на передние рубежи мирового развития.

Чтобы предложить меры комплексного развития сельскохозяйственной отрасли рассмотрим вопросы эволюции этого сектора.

1. Вопросы, связанные с собственностью на земли сельскохозяйственного назначения. Как известно, одним из решающих шагов привлечения крестьянства на сторону большевиков стал «Декрет о земле», провозглашенный в 1917 году. Данный декрет отменял помещичью частную собственность на землю и декларировал «божье право» на землю. Государственная монополия на землю была объявлена первым Земельным кодексом РСФСР в 1922 году. Основные черты земельных отношений сохранились до 1989 года. Сельскохозяйственные предприятия выделяли участки для ведения личного подсобного хозяйства. С 1970 года жители городов стали получать небольшие участки земли для садоводства и огородничества. Платы за пользование землей не существовало, не взимались ни налоги, ни арендная плата.

2. В 1990 году были провозглашены реформы в сфере земельных отношений. Началу реформ было положено введение в действие закона «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» от 15 марта 1990 г. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О некоторых вопросах представления и изъятия земель» от 25 апреля 1990 г. был изменен порядок землепользования и была узаконена частная собственность.

3. Однако опросы общественного мнения того времени свидетельствуют о том, что вести самостоятельное хозяйство хотели не более 15% сельских жителей. Несмотря на это, следуя рекомендациям западных советников, реформа земельных отношений состоялась. Стали образовываться фермерские хозяйства, которым земля передавалась в пожизненное пользование. Таким образом, в сельской местности сложилась система частной собственности на землю и был

установлен земельный налог. Но в 13 субъектах РФ федеральные нормы на земельные отношения до настоящего времени не распространяются, так как законодательно были введены ограничения на частную собственность граждан и юридических лиц на землю. Это республика Тыва, Калмыкия, Дагестан, Башкортостан, Якутия и др. Жизнь доказала мудрость местных парламентариев, так как в этих республиках (регионах) падение объемов производства сельскохозяйственной продукции с дореформенным периодом минимальное.

Выводы и предложения

Реформирование земельных отношений по-новому высветило проблему взаимоотношений между регионом и центром, между регионом и муниципальными образованиями.

В перспективном плане, особенно в сфере землепользования, может рассматриваться как организация хозяйственной деятельности, предполагающей совместное ведение и использование объектов. По нашему мнению, значительная часть объектов федеральной собственности может быть отнесена к объектам совместного ведения. Механизмом реализации совместного ведения должен быть договор между компетентным органом федерации и субъекта. В договоре должны были найти отражение вопросы оперативного управления объектами совместного пользования, которые должны базироваться на функциях этого объекта. Функции координации стратегического развития объекта должны быть закреплены в договоре.

Таким примером стала реализация приоритетного национального проекта развитие АПК, в соответствии с которым сельскохозяйственным предприятиям были выделены долгосрочные инвестиции для строительства животноводческих комплексов и развития животноводства под земельный залог. По мнению специалистов, такой механизм зарекомендовал себя положительно и возможно его тиражирование в других сферах хозяйствования. В частности, во Владимирской области таким образом было построено 15 современных животноводческих комплексов, выделены средства на закупку высокопродуктивного стада за рубежом, что позволило нарастить объемы производства животноводческой продукции. Такие же примеры имеются в Ярославской и других областях.

Положительный опыт совместного пользования земельными ресурсами призван и в будущем нарастить объемы производства продовольствия, повысить социальную устойчивость на селе, разрешить, по возможности, демографическую проблему [14].

В условиях демографического кризиса в России важно поддерживать трудовое крестьянство, совершенствовать механизмы господдержки как сельхозтоваропроизводителей, так и активизировать реализацию социальных проектов на селе. Не исключено привлечение мигрантов для восполнения трудовых ресурсов. Во Владимирской области имеется пример организации хозяйствующих субъектов на селе из числа этносов. В частности, после Майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. по решению задач обеспечения населения продовольствием в регионе было образовано 6 механизированных колонн с участием населения Узбекской ССР.

В настоящее время приезжающие мигранты из сельской местности среднеазиатских республик устремляются в большие города, к быту которых они не привыкли, чувствуют себя не комфортно.

В тоже время мобилизовать имеющийся земельный потенциал без привлечения мигрантов не представляется возможным, даже в условиях повышения уровня механизации и автоматизации сельскохозяйственного производства. Надо создавать условия для привлечения мигрантов, гарантировать им жилье и социальный пакет, то есть формировать цивилизованные трудовые отношения.

Это согласуется со стратегией развития национальной экономики. С целью развития села планируется расширить и увеличить инвестиции, что позволит резко расширить экономическое освоение земельных ресурсов и обустройство территорий, оказать существенное влияние на хозяйственную деятельность, экономическую и социальную структуру села. Для этого необходимо перераспределение экономических компетенций между различными уровнями управления и

появление новых точек взаимодействия всех уровней государственной власти и общественных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев О. М. Национальный, региональный и международные аспекты обеспечения продовольственной безопасности // Экономические науки. 2020. № 5. С. 101-108.
2. Ангамошкина Е.Н., Рогачев А.Ф. Создание интеллектуальной системы для оценки и прогнозирования продовольственной безопасности в условиях импортозамещения на основе нечеткого когнитивного подхода // Теоретическая экономика, 2019. №5. – С. 50-57.
3. Артемова Е.И., Плотникова Е.В., Оболенская М.Н. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности России и ее регионов // Вестник Академии знаний. 2020. № 3 (38). С. 44-49.
4. Гордеев А.В. Обеспечить продовольственную безопасность России // Экономика сельского хозяйства России, 2008. №1. - С. 15-22.
5. Емельянов Д.Н. Сравнительный анализ продуктового поведения полярных групп российских домохозяйств в условиях снижения реальных доходов в 2013-2017 годы // Теоретическая экономика, 2019. №5. – С. – 10-20.
6. Жученко А.А. Обеспечение продовольственной безопасности России в XXI веке на основе адаптивной стратегии устойчивого развития АПК (теория и практика) // АПК: экономика, управление, 2009. №9. – С. 94-95.
7. Канаматова Д. А. Обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2021. Т. 13. № 6.
8. Митяшин Г.Ю. Продовольственная безопасность: формы и институты обеспечения / Г.Ю. Митяшин. Теоретическая экономика. – 2023 - №3. – С. 104-116.
9. Новиков А.И. Особенности воспроизводственного процесса и мобилизация резервов в агропродовольственной системе депрессивного региона: методология, теория, прикладные аспекты. Автореферат дис. ...доктора эконом. Наук / Ивановский государственный университет. Иваново, 2006.
10. Новиков А.И., Шишин М.В. Экономическая, продовольственная и медицинская безопасность как фактор социально-экономического развития страны // Теоретическая экономика. 2013. №1 (13). – С. 54-59.
11. Новиков А.И. Импортозамещение на российском рынке продовольствия // Вестник ВлГУ, серия «Экономика», Электронный журнал 2014. №2 (2). – С.90-94.
12. Новиков А.И. Земельно-ресурсный потенциал России // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика», Выпуск 3 / 4 (25/26) 2015.
13. Новиков А.И. Импортозамещение на рынке продовольствия в России в условиях экономических санкций: вопросы теории, прикладные аспекты // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2014. №7 (23). – С. 264-270.
14. Сиптиц С.О., Романенко И.А., Строков С.Н., Евдокимова Е.Н., Абрамов А.А. Долгосрочные прогнозы развития агропродовольственных рынков России / М.: ВИАПИ: ЭРД, 2009. – (науч. тр. ВИАПИ им. А.А. Никонова, вып. 26). – 200 с.
15. Строев Е.С., Волков С.Н. Земельный вопрос в России // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. №4 (13). 2002.

Online pharmacies are an effective marketing tool to increase sales in the regional pharmaceutical market

Skachkov A. Ruslan

undergraduate student

Vladimir branch of the RANEPA, Vladimir, Russian Federation

Eremin V. Alexander

undergraduate student

Vladimir branch of the RANEPA, Vladimir, Russian Federation

Novikov I. Alexander

Doctor of Economics, Professor

Vladimir branch of the RANEPA, Vladimir, Russian Federation

E-mail: Novikov-ivanovo50@yandex.ru

Starikova V. Tatyana

Doctor of Economics, Professor

Vladimir branch of the RANEPA, Vladimir, Russian Federation

E-mail: t.v.starikova@mail.ru

Annotation. The issues of mobilizing the existing land resource potential in Russia are considered. In terms of the logical structure of the study, a review of publications on food security and food supply for the population in Russia was carried out in the context of economic accessibility, quality of agricultural products, sustainability of the social structure and quality of life in rural areas. Trends in global land management and the quality of fertility have been identified, and the disposal of agricultural land against the backdrop of an annual population increase of up to 80 million people has been noted, which provokes famine. Despite the measures taken by the world community, the proportion of hungry people is not decreasing, but will remain in the near future.

Against this background, Russia's existing potential is in demand more than ever. The experience of joint use of land resources has been studied, allowing the implementation of large-scale projects in rural areas. But in terms of project implementation, appropriate labor resources are required, which are limited for a number of reasons. To replenish labor resources, a solution to the personnel shortage at the expense of migrants is proposed; for this it is necessary to build civilized labor relations.

Keywords: food, land resources, potential, mechanisms

Долговая устойчивость публично-правового образования в контексте его долговой конкурентоспособности: теоретические аспекты и особенности в Ярославской области на современном этапе

Карпов Дмитрий Максимович

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль Российская Федерация
E-mail: dmitrij_karpov_98@mail.ru

Вахрушев Дмитрий Станиславович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль Российская Федерация
E-mail: vds204@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи двух категорий: долговая устойчивость и долговая конкурентоспособность. Актуальность статьи обусловлена активным осуществлением в настоящее время публично-правовыми образованиями всех уровней заемно-долговой деятельности и наличием у них потребности в обеспечении собственной долговой устойчивости. Целью статьи является установление и описание взаимосвязи, которая имеется между долговой устойчивостью и долговой конкурентоспособностью. Исследование преимущественно проводилось методами понятийного анализа, сбора, изучения и классификации, графического представления, анализа официальных документов, структурно-динамического анализа, эмпирического наблюдения. В статье представлены понятия и сущностные характеристики категорий «долговая устойчивость» и «долговая конкурентоспособность»; исследованы последствия долговой неустойчивости; проанализированы опубликованные в литературе авторские взгляды по вопросам, связанным с долговой устойчивостью; установлен циклический характер заемно-долговой деятельности публично-правового образования; изложены положения действующего бюджетного законодательства РФ в сфере долговой устойчивости; проведен структурно-динамический анализ государственного долга Ярославской области. Научная новизна проведенного исследования заключается в обосновании подхода, предлагающего рассматривать долговую устойчивость публично-правового образования и управлять ее в качестве значимого фактора его долговой конкурентоспособности.

Ключевые слова: долговая устойчивость, долговая конкурентоспособность, долговые обязательства, публично-правовое образование, заемщик, кредитор, инвестор, орган публичной власти

JEL codes: H60; H63; H74

Для цитирования: Карпов, Д.М. Долговая устойчивость публично-правового образования в контексте его долговой конкурентоспособности: теоретические аспекты и особенности в Ярославской области на современном этапе / Д.М. Карпов, Д.С. Вахрушев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №01. - С128-140. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2024)

Введение

Одна из главных задач, которая в настоящее время стоит перед публично-правовым образованием любого уровня (государством, регионом, муниципальным образованием) в сфере общественных финансов, состоит в обеспечении долговой устойчивости. Специфика современного бюджетного процесса заключается в исполнении бюджета с дефицитом, т.е. с превышением расходов

над доходами. Следовательно, денежных средств, мобилизуемых органами публичной власти, оказывается недостаточно для исполнения всех расходных обязательств.

В этих условиях обостряется проблема финансирования бюджетного дефицита, поскольку не все его способы оказываются приемлемыми. Так, выпуск в обращение (эмиссия) дополнительных денежных средств, во-первых, приводит к росту инфляции и нарушению нормального механизма ценообразования, во-вторых, как метод доступен только для центральных органов публичной власти (т.е. на региональном и местном уровнях прибегнуть к денежной эмиссии невозможно).

Еще как способ финансирования бюджетного дефицита рассматривают увеличение налоговых поступлений в бюджет. Но согласно закону Лаффера, публично-правовые образования ограничены по установлению повышенных налоговых ставок – существует предел максимально возможного объема средств, которые можно получить в результате налогообложения. Кроме того, по общему правилу досрочно получить налоговые поступления нельзя [7].

Альтернативным способом привлечения дополнительных средств в бюджет является осуществление заимствований. Тем самым, образуется публичный (государственный или муниципальный) долг, который в дальнейшем приходится обслуживать и погашать. Именно в связи с этим необходимым оказывается обеспечение долговой устойчивости.

Методы исследования

Методологическое обеспечение данного исследования представлено такими методами исследования, как понятийный анализ, сбор, изучение и классификация авторских подходов к рассмотрению различных вопросов по тематике исследования, графическое представление причинно-следственных связей, анализ официальных документов в традиционной форме, структурно-динамический анализ показателей управления долговой устойчивости, приемы эмпирического наблюдения за развитием ситуации на финансовых рынках страны и мира др.

Основное содержание исследования

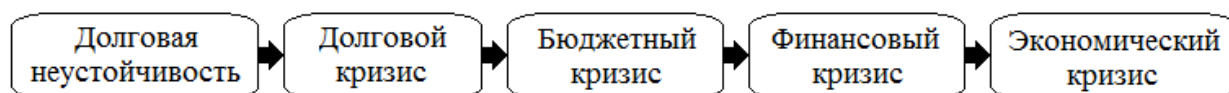
Долговая устойчивость представляет собой свойство публично-правового образования как заемщика, которое позволяет ему в полном объеме выполнять обязательства по погашению и обслуживанию задолженности без нанесения ущерба собственному социально-экономическому развитию и без принятия мер по ее списанию и (или) реструктуризации [4]. К сущностным характеристикам рассматриваемого свойства можно отнести следующее:

– долговая устойчивость непосредственно связана с обслуживанием и погашением публично-правовым образованием долговых обязательств;

– о полноценном обеспечении долговой устойчивости можно говорить при соблюдении трех условий: во-первых, обязательства, взятые на себя публично-правовым образованием, выполняются в полном объеме, во-вторых, социально-экономическому развитию публично-правового образования не наносится ущерб, в-третьих, необходимости в принятии мер по списанию и (или) реструктуризации задолженности нет;

– формами выражения долговой устойчивости являются состояние, структура и сумма задолженности публично-правового образования.

Противоположностью долговой устойчивости является долговая неустойчивость, которая возникает в случае нарушения выше перечисленных условий ее обеспечения. Результатом обострения долговых проблем станет наступление долгового кризиса. А поскольку основное предназначение публичных заимствований состоит в финансировании дефицита бюджета, то следующим этапом развития ситуации может оказаться бюджетный кризис. Бюджет является формой аккумуляции и перераспределения до трети валового продукта за счет выплаты заработных плат, пенсий, пособий, стипендий, оплаты государственный (муниципальных) закупок и иных ассигнований, поэтому бюджетный кризис способен стремительно перерасти в финансовый кризис, а затем – в полноценный экономический кризис (см. рис. 1).

Рисунок 1 – Последствия долговой неустойчивости

Источник: составлено авторами

Именно по такому сценарию развивалась ситуация в России в 1998 году. Правительство РФ активно финансировало бюджетный дефицит за счёт заимствований на финансовых рынках. Постоянно увеличивался государственный долг, вместе с чем в условиях высокой инфляции и наступления азиатского финансового кризиса в 1997 году сокращались возможности по обслуживанию и погашению долговых обязательств.

В результате 17 августа 1998 года Правительством РФ было принято решение о введении комплекса чрезвычайных мер, что фактически означало объявление технического дефолта по обязательствам, связанным с ГКО (долговой кризис). Одними из основных кредиторов были банки, многие из которых, в том числе крупные, были разорены и прекратили свое существование (финансовый кризис). Кризис взаиморасчетов привел к банкротству многих предприятий, что определило безработицу (экономический кризис) [17].

Таким образом, решение задачи обеспечения долговой устойчивости необходимо с точки зрения отладки бесперебойного функционирования хозяйственного механизма в масштабе всего общества. Поэтому для публично-правового образования, взявшего на себя ответственность за преодоление изъянов рынка и в то же время занимающего существенное, влиятельное место в современной экономике, решение этой задачи фактически является обязанностью.

Актуальность обеспечения долговой устойчивости в последние годы значительно возросла в мире. Первоначально это было вызвано пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19. С одной стороны, после ввода ограничительных мер резко и искусственно сократился совокупный спрос, что привело к банкротству многих предприятий. С другой стороны, потребовалось увеличить объемы финансирования сферы здравоохранения, социальной помощи отдельных категорий населения, поддержки хозяйствующих субъектов. Следовательно, повысилась вероятность исполнения бюджета с дефицитом и привлечения заемных средств ради его финансирования.

Сейчас восстановление мировой экономики сопровождается высокими темпами инфляции, которые фиксируются во многих странах мира. Антиинфляционная политика вынуждает центральные банки повышать ключевые ставки, что, в свою очередь, приводит к повышению стоимости заимствований – увеличиваются процентные ставки и по облигациям, и по кредитам коммерческих банков (см. табл. 1).

Таблица 1 – Динамика ключевой ставки основных центральных банков мира

Центральный банк	01.11.2021	01.11.2022	01.11.2023
Федеральная резервная система	0,25%	4,00%	5,50%
Европейский центральный банк	0,00%	2,00%	4,50%
Банк Англии	0,10%	2,25%	5,25%
Центральный банк Российской Федерации	7,50%	7,50%	15,00%

Источник: составлено по [19]

Из этого получается, что у публично-правовых образований увеличиваются расходы на обслуживание долговых обязательств. По этой причине сокращаются доступные денежные средства для погашения долговых и для финансирования иных расходных обязательств, из-за чего потребность в новых заимствованиях только растет. Таким образом, складываются предпосылки для возникновения долговой неустойчивости.

Необходимость обеспечения долговой устойчивости потребовала разработки соответствующих практических методов и инструментов управления ею, которые подлежат применению органами

публичной власти. В качестве основы этой разработки выступают, прежде всего, результаты теоретических исследований. Стоит отметить, что вопросы долговой устойчивости рассматривались учеными в последние годы достаточно часто, причем в различных контекстах.

Обзор научной литературы позволил сделать вывод, что большинство трудов посвящено рассмотрению связи долговой устойчивости с уровнем безопасности. Так, соотношение понятий «долговая безопасность» и «долговая устойчивость» было предметом работы Э.В. Рогатенюк [14]. По мнению автора, причинно-следственная зависимость выглядит следующим образом: сначала - государственный долг, затем - долговая безопасность и только потом - долговая устойчивость. В связи с этим оценка долговой устойчивости осуществляется на основе показателей долговой безопасности.

На том же уровне безопасности, но с несколько иной точки зрения, проблему долговой устойчивости изучил А.Ю. Санакоев. В своей диссертации он выделил способность долговой устойчивости ограничивать или сдерживать возникновение долговых кризисов [16]. Им было обосновано утверждение, что долговая устойчивость нарушается в результате возникновения «эффекта заражения», который может способствовать возникновению долговых кризисов.

На уровне бюджетной безопасности территорий долговую устойчивость рассматривали Е.Н. Бардулин, В.С. Кудряшов, С.Н. Джамаева [3]. Они рассматривают долговую устойчивость как отражение состояния бюджета, при котором обеспечивается бесперебойное функционирование публично-правовых образований (прежде всего, в аспекте финансирования). Следовательно, формирование и оценка долговой устойчивости является условием обеспечения бюджетной безопасности.

Для уровня бюджетной безопасности интерес представляет работа Н.С. Шмиголь и М.Н. Фешиной. Они рекомендуют внедрить в отечественную практику управления государственным долгом разновидность бюджетного правила – долговое правило (т.е. установление предельного объема государственного долга и принятие санкционных мер за его несоблюдение) как инструмент повышения долговой устойчивости [20].

В качестве фактора финансовой безопасности оценку долговой устойчивости признавала М.А. Шох [21]. Это, по ее мнению, обусловлено тем, что значительный государственный долг представляет собой риск наступления неблагоприятных последствий для финансовой безопасности.

А.С. Акматалиева и Е.В. Харьковина отметили большее значение долговой устойчивости [1]. Они в своей работе обосновали, что долговая устойчивость способна оказать влияние на экономическую безопасность.

Комплексный взгляд на рассматриваемую проблему с учетом современного этапа экономического и научно-технического развития был изложен Т.В. Романцовой [15]. Она считает, что необходимо принять меры по обеспечению долговой устойчивости, чтобы в конечном итоге обеспечить приоритетные интересы национальной безопасности страны в условиях цифровой трансформации.

Так же обширно, но уже через призму стратегического развития региональной экономики, обеспечение долговой устойчивости региона рассмотрел Ю.В. Коречков [9]. Им сделан вывод, что специфика региональных заимствований обусловлена целеполаганием в системе реализации стратегических целей региона и тесно связана с управлением финансовыми потоками.

Более практико-ориентированным подходом отличается работа С.Г. Куйкиной [10]. Она рассмотрела долговую устойчивость публично-правового образования в качестве объекта для целенаправленного воздействия исполнительных органов публичной власти и регламентации соответствующих отношений нормами бюджетного законодательства, документами стратегического планирования, государственными программами, правительственными и иными актами.

Таким образом, можно сделать вывод, что теория долговой устойчивости на современном этапе рассматривает данную категорию преимущественно как один из частных факторов обеспечения национальной безопасности в финансово-экономической сфере (точнее говоря, в бюджетном

направлении). В связи с этим долговая устойчивость является объектом публичного управления, осуществляемого на основе соответствующей законодательной и нормативной базы.

В то же время долговая устойчивость может быть рассмотрена в контексте конкуренции заемщиков на рынке публичного долга. Если долговая устойчивость является свойством публично-правового образования, которое проявляется в процессе обслуживания и погашения долговых обязательств, то на результат процесса их привлечения оказывает влияние такое свойство, как долговая конкурентоспособность публично-правового образования.

В соответствии с одним из принятых в научных исследованиях подходов к использованию концепции «Конкурентоспособности» долговую конкурентоспособность публично-правового образования можно определить как свойство публично-правового образования, которое позволяет ему привлекать заемные средства на рынке публичного долга сравнительно лучше других образований [8]. Следовательно, к существенным характеристикам данного свойства можно отнести следующее:

- долговая конкурентоспособность непосредственно связана с привлечением публично-правовым образованием долговых обязательств;
- долговая конкурентоспособность публично-правового образования синонимична степени, в которой оно является привлекательным для потенциальных инвесторов и кредиторов;
- о полноценном обеспечении долговой конкурентоспособности можно говорить, если публично-правовому образованию удастся получить заемные средства на условиях, которые в наибольшей степени приближены к оптимальным.

Рассмотрим причинно-следственную связь, которая существует между долговой устойчивостью и долговой конкурентоспособностью как свойств публично-правового образования, выступающего в роли заемщика на рынке публичного долга. Началом отношений, связанных с конкретным долговым обязательством (например, с бюджетным кредитом), является его привлечение (получение). Оно, в свою очередь, является производным от долговой конкурентоспособности заемщика. Иными словами, чем выше долговая конкурентоспособность заемщика, тем на более привлекательных для него условиях может быть привлечено долговое обязательство, и наоборот.

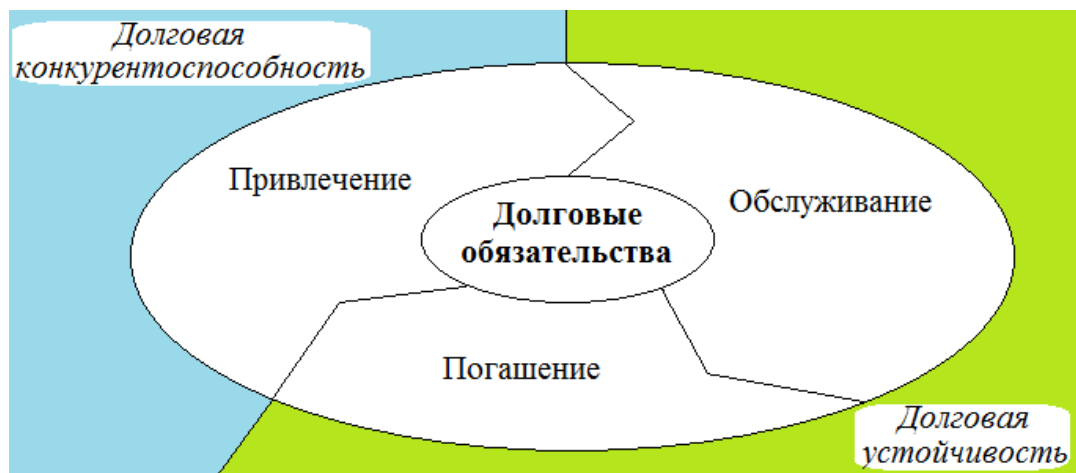
После привлечения долгового обязательства деятельность заемщика приобретает формы его обслуживания и погашения. А это, как было показано выше, определяется долговой устойчивостью. Т.е. чем устойчивее в плане ведения заемно-долговой деятельности является публично-правовое образование, тем проще ему обслуживать и погашать привлеченные обязательства и (или) выше вероятность, что это будет выполнено.

В то же время заемно-долговую деятельность не стоит воспринимать линейно и выделять конкретные моменты ее начала и завершения. Она во многом имеет циклический характер, поскольку нередко для погашения ранее взятых обязательств публично-правовым образованиям приходится брать новые обязательства, иными словами, проводить реструктуризацию (см. рис. 2). Современные тенденции бюджетного управления допускают исполнение бюджета с дефицитом, что, соответственно, требует ежегодного получения дополнительных заемных средств. Отсюда можно сделать вывод, что долговую устойчивость региона стоит также воспринимать не только как следствие долговой конкурентоспособности, но и еще как один из ее значимых факторов.

Далее рассмотрим, как в нормах действующего бюджетного законодательства Российской Федерации нашла отражение взаимосвязь долговой устойчивости и долговой конкурентоспособности субъектов РФ.

В 2019 году Бюджетный кодекс РФ был дополнен положениями о долговой устойчивости субъектов РФ и об их оценке. В соответствии со статьей 107.1 Бюджетного кодекса РФ Министерство финансов РФ осуществляет оценку долговой устойчивости субъектов РФ в порядке, установленном правилами, которые утверждены постановлением Правительства РФ от 4 марта 2020 г. N 227. Указанная оценка проводится ежегодно с применением показателей и на основе значений, которые представлены в таблице 2.

Рисунок 2 – Цикл заемно-долговой деятельности публично-правового образования

Источник: составлено авторами

Таблица 2 – Показатели оценки долговой устойчивости субъектов Российской Федерации

Показатель	Объект характеристики	Уровень долговой нагрузки	
		высокий	низкий
Объем государственного долга субъекта РФ к общему объему доходов бюджета субъекта РФ без учета безвозмездных поступлений	Уровень общей долговой нагрузки	Не более 50% (25%)	Более 85% (45%)
Доля расходов на обслуживание государственного долга субъекта РФ в общем объеме расходов бюджета субъекта РФ, за вычетом субвенций	Способность обслуживать долговые обязательства без ущерба для других направлений расходов	Не более 5%	Более 8%
Годовая сумма платежей по погашению и обслуживанию государственного долга субъекта РФ к общему объему налоговых и неналоговых доходов бюджета субъекта РФ и дотаций из бюджетов бюджетной системы РФ	Уровень текущей долговой нагрузки на бюджет	Не более 13%	Более 18%
Доля краткосрочных долговых обязательств (до 1 года) в общем объеме государственного долга субъекта РФ	Степень подверженности долгового портфеля риску рефинансирования	Более 15% - Министерство финансов РФ рекомендует скорректировать долговую политику в целях снижения риска рефинансирования долговых обязательств	

Источник: составлено по [4, 5, 11]

В соответствии с результатами оценки, субъект РФ может быть отнесен к одной из трех групп: с высоким, средним и низким уровнем долговой устойчивости. Отсюда определяется объем полномочий и возможности региона как участника бюджетных правоотношений (в частности, в сфере заимствований): этот объем находится в прямой зависимости от уровня долговой устойчивости.

Сразу после того, как субъект РФ по результатам оценки будет отнесен Министерством финансов РФ к группе заемщиков с низким уровнем долговой устойчивости, в его отношении будет действовать профилактический период. Его суть состоит в том, что вне зависимости от фактических значений показателей оценки долговая устойчивость субъекта РФ может быть признана высокой не ранее чем через три года после удовлетворения требований для выхода из группы заемщиков с низким уровнем долговой устойчивости.

Дифференциация субъектов РФ исходя из уровня долговой устойчивости также обозначена в статье 95 Бюджетного кодекса РФ. Она определяет возможности регионов по использованию остатков средств их бюджетов на начало текущего финансового года. Если субъект РФ отнесен к группе заемщиков с высоким или средним уровнем долговой устойчивости, то он имеет право использовать эти остатки в порядке, установленном законом субъекта РФ, регулирующим бюджетные правоотношения. В случае отнесения субъекта РФ к группе заемщиков с низким уровнем долговой устойчивости, то остатки средств бюджета в императивном порядке направляются на осуществление выплат, сокращающих его долговые обязательства.

С целью обеспечения долговой устойчивости региональных бюджетов Федеральным законом от 21.11.2022 № 448-ФЗ были внесены изменения в Бюджетный кодекс РФ:

- на 2023 год продлилось приостановление норм, устанавливающих для субъектов РФ ограничения в зависимости от группы долговой устойчивости (в части размещения государственных ценных бумаг субъекта РФ, осуществления государственных заимствований субъектом РФ, объема расходов на обслуживание государственного долга субъекта РФ и др.);

- до 2024 года было отсрочено вступление в силу положений об обязательном согласовании Министерством финансов РФ программ заимствований для субъектов РФ, отнесенных к группам с низкой и средней долговой устойчивостью;

- в 2023 году сохранилось действие ранее введенного ограничения в 15% по объему расходов на обслуживание государственного долга субъекта РФ, хотя ранее предполагалось введение нового ограничения в 10% [18].

Следовательно, с одной стороны, действующим законодательством установлены положения, которые обуславливают градацию регионов по уровню долговой устойчивости. Предложенная методика расчета показателей, которые характеризуют различные аспекты процесса и результатов заемно-долговой деятельности региона, могут быть использованы для опосредованного проведения оценки долговой конкурентоспособности.

Это, например, подтверждается ограничением прав субъектов РФ с более низким уровнем долговой устойчивости по распоряжению остатков средств его бюджета на начало текущего финансового года. Данное обстоятельство снижает привлекательность региона для потенциальных инвесторов и кредиторов.

С другой стороны, в нынешних условиях, которые характеризуются мощным санкционным давлением со стороны «недружественных» стран и масштабной структурной перестройкой отечественной экономики, федеральный центр принимает ряд мер в целях обеспечения стабильного социально-экономического развития регионов, в том числе, с точки зрения обеспечения долговой устойчивости региональных бюджетов. Этими мерами был наложен мораторий на ограничения заемно-долговой деятельности регионов, обусловленные их отнесением к той или иной группе заемщиков.

В связи с этим механизм оценки Министерством финансов РФ долговой устойчивости субъектов РФ на данный момент полноценно не используется для реализации долговой конкурентоспособности

регионов в практической плоскости. Поэтому его сейчас лучше применять в методическом плане: для опосредованной количественной оценки долговой конкурентоспособности.

Значения показателей оценки долговой устойчивости могут приниматься во внимание кредитными организациями, предоставляющими кредит, и бенефициарами, получающими государственные гарантии, при принятии решения о том, на каких условиях стоит вступать в отношения с регионом по поводу заимствований. В частности, они могут потребовать обеспечение в большей сумме, предоставить кредит под больший процент, на сумму и срок, меньше, чем необходимо заемщику и т.д. Кроме того, показатели могут использоваться специалистами, которые занимаются выведением обобщенной, интегральной оценки долговой конкурентоспособности (например, на основе балльного, коэффициентного, экспертного методов).

Отсюда следует, что в целях реализации стратегии обеспечения долговой конкурентоспособности органы публичной власти должны осуществлять управление долговой устойчивостью. Оно означает совокупность действий, которые совершают с целью оказания воздействия на основные компоненты долговой устойчивости - состояние, структуру и сумму задолженности.

В качестве примера обратимся к опыту управления долговой устойчивостью Ярославской области.

Управление состоянием задолженности осуществляется в рамках решения задачи, предусмотренной подпрограммой «Управление государственным долгом Ярославской области» в рамках государственной программы Ярославской области «Создание условий для эффективного управления региональными и муниципальными финансами в Ярославской области» на 2020-2025 годы, по обеспечению своевременности и полноты исполнения долговых обязательств Ярославской области [12]. Для этого выполняется мероприятие по обслуживанию государственного долга Ярославской области, что предполагает ежегодное направление на эту статью расходов части средств областного бюджета.

В результате обеспечивается отсутствие просроченной задолженности по долговым обязательствам Ярославской области. Данное обстоятельство положительно сказывается на долговой конкурентоспособности Ярославской области, поскольку подобное состояние долговой устойчивости может быть воспринято потенциальными заимодавцами в качестве положительной кредитной истории, которая подтверждает благонадежность региона как заемщика.

Работу органов государственной власти Ярославской области по управлению структурой задолженности иллюстрируют данные, представленные в таблице 3.

Таблица 3 – Структура государственного долга Ярославской области за 2019-2023 гг. по состоянию на 1 октября, %

Долговое обязательство	2019	2020	2021	2022	2023
Кредиты от кредитных организаций	6,74	1,07	0,00	0,00	0,00
Государственные ценные бумаги	53,94	56,49	41,99	25,89	20,08
Бюджетные кредиты	39,32	42,44	58,01	74,11	79,92
Государственные гарантии	0,00	0,00	0,00	0,0	0,00

Источник: составлено по [6]

В течение последних пяти лет была проделана целенаправленная работа по замене коммерческой части государственного долга на бюджетную. В итоге произошел полный отказ от использования кредитов от кредитных организаций (их привлекают только в форме возобновляемых кредитных линий) и в 2,5 раза (до 20,08%) сокращена доля государственных ценных бумаг. Соответственно, преобладать в структуре задолженности стали бюджетные кредиты (их доля – 79,92%).

Данная тенденция оказывает неоднозначное влияние на долговую конкурентоспособность Ярославской области. С одной стороны, бюджетные кредиты, как правило, характеризуются минимальными процентными ставками. Следствием этого станет экономия бюджетных средств,

так как сократятся расходы бюджета на обслуживание государственного долга, что может быть расценено потенциальными заимодавцами положительным образом: необременённый иными обязательствами заемщик будет располагать большими возможностями (т.е. большим объемом средств) для выплаты процентов по их обязательствам. С этой точки зрения Ярославская область будет более привлекательной как потенциальный заемщик, т.е. более конкурентоспособной на рынке публичного долга.

С другой стороны, структура задолженности является недифференцированной. Рано или поздно региону придется возвращать средства, которые были заимствованы у федерального центра. С учетом усложненных экономических условий (прежде всего, в силу санкций и дефицита на рынке труда) Правительство РФ в будущем может значительно сократить масштабы кредитования субъектов РФ. В условиях невозможности реструктуризации этой задолженности у региона будет обострена потребность в привлечении заемных средств в иных формах. Учитывая повышенный спрос и стремясь максимизировать свою прибыль, кредиторы могут предъявлять повышенные требования по обслуживанию кредита. В этом плане долговая конкурентоспособность Ярославской области снижается.

Однако серьезных изменений курса Ярославской области по управлению структурой задолженности в ближайшем будущем ожидать не стоит. Причина этого кроется в ужесточении государственной денежно-кредитной политики, которую проводит Банк России. Наблюдается значительное усиление текущего инфляционного давления, в связи с чем по итогам заседания Совета директоров Банка России 27 октября 2023 года было принято решение о повышении ключевой ставки до 15,00% годовых. По мнению мегарегулятора, возвращение инфляции к цели и ее дальнейшая стабилизация вблизи 4% потребуют поддержания жестких денежно-кредитных условий в экономике в течение продолжительного периода времени, что, в частности, может найти отражение в очередном повышении ключевой ставки на предстоящих заседаниях [2].

Одним из прямых следствий этого решения стал рост стоимости заемных средств, привлекаемых по рыночным условиям. Иными словами, органам публичной власти придется увеличить свои расходы по обслуживанию государственного долга, представленные в виде процентных платежей по кредитам от кредитных организаций и государственных ценных бумаг. С учетом сложившейся на финансовом рынке ситуации органы государственной власти Ярославской области в среднесрочной перспективе вряд ли будут использовать указанные долговые инструменты [13].

Еще одним аспектом управления долговой устойчивости Ярославской области является изменение суммы ее задолженности, что продемонстрировано в таблице 4.

Таблица 4 – Абсолютный и относительные показатели задолженности Ярославской области за 2015-2022 гг.

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Общий объем, млрд руб. (на 1 янв.)	28,6	31,1	35,6	36,2	37,2	37,5	39,6	41,8
Отношение объема государственного долга к объему ВРП	6,74	6,68	6,71	6,28	6,13	6,30	5,90	5,59
Отношение объема государственного долга к сумме налоговых и неналоговых доходов областного бюджета, %	68,77	71,62	71,11	65,50	65,61	66,02	56,17	56,45

Источник: составлено по [6]

За период 2015-2022 гг. общий объем государственного долга Ярославского области по состоянию на 1 января очередного финансового года неизменно увеличивался, в связи с чем на 1 января 2022 г. он составил 41,8 млрд руб. Более показательные данные составляют относительные показатели.

Отношение объема государственного долга к объему ВРП характеризует масштаб задолженности,

накопленной областью за рассматриваемый период. В данном случае оно уменьшилось с 6,74% (в 2015 г.) до 5,59% (в 2022 г.). Такая динамика позволяет утверждать, что финансовая устойчивость Ярославской области в виде ее способности погасить свой долг за счет совокупной производственной мощности выросла.

Отношение объема государственного долга к сумме налоговых и неналоговых доходов областного бюджета является показателем, который характеризует способность региональных органов власти одновременно и в полном объеме погасить всю накопившуюся задолженность. Его снижение для Ярославской области (с 68,77% в 2015 г. до 56,45% в 2022 г.) является положительным изменением, которое говорит не только о том, что регион может погасить весь свой государственный долг в течение одного финансового года, но о росте теоретически остающегося у него после выполнения этой операции остатка бюджетных средств для финансового обеспечения других задач и функций органов государственной власти.

Указанные изменения объема государственного долга привели к увеличению не только долговой устойчивости Ярославской области, но и ее долговой конкурентоспособности, поскольку они будут положительно оценены потенциальными кредиторами и инвесторами.

Заключение

Таким образом, долговая устойчивость может быть рассмотрена как значимый фактор долговой конкурентоспособности. Повышение долговой устойчивости заслуживает положительную оценку у потенциальных заимодавцев. В особенности, это касается случаев, когда они принимают решение о предоставлении публично-правовому образованию кредита при условии достижения конкретных значений по ряду показателей, которые, в том числе, характеризуют текущий и перспективный уровень долговой устойчивости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акматалиева А.С., Харькина Е.В. Актуальные вопросы долговой устойчивости Российской Федерации и ее влияние на экономическую безопасность России // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 346-349.
2. Банк России принял решение повысить ключевую ставку на 200 б.п., до 15,00% годовых | Банк России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cbr.ru/press/keuypr/> (дата обращения 21.11.2023).
3. Бардулин Е.Н., Кудряшов В.С., Джамаева С.Н. Формирование и оценка долговой устойчивости региона в целях бюджетной безопасности территорий // Экономика и управление народным хозяйством (Санкт-Петербург). 2019. № 5 (7). С. 99-107.
4. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 02.11.2023).
5. Голованова Н.В. Анализ показателей долговой устойчивости субъекта Российской Федерации на примере Республики Хакасия // Иннов: электронный научный журнал [Электронный ресурс]. 2017. №4 (33). Режим доступа: <http://www.innov.ru/science/economy/analiz-pokazateley-dolgovoy-ustoych/> (дата обращения: 21.11.2023).
6. Документы - Министерство финансов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yarregion.ru/depts/depfin/tmpPages/docs.aspx> (дата обращения 21.11.2023).
7. Карпов Д.М. Возможности государственной долговой и налоговой политики в управлении дефицитом бюджета // Устойчивое экономическое развитие: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. по матер. II Всеросс. науч.-практ. конф. НГУЭУ. 2022. С. 205-210.
8. Коваленко А.И. Теоретические и методологические аспекты использования концепции «Конкурентоспособности» в научных исследованиях // Современная конкуренция. 2013. № 6 (42). С. 65-79.
9. Коречков Ю.В. Долговая устойчивость региона как основа его стратегического развития // Социально-политические исследования. 2020. № 2 (7). С. 81-91.
10. Куйкина С.Г. Организационно-правовые аспекты управления долговой устойчивостью публично-правового образования // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 2. С. 157-161.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 04.03.2020 N 227 (ред. от 11.10.2021) «Об утверждении Правил проведения оценки долговой устойчивости субъектов Российской Федерации»
12. Постановление Правительства Ярославской области от 19.02.2020 № 124-п «О государственной программе Ярославской области «Создание условий для эффективного управления региональными и муниципальными финансами в Ярославской области» на 2020 – 2025 годы (ред. от 21.03.2023).
13. Постановление Правительства Ярославской области от 09.10.2023 № 1015-п «Об утверждении основных направлений государственной долговой политики Ярославской области на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов».
14. Рогатенюк Э.В. О соотношении понятий «долговая безопасность» и «долговая устойчивость» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 91-99.
15. Романцева Т.В. Управление государственным долгом России в интересах обеспечения национальной безопасности в условиях цифровизации / Т.В. Романцева: дис. ... докт. экон. наук: 5.2.4. Владимир. 2023. 344 с.
16. Санакоев А.Ю. Повышение долговой устойчивости субъектов Российской Федерации / А.Ю. Санакоев: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. Москва. 2021. 172 с.
17. Сафонов, А. А. Современная история: учебник для вузов / А. А. Сафонов, М. А. Сафонова. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 284 с.
18. Федеральный закон «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации, приостановлении действия отдельных

положений Бюджетного кодекса Российской Федерации, признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2023 году» от 21.11.2022 N 448-ФЗ.

19. Центральные банки — Investing.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.investing.com/central-banks/> (дата обращения: 21.11.2023).

20. Шмиголь Н.С., Фешина М.Н. Международная практика обеспечения долговой устойчивости на основе бюджетных правил // Финансовая жизнь. 2020. № 2. С. 94-97.

21. Шох М.А. Оценка долговой устойчивости как фактор региональной финансовой безопасности // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия: сб. науч. ст. 2-й Всеросс. науч.-практ. конф. ЮГЗУ. 2019. С. 330-332.

Debt sustainability of public legal entities in the context of its debt competitiveness: theoretical aspects and features in the Yaroslavl region at the present stage

Karpov Dmitry Maksimovich

undergraduate student

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: dmitrij_karpov_98@mail.ru

Vakhrushev Dmitry Stanislavovich

Doctor of Economics, Professor

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: vds204@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the relationship between two categories: debt sustainability and debt competitiveness. The relevance of the article is due to the active implementation of debt management activities by public legal entities at all levels and the need for them to ensure their own debt sustainability. The purpose of the article is to establish and describe the relationship that exists between debt sustainability and debt competitiveness. The research was mainly carried out by methods of conceptual analysis, collection, study and classification, graphical representation, analysis of official documents, structural and dynamic analysis, and empirical observation. The article presents the concepts and essential characteristics of the categories «debt sustainability» and «debt competitiveness»; examines the consequences of debt instability; analyzes the author's views published in the literature on issues related to debt sustainability; the cyclical nature of the debt activity of public legal entities is established; the provisions of the current budget legislation of the Russian Federation in the field of debt sustainability are outlined; a structural and dynamic analysis of the state debt of the Yaroslavl region is carried out. The scientific novelty of the conducted research lies in the substantiation of an approach that suggests considering the debt sustainability of public legal entities and managing it as a significant factor in its debt competitiveness.

Keywords: debt sustainability, debt competitiveness, debt obligations, public legal entities, borrower, lender, investor, public authority

Пороховский Анатолий Александрович – ученый-экономист и друг нашего журнала

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Недавно отметил свой 80-й день рождения Анатолий Александрович Пороховский. Редколлегия нашего журнала, её главный редактор и многочисленные наши авторы и читатели сердечно поздравляют юбиляра с этой датой, этапом на пути славной жизни, отдаваемой ведущему университету страны и политэкономии как базовой методологической основе экономических исследований.

В 1970 году, как мы уже писали в нашем журнале пять лет назад [см.: 1] Анатолий Александрович окончил экономический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, а работать на этом факультете начал вообще более полувека назад – с 1968 года. В 1986 году успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук, в 1988 году получил ученое звание профессора. С 1997 года по 1999 год возглавлял кафедру политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова. В 2005 году Анатолий Александрович был удостоен звания Заслуженного профессора МГУ, а в 2009 – Заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

С 2001 года А.А. Пороховский возглавляет научный совет МГУ по разработке современной экономической теории и модели социально-экономического развития России. С этого же времени он входит в состав Ученого совета МГУ. Анатолий Александрович является председателем диссертационного совета при МГУ.

Профессор А.А. Пороховский ведет активную педагогическую деятельность с аспирантами, студентами бакалавриата и магистратуры. С бакалавриатом он работает по программам «Экономика как система» и «Политическая экономия». При подготовке магистров он читает обязательный курс «Политическая экономия в информационную эпоху» и ведет научный семинар «Капитал в XXI веке: вызовы времени». Для аспирантов по специальности «Экономическая теория» Анатолий Александрович читает курс экономической теории и ведет научный семинар «Развитие инфраструктуры национальной экономики: теория, практическая реализация, экономическая политика». Профессор А.А. Пороховский подготовил 38 кандидатов и 8 докторов экономических наук.

Высокой активностью отличается и научно-исследовательская деятельность А.А. Пороховского, автора трех сотен научных работ. Широка палитра проблем, представляющая область его научных интересов. Но в первую очередь в ней преобладают вопросы, связанные с базовыми, методологическими основами современной экономической науки. К их числу можно отнести такие, как:

- методология экономических исследований;
- системность в экономической теории и деловой практике;
- формирование и развитие современной экономической теории и национальной модели экономического развития;
- феномен американского лидерства и китайский вызов в мировом хозяйстве;
- влияние современной информационной и коммуникационной технологии на национальное и мировое развитие и его отражение в экономической теории;
- динамика финансового капитала и финансовых рынков;

– фиктивный капитал в XXI веке;
– открытость экономики, национальные интересы и экономическая безопасность;
– неравномерность экономического развития и формирования центров мирового хозяйства, место и роль России.

Как видите, уважаемый читатель, уже сам перечень отмеченных направлений научных интересов А.А. Пороховского показывает, что ученый занимается осмыслением действительно первостепенных по актуальности и практической значимости политэкономических проблем. Такой вывод и оценку подтверждают содержание и даже сами названия научных работ А.А. Пороховского. Приведем лишь некоторые из этих названий в Списке литературы (см.: 2, рук. ред. кол., введение, гл.1; 3; 4, отв. ред. предисловие, введение, заключение; 5; 6, общая редакция, предисловие, введение, заключение; 7; 8; 9, отв. редактор, введение, гл.1, заключение; 10, отв. редактор, введение; 11; 12; 13.

Только в последние пять-семь лет большой интерес у научного сообщества вызвали такие работы А.А. Пороховского, как статья «Обрабатывающая промышленность в сервисной экономике», опубликованная в журнале «США и Канада: экономика, политика, культура», издательство «Наука» (М.), 2018, № 6 {582}, с. 23-40; статья «Обрабатывающая промышленность: вызовы и перспективы в современном мире» в журнале «Экономическое возрождение России», 2018, № №2 (56), с. 91-102; статья «Планирующая система» Дж.К.Гэлбрейта: 50 лет спустя» в журнале «Российский экономический журнал», издательство «Ун-т менеджмента и бизнес-администрирования» (М.), 2017, № 1, с. 71-88; совместно с В.С. Фоминой статья «Большой бизнес в США: динамика и сферы влияния» в журнале «США и Канада: экономика, политика, культура», издательство Наука (М.), 2017, № 10, с. 5-21; статья «Важнейший период в истории мировой цивилизации» в журнале «Мир перемен», 2017, № 4, с. 170-171; опубликованная в журнале «США и Канада: экономика, политика, культура», издательство «Наука» (М.), 2017, № 12, с. 108-114, статья «Деньги: функции и роль в XXI веке»; представленная в журнале «Экономическое возрождение России», 2017, № 3, с. 39-48, работа под названием «Исследовательская традиция Джона Кеннета Гэлбрейта и современные экономические проблемы России»; вышедшая в журнале «Экономические стратегии», издательство «Ин-т экон. стратегий (ИНЭС)», (М.), том 19, 2017, № 6, с. 212-215, статья «Рыночная цивилизация: где ее корни?»; статья «Системное перестроение российской экономики: возможности «рыночной колеи» в журнале Философия хозяйства, издательство «Ред. журн. «Философия хозяйства» (М.), 2017, № 1 [109], с. 93-100; статья «Political Economy in the Twenty-First Century (A Reliable Key to Systemic Analysis of the Modern Economy and to Resolving Its Problems)» в журнале «Special English-Language Edition of the Journals Questions of Political Economy and The Economic Revival of Russia». / Eds. A. Buzgalin, N. Yakovleva, 2016, с. 58-74.

В этот перечень, считаю, надо также отнести следующие работы А.А. Пороховского:

Цифровизация и производительность труда // США & Канада: экономика, политика, культура №49(8), 2019;

Эволюция предмета и метода политической экономии на заре цифровизации // Труды Вольного экономического общества России. Том 218. Москва №4, 2019;

Экономика для менеджеров. Учебник. В 2-х книгах. Под ред. А.А. Пороховского, И.М. Тенякова. Книга 1. 2019 г. Книга 2. 2020 г. Москва, Книга-Мемуар;

Цифровизация и искусственный интеллект: перспективы и вызовы // Экономика. Налоги. Право. Том 13, №2, 2020;

Еще раз о политической экономии как научной и учебной дисциплине (по поводу дебатированных аспектов проблемы). // Российский экономический журнал. № 5, 2020;

Диалектика цивилизации. // Вопросы политической экономии, №1(25). 2021;

Американский экономический кризис 2020-2021 гг.: циклические и нециклические факторы. // США & Канада: экономика, политика, культура №51(6), 2021;

Интернациональное и национальное в экономическом развитии в XXI веке (в свете экономической теории). Коллективная монография. Под ред. А.А.Пороховского, А.В.Сорокина.

Москва, Экономический факультет МГУ, 2021.

Здесь, как и в других работах, А.А. Пороховский последовательно продолжает отстаивать методологию классической политэкономии в её творческом развитии применительно к анализу современных социально-экономических реалий. Перед нами, действительно, замечательный ученый и организатор науки на правофланговой кафедре Экономического факультета МГУ.

Как видим, круг обязанностей А.А. Пороховского, как педагога, ученого, организатора, необычайно велик. И всё-таки после выхода многих из свыше сотни номеров нашего журнала «Теоретическая экономика» он находит возможным и, видимо, необходимым отозваться хотя бы краткими словами оценки и поддержки, что, конечно же, имеет для нас огромное значение, придает дополнительные силы для улучшения качества наших публикаций. Мне не забыть, о чем я уже делился с читателями [см.: 1], как в его кабинете в МГУ я поделился опасениями, что обращение журнала из Ярославля к базовым методологическим проблемам может быть совсем не положительно воспринято, например, ВАКом, где могут счесть, что периферийному изданию гораздо более пристало заниматься, к примеру, вопросами региональной экономики. Анатолий Александрович успокоил, что наряду с теоретико-методологической рубрикой «Актуальные проблемы теоретической экономики» у нас есть и достаточно «практическая», прикладная рубрика, посвященная проблемам новой индустриализации, которая нас «реабilitирует» от предполагаемой критики и которую он посоветовал совершенствовать, при этом в рамках её активизировать исследования и региональной экономики.

Мы гордимся тем, что ещё несколько лет назад Анатолием Александровичем, как заведующим кафедрой политэкономии МГУ и от имени коллектива кафедры, было подписано ходатайство в адрес председателя ВАК следующего содержания:

« Уважаемый Владимир Михайлович!

В соответствии с Постановлением от 20 июня 2011 г. N 474 «Об утверждении положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве Образования и науки Российской Федерации» просим Вас включить электронный журнал «Теоретическая экономика» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (режим доступа <http://www.theoreticaleconomy.info>) в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по специальности 08.00.01 – Экономическая теория.

Данный журнал издаётся с 2010 года, имеет регулярную периодичность (вышло 18 номеров), институт рецензирования. Статьи, публикуемые в данном журнале, имеют научную новизну, соответствуют необходимым требованиям и достаточно значимы для дальнейшего развития теории и практики в рассматриваемой области знаний».

И конечно, очень дорогого стоило участие Анатолия Александровича в нашем журнале в качестве автора [см., например: 14] и участника дискуссии о месте политэкономического содержания в новой программе по экономической теории, где он развивает фундаментальные идеи, выступающие методологической основой для дальнейшего развития нашей концепции теоретической экономики.

Мы, члены редколлегии, многочисленные авторы и читатели журнала «Теоретическая экономика», находящегося в списке ВАК, сердечно благодарны Анатолию Александровичу за его наставничество над нами, за дружеские советы и поддержку!

Поздравляем Анатолия Александровича Пороховского с достижением юбилейного рубежа и желаем ему доброго здоровья и новых творческих успехов на благо любимой Родины!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордеев, В.А. Пороховский Анатолий Александрович – выдающийся ученый-экономист, наставник и друг нашего журнала [Текст] /В.А. Гордеев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 1. — С. 105-107.
2. Пороховский А.А. и др. Экономическая теория: истоки и перспективы. – М.: 2006.
3. Пороховский А.А. Эффективность экономического образования – Вопросы экономики, №7, 2006.
4. Пороховский А.А. и др. Экономика России: состояние, тенденции, перспективы. М.: МАКС Пресс, 2009.
5. Пороховский А.А. От инновационного развития – к инновационной экономике // Мировая экономика и международные отношения, №1, 2010.
6. Пороховский А.А. и др. «Общая экономическая теория. Вводный курс». В 3-х кн. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2010.
7. Пороховский А.А. Политическая экономия: современные вызовы и перспективы // Экономист, №1, 2011.
8. Пороховский А.А. Глобализация, экономический цикл и будущее капитализма // США и Канада: экономика, политика культура. №3, 2012.
9. Пороховский А.А. и др. Долговая проблема как феномен XXI века (Отв. редактор, введение, гл.1, заключение). – М.: МАКС Пресс, 2014.
10. Пороховский А.А. и др. Экономическая система современной России: пути и цели развития. (Электронное издание). – М.: Экономический факультет МГУ, 2015.
11. Пороховский А.А. Злоупотребление частными интересами. / Мир перемен. Специальный выпуск, 2015.
12. Пороховский А.А. Мудрость и энергия политической экономии: проверено столетиями // MANEKO, Bratislava, 2015.
13. Пороховский А.А. За и против «рыночной колеи» России в XXI веке // Экономическое возрождение России, № 2, 2016.
14. Пороховский, А.А. Рецензия на проект рабочей программы учебного курса по экономической теории Финансового университета [Текст] / А.А. Пороховский // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 9. — С. 111-112.